

Редьярд Киплинг

Маугли

Рисунки Василия Алексеевича Ватагина

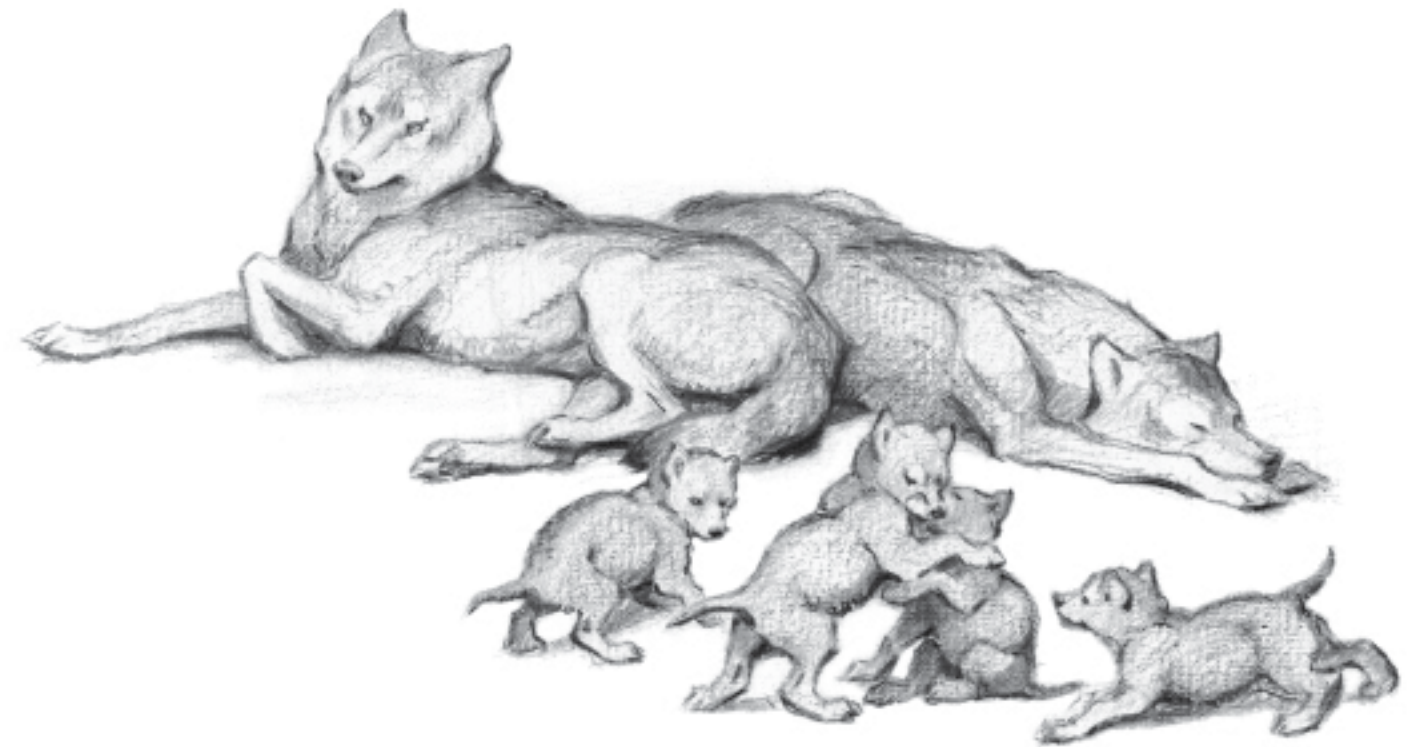
Перевод с английского С. Г. Займовского

Издательство ПРОСПЕКТ и творческая группа «Новая книга»
Москва

Ночная песнь Джунглей

На крыльях Чили пала ночь,
Летят нетопыри.
Стада в хлевах, — свободны мы
До утренней зари...
Удары когтя, стук зубов
Слились в кровавый стон...
Внимай! Охоты доброй — всем,
Кто Джунглей чтит закон.

Братья Маугли

Наступал седьмой час жаркого вечера на холмах Сионийских, когда Отец Волк очнулся от дневного сна, почесался, зевнул и вытянул одну за другою лапы, до когтей оцепеневшие в сонной истоме. Мать Волчица лежала, уткнувшись огромной серой мордой в четверых своих щенков, с визгом копошившихся на полу. Луна сияла в просвете пещеры.

— Огrrr! — проворчал Отец Волк. — Пора опять на охоту.

И он хотел уже спуститься с холма, как вдруг маленькая тень со взъерошенным хвостом загородила выход и провизжала:

— Да сопутствует тебе удача, о главный над волками! И твоим благородным чадам — счастье и крепкие белые зубы! И да не забудут они голодающих мира сего!

Это был шакал — Табаки, лизоблюд, — а волки индийских лесов презирают Табаки: он вечно шныряет повсюду, творит пакости, разносит сплетни, поедает тряпье и куски кожи, роясь в деревенских мусорных кучах. Но они же и боятся Табаки — ибо он больше, чем кто-либо в Джунглях, склонен к бешенству; в это время он не боится решительно никого, мчит по лесу и кусает каждого встречного. Даже тигр бежит и прячется, когда бесится маленький Табаки; бешенство — ужаснейшая хворь из всех, что могут постигнуть дикого зверя. Мы, люди, называем ее водобоязнью, а звери зовут ее — «девани» (бешенством) и бегут без оглядки.

— Ну, ступай, ищи, — угрюмо молвил Отец Волк, — да здесь и нет съестного.

— Для Волка нет, — возразил Табаки, — но для такой ничтожной особы, как я, и сухая кость уже целый пир. Нам ли, Гидур-логу («шакальему племени»), выбирать и привередничать?

Табаки юркнул вглубь пещеры, где нашел оленью кость, на которой оставалось немного мяса, уселся и весело принялся обгладывать ее. — Благодарю за сытный обед, — проговорил он, облизывая морду. — Как прекрасны благородные дети! Какие у них огромные глаза! А ведь сами еще так малы! Ах, я забыл, что дети царей — взрослые с первого дня!

Табаки, как и всякому другому, отлично известно было, что нет ничего хуже, как хвалить детей в глаза; но ему приятно было досадить отцу и матери волчат.

Некоторое время Табаки сидел смирно, наслаждаясь учиненной пакостью. Затем ехидно проронил:

— Шер-Хан, Великий, меняет место охоты. В будущем месяце он будет охотиться в здешних горах — так сказал он мне!

Шер-Хан был тигр, живший у реки Вайнгунги, в двадцати милях.

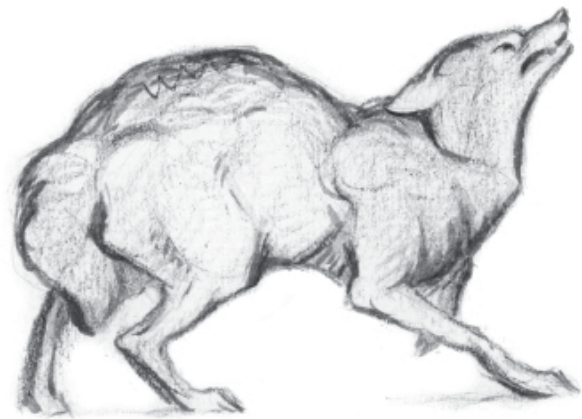
— Не имеет права! — гневно начал Отец Волк. — По Закону Джунглей он не имеет права менять логово просто так, без причины! Он распугает всю дичь на десять миль кругом, а мне... мне надо ловить за двоих эти дни!

— Недаром его мать назвала его Лэнгри (Хромым), — спокойно заметила Мать Волчица. — Он с рождения хромает на одну ногу. Вот почему он может убивать лишь домашнюю скотину. Поселенцы Вайнгунги давно точат на него зубы, и теперь он идет сюда, чтобы и наших соседей разгневать! Когда по его милости они начнут зачищать Джунгли, он-то легко уйдет куда-нибудь подальше. Нам же с малышами придется спешно бежать куда попало, когда люди подожгут траву. Да уж, спасибо Шер-Хану!

— Не передать ли ему вашу благодарность? — услужливо спросил Табаки.

— Вон! — зарычал Отец Волк. — Вон! Ступай охотиться к своему покровителю. Довольно ты наделал зла для одной ночи!

— Я ухожу, — совершенно спокойно возразил Табаки. — Вы услышите голос Шер-Хана внизу, в чаще. Я мог и не исполнять поручения...

Отец Волк прислушался: из глубины долины, сбегавшей к маленькой речонке, доносился сухой, злобный, протяжно-визгливый вой упустившего добычу тигра, которому решительно все равно, узнают ли об этом Джунгли.

— Дурень! — промолвил Отец Волк. — Ночную работу начинать таким шумом! Он воображает, будто наши олени то же самое, что жирные вола Вайнгунги?!

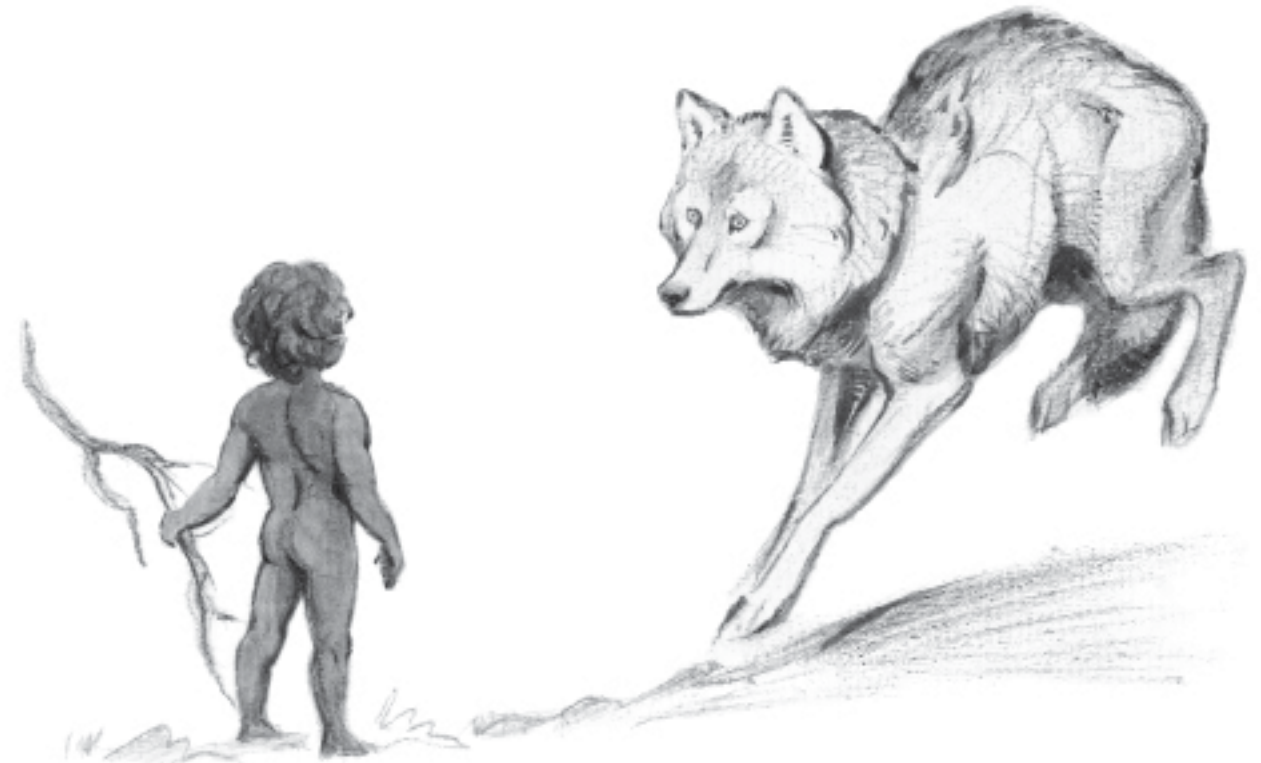

— Тс!.. Нынче он охотится не за волком и не за оленем, — прервала его Мать Волчица. — Это Человек!

Вой сменился особым гудящим мурлыканьем, исходившим, казалось, отовсюду и одновременно. Это был тот звук, который приводит в дикое смятение дровосеков и цыган, ночующих под открытым небом, и порой заставляет их бросаться чуть ли не в самую пасть тигра.

— Человек! — произнес Отец Волк, оскалив свои белые зубы. — Охо! Разве мало жуков и лягушек в водоемах, что ему понадобилось есть человечину, да еще на нашей земле?

Закон Джунглей, ничего не предписывающий без причины, запрещает зверям есть Человека, кроме тех случаев, когда они учат детенышей охотиться. Но только не на территории своей Стаи или Племени! Ведь за каждым убитым человеком рано или поздно приходит целая толпа: белые люди на слонах, с оружием, и сотни темнокожих — с барабанами, ракетами и факелами. Тут уж достается всем обитателям Джунглей!

А между собой звери говорят, что Человек слабее и беззащитнее всех живых существ, и обижать его было бы «не по-охотничьи». Они еще говорят — и это правда, — что людоеды становятся шелудивыми и теряют зубы.

Мурлыканье становилось все громче и громче, и наконец раздалось громовое «аррр» тигра, нападающего на добычу. Затем последовал вой Шер-Хана — вой, в котором мало было тигриного.

— Шер-Хан промахнулся, — заметила Мать Волчица. — Что бы это значило? — Отец Волк пробежал несколько шагов и услышал дикий рык и сопение тигра, ворочавшегося в чаще.

— Его угораздило прыгнуть на костер дровосека, и он обжег себе лапы! — проворчал Отец Волк. — С ним Табаки.

— Кто-то взбирается на гору, — сказала Мать Волчица, насторожив ухо. — Готовься!

В темноте слегка зашумели кусты; Отец Волк присел на задние лапы, готовясь сделать прыжок. И тут сторонний наблюдатель мог бы увидеть удивительное зрелище: волка, остановившегося посреди прыжка! Он бросился вперед прежде, чем разглядел свою жертву, а затем внезапно решил остановиться. Вышло, что он лишь метнулся вверх метра на полтора — и упал наземь почти там же, откуда прыгнул.

— Человек! — воскликнул он, лязгнув зубами. — Человеческий Детеныш! Гляди!

Прямо перед ними, держась за низкорослую ветку, стоял голенький темнокожий ребенок, едва начавший ходить. Такой нежный пухленький малыш еще никогда не заглядывал ночью в волчью пещеру. Он взглянул прямо в глаза Отцу Волку и заулыбался.

— Неужели это Человеческий Детеныш? — спросила Мать Волчица. — Никогда их не видала. Неси его сюда!

Привыкнув таскать собственных детенышей, волк может — в случае необходимости — пронести в пасти яйцо, не раздавив его. И хотя челюсти Отца Волка плотно сомкнулись на спинке ребенка, он ни одним зубом не оцарапал ему кожи и уложил его рядом со своими щенками.

— Какой крошка! Он совсем голый... И какой смелый! — с нежностью проговорила Мать Волчица. Ребенок расталкивал волчат, теснясь поближе к теплому меху. — Ух ты! Он ест вместе с волчатами! Так вот каков Человеческий Детеныш! Ну мог ли когда-нибудь волк похвастаться тем, что у него среди щенков лежит Человеческий Детеныш?..

— Мне приходилось слышать что-то в этом роде, но это было не в моей Стае и не в мое время, — отозвался Отец Волк. — Он совсем безволосый, и я мог бы убить его одним ударом лапы. Но погляди: он смотрит прямо на меня — и нисколько не боится!

Лунный свет, сиявший во входе пещеры, померк: огромная квадратная голова и плечи Шер-Хана загородили вход. Табаки, прячась за его спиной, пищал: — Владыка, Владыка! Он вошел сюда!

— Шер-Хан делает нам честь своим посещением, — произнес Отец Волк, но в глазах его светился гнев. — Что нужно Шер-Хану?

— Мою добычу. Здесь прошел Человеческий Детеныш, — сказал Шер-Хан. — Его родные удрали. Отдайте его мне!

Шер-Хан наскочил на костер дровосека, как заметил уже Отец Волк; боль в обожженных лапах приводила его в ярость.

Но Отец Волк знал, что отверстие пещеры слишком узко для тигра. Даже там, где он стоял сейчас, его передние лапы и плечи едва помещались. И драться он бы смог сейчас не лучше человека, влезшего в бочонок.

— Волки — свободный народ! — молвил Отец Волк. — Они получают приказания от Вождя Стаи, а не от какого-то полосатого скотобоя. Человеческий Детеныш наш, и мы его убьем, только если пожелаем.

— Пожелаете или не пожелаете? Это что за речи? Клянусь быком, которого я убил, я не долго буду дожидаться здесь, уткнувши нос в ваше собачье логово, дожидаться того, что принадлежит мне по праву! Это я, Шер-Хан, говорю с вами!

Громовой рев тигра потряс пещеру. Мать Волчица стряхнула с себя волчат и прыгнула вперед; глаза ее, горевшие во тьме, как две зеленые луны, впились в пылавшие очи Шер-Хана.

— А это я, Ракша («Сатана»), отвечаю тебе! Человеческий Детеныш — мой, Лэнгри! Мой и только мой! Он не будет убит! Он останется в живых, будет бегать и охотиться со Стаей; а в конце концов — берегись, охотник за голыми детенышами, пожиратель лягушек и рыб! Он будет охотиться за тобой! А теперь убирайся прочь, не то, клянусь Самбгуром-оленом, которого я убила (я-то не ем оголодалого скота!), ты уйдешь к родившей тебя, опаленная скотина Джунглей, более хромым, чем явился на свет. Ступай!

Отец Волк с изумлением глядел на нее.

Он успел уже забыть о том времени, когда отвоевал Мать Волчицу в жестокой схватке с пятью другими волками, когда она бегала в Стае и ее только из вежливости не называли в глаза Сатаной. Шер-Хан мог еще потягаться с Отцом Волком, но не устоял бы против Волчицы, так как видел, что у нее более выгодная позиция и что она будет драться до последнего вздоха. Ворча, он отступил от пещеры и, отойдя немного, прорычал:

— На своем подворье и собака пан! Посмотрим, что скажет Стая на такое покровительство человеческим детенышам. Детеныш — мой и рано или поздно попадется мне в зубы, о густохвостые воры!

Мать Волчица, еле дыша, бросилась наземь посреди своих детенышей. Отец Волк важно заметил ей:

— Шер-Хан сказал правду. Детеныша нужно показать Стае. Ты действительно хочешь приютить его, Мать?

— Приютить его?! — спросила она, едва переведя дух. — Он пришел ночью, голый, одинокий, голодный; но он не боялся. Смотри, он уже оттолкнул одного из моих детей в сторону. Этот хромой мясник убил бы его и убежал на Вайнгунгу, а здешние поселенцы разорили бы в отместку все наши убежища! Приютить его? Разумеется, я дам ему приют. Лежи смирно, Лягушонок! О Маугли — ибо Маугли-Лягушонком стану я тебя называть, — наступит время, когда ты будешь охотиться за Шер-Ханом, как Шер-Хан охотился за тобой.

— Но что скажет наша Стая? — промолвил Отец Волк.

Закон Джунглей весьма отчетливо гласит, что всякий волк может после женитьбы выйти из Стаи, к которой он принадлежит. Но едва его дети подрастут настолько, чтобы стоять на ногах, он обязан представить их в Племенной Совет, обыкновенно собирающийся раз в месяц, в полнолуние,

чтобы прочие волки могли познакомиться с ними. После этого щенки вольны бегать куда им вздумается, и пока они не убьют своего первого оленя, нет прощенья тому из взрослых волков Стаи, который убил бы одного из них. Убийца карается смертью на том самом месте, где его найдут. И если хоть немного задуматься, ясно, что так оно и должно быть.

Отец Волк выждал, пока его волчата начали бегать, и в ночь Племенной Сходки повел их всех, Маугли и Мать Волчицу на Скалу Совета — вершину холма, усеянную голышами и обломками скал, за которыми могло укрыться до сотни волков.

Акела, огромный седой Одинокий Волк, правивший Стаей силой и мудростью, лежал, вытянувшись во весь рост, на своем утесе; внизу сидело сорок или больше волков всевозможных мастей и возрастов, от седых как барсук ветеранов, могущих в одиночку справиться с оленем, до молодых черных трехлеток, лишь воображающих, что они могут это сделать. Одинокий Волк уже год стоял во главе Стаи. В молодости он два раза попадался в волчий капкан, а однажды был жестоко избит и брошен замертво; так что обычаи и повадки людей ему были знакомы. У скалы почти не слышно было разговоров. Волчата кувыркались и копошились в центре круга, образованного их отцами и матерями; время от времени какой-нибудь взрослый волк медленно приближался к щенку, внимательно его осматривал и бесшумно возвращался на место. Иногда мать выталкивала своего щенка на лунный свет, чтобы быть уверенной, что его не проглядают. Акела взывал со своей скалы:

— Вы знаете Закон — вам введом Закон. Хорошенько глядите, о Волки!..

И матери тревожно вторили ему:

— Глядите, хорошенько глядите, о Волки!..

Наконец (в это мгновение у Матери Волчицы шерсть на шее стала дыбом) Отец Волк вытолкнул «Маугли-Лягушонка», как его называли, на середину

круга, где он уселся, смеясь, и стал играть камешками, блестящими при свете луны.

Акела не поднимая головы, лежащей на передних лапах, продолжал монотонно:

— Хорошенько глядите!

Глухой рев донесся из-за скал — это был голос Шер-Хана:

— Детеныш — мой! Отдайте его мне! На что Свободному Племеню Человеческий Детеныш?

Акела и ухом не повел; он только промолвил:

— Хорошенько глядите, о Волки! Какое дело Свободному Племеню до приказов чьих бы то ни было, кроме Свободного Племеню?

Раздался хор глухих рычаний, и молодой четырехлетний волк метнул Акеле вопрос Шер-Хана:

— Зачем нужен Свободному Племеню Человеческий Детеныш?

По Закону Джунглей, если возникает спор о правах волчонка на принятие в Стаю, за него должно быть подано по меньшей мере два голоса членом Стаи, не считая отца и матери.

— Кто говорит в пользу Детеныша? — спросил Акела. — Из Свободного Племеню кто говорит?

Ответа не последовало, и Мать Волчица приготовилась к последней своей битве, на случай, если бы дело дошло до драки.

Тогда единственный посторонний зверь, допущенный в Племенной Совет, — Балу, сонливый бурый медведь, обучающий волчат Закону Джунглей, старый Балу, бродящий всюду, где ему вздумается, ибо он питается лишь орехами, кореньями и медом — поднялся на задние лапы и прорычал:

— Человеческий Детеныш, Человеческий Детеныш! — сказал он. — Я заступлюсь за Человеческого Детеныша! Он не причинит вам вреда. У меня

нет дара слова, но я говорю правду! Пусть он бежит в Стаю и войдет в нее вместе с другими. Я сам займусь его воспитанием.

— Нам нужен еще один голос, — промолвил Акела. — Говорил Балу, а он — наставник нашей молодежи. Кто кроме Балу?

Черная тень упала посреди круга. Это была Багира, черная пантера — черная как чернила, со свойственными пантере лоснящимися отсветами на ее шкуре. Все знали Багиру, и никто не смел становиться ей поперек дороги, ибо она была хитра, как Табаки, смела, как дикий буйвол, и неукротима, как раненый слон. Но голос ее был сладок, как дикий мед, капающий с дерева, а шерсть мягче пуха.

— О Акела и вы, Свободное Племя! — промурлыкала она. — Я не имею права участвовать в вашем собрании; но Закон Джунглей гласит, что когда возникает сомнение относительно нового детеныша — если речь идет не об охоте, — то жизнь его может быть куплена за известную плату. А Закон не устанавливает, кто может, а кто не может предлагать эту плату. Правду ли я говорю?

— Правильно! Верно! — подхватили молодые волки, которых вечно терзал голод. — Слушайте Багиру! Детеныш может быть куплен за плату, таков Закон!

— Не имея права говорить здесь, прошу вашего позволения.

— Говори! — гаркнуло двадцать глоток.

— Убивать безволосого детеныша — позор. Кроме того, он может оказаться вам полезным, когда вырастет. Балу говорил в его пользу. К словам Балу я добавлю быка — и прежирного, только что убитого в полумиле отсюда, — если только вы примете человеческого детеныша в Стаю по Закону.

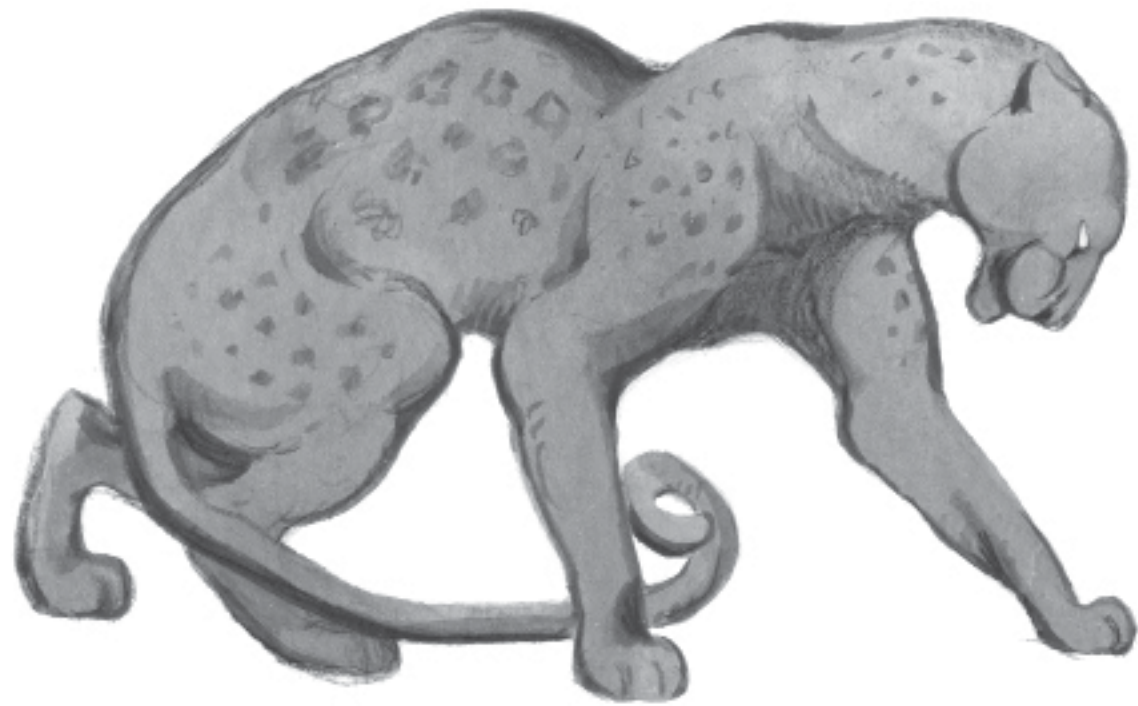
Раздались десятки восклицаний:

— Что за беда? Все равно он умрет от зимних дождей... Солнце сожжет его. Какой вред может нам причинить голый лягушонок? Пусть бежит в Стаю! Где бык, Багира? Пусть его примут...

Все покрыл суровый голос Акелы:

— Глядите, хорошенько глядите, о Волки!

Маугли до того был занят своими камешками, что не замечал, как волки поочередно подходили и рассматривали его. Наконец все они спустились с холма к мертвому быку; остались только Акела, Багира, Балу и волки, усыновившие Маугли. Шер-Хан продолжал реветь во мраке, злобствуя, что ему не отдали Маугли.

— Ревя себе, — пробормотала Багира в усы. — Наступит время, когда это голое создание заставит тебя реветь на иной лад — или я плохо знаю людей!

— Сделано хорошее дело, — промолвил Акела, — люди и их детеныши очень умны. Настанет время, когда он будет нам в помощь!

— Воистину, в помощь в час нужды; ибо никто не может надеяться вечно предводительствовать Стаей, — заметила Багира.

Акела ничего не ответил. Он думал о том времени, которое наступает для каждого вожака Стаи, когда силы его истощаются, он все больше и больше слабеет, пока, наконец, его не убивают волки и не назначается новый вождь, который также в свое время будет убит.

— Уведи его, — обратился он к Отцу Волку, — и воспитай, как приличествует сыну Свободного Племена!

Вот так Маугли был принят в Сионийскую Стаю волков — ценой быка и доброго слова Балу.

А теперь пусть читатель потрудится пропустить десять-одиннадцать лет и представит сам, какую удивительную жизнь Маугли вел в обществе волков. Потому что если бы мы стали рассказывать обо всем, пришлось бы наполнить множество томов. Он рос вместе с волчатами, хотя они, разуме-

ется, успели стать взрослыми волками, в то время как он был еще совсем ребенком. Отец Волк обучал его своему делу и разъяснял смысл всего, что только можно встретить в Джунглях, пока шелест каждой былинки, каждый вздох теплого ночного воздуха, тихий клекот совы, сидящей на дереве, каждая царапина от когтей летучей мыши, повисшей мимоходом на ветке, и каждый всплеск рыбки в озере не стали ему так же понятны, как текст книги для ученого человека. В то время, когда Маугли не учился, он нежился на солнышке, дремал, ел и вновь отправлялся спать; когда ему становилось жарко или случалось выпачкаться, он плескался в лесных озерцах; а когда ему хотелось меду (Балу рассказал ему, что мед и орехи так же приятны на вкус, как и сырое мясо), он взбирался на дерево — этому его научила Багира. Багира растянется, бывало, на суку и зовет: «А ну иди-ка сюда, Маленький Брат!»

Вначале Маугли ползал по деревьям точно ленивец, но вскоре почти так же смело летал меж ветвей, как и серые обезьяны. У него было свое место на Скале Совета, когда собиралась Стая; здесь он сделал открытие, что стоит ему пристально поглядеть любому волку в глаза, как тот опускает их; для потехи он не раз проделывал эту штуку. Случалось, он вынимал занозы из лап своих друзей — волки сильно страдают от шипов и репейников, застревающих в их шубах. По ночам он любил спускаться с холма на возделанные поля и с любопытством наблюдал поселян в их хижинах; но он не доверял людям: Багира показала ему квадратный ящик — капкан, так искусно спрятанный в лесу, что он чуть не попал в него, и сказала, что это ловушка.

Больше всего он любил ходить с Багирой в темную теплую чащу леса и засыпать там на весь душный день, а ночью наблюдать, как Багира охотится. Проголодавшись, Багира разила направо и налево, то же делал и Маугли —

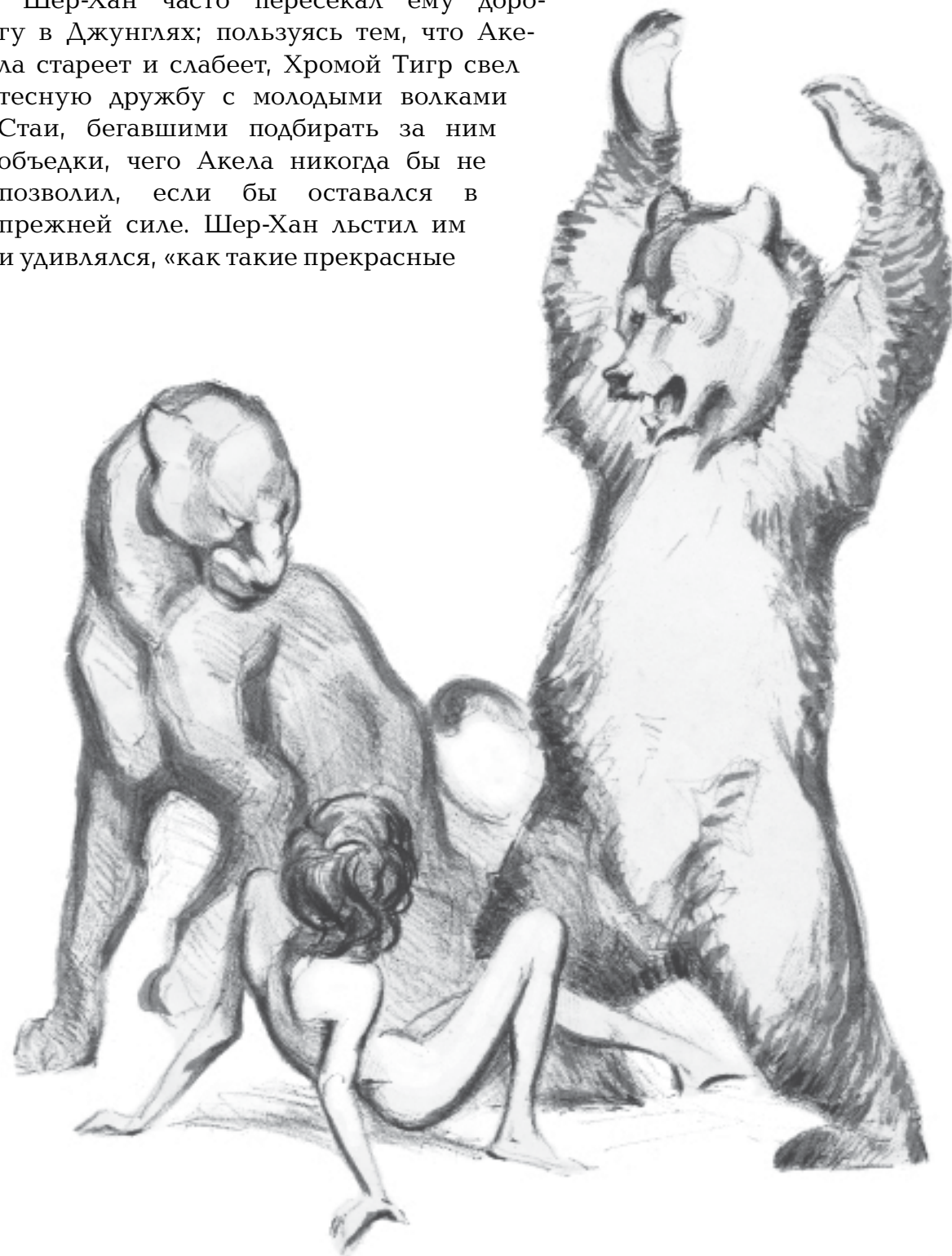

за одним исключением. Когда он подрос и многое стал понимать, Багира объяснила ему, что он никогда не должен трогать скотины, ибо сам был принят в Стаю ценою жизни быка. «Все Джунгли твои, — говорила Багира, — и ты можешь убивать все, что в силах будешь одолеть; но ради быка, которым тебя выкупили, ты никогда не должен ни убивать, ни есть скотины — ни молодой, ни старой. Таков Закон Джунглей». Маугли беспрекословно повиновался.

Он рос, становился все сильнее и сильнее — да и что было делать мальчику, не имевшему представления о том, что значит учить уроки, и которому ни о чем не приходилось думать, разве что о еде?

Мать Волчица раз или два говорила ему, что Шер-Хану нельзя доверять и что рано или поздно он, Маугли, должен будет убить Шер-Хана. Волчонок помнил бы этот совет в каждый час своей жизни, но Маугли забыл: ведь он был всего лишь мальчик, хотя и называл бы себя волком, если бы умел говорить на человеческом языке.

Шер-Хан часто пересекал ему дорогу в Джунглях; пользуясь тем, что Акела стареет и слабеет, Хромой Тигр свел тесную дружбу с молодыми волками Стаи, бегавшими подбирать за ним объедки, чего Акела никогда бы не позволил, если бы оставался в прежней силе. Шер-Хан лстыл им и удивлялся, «как такие прекрасные

молодые охотники терпят понукания умирающего волка и Человеческого Детеныша».

— Мне сказали, — говорил Шер-Хан, — что на Советах вы не смеее взглянуть ему в глаза!

И молодые волки рычали и ощетинивались.

Багире, все видевшей и слышавшей, было известно даже больше того, и однажды она прямо сказала Маугли, что Шер-Хан убьет его когда-нибудь. Но Маугли засмеялся и отвечал:

— За меня ты, за меня Стая; да и Балу, как ни ленив, сумеет разок-другой за меня огрызнуться. Чего же мне бояться?

В один жаркий день Багире пришла в голову новая мысль, навеянная очередными слухами. Может быть, их принес ей дикобраз Саги. Как бы то ни было, но однажды, когда они углубились в Джунгли и Маугли лежал, опираясь головой на великолепную черную спину Багиры, она обратилась к мальчику:

— Маленький Брат, сколько раз говорила я тебе, что Шер-Хан тебе враг?

— Столько раз, сколько на этой пальме орехов, — ответил Маугли, не умевший считать. — Ну что ж из этого? Я спать хочу, Багира, а у Шер-Хана только и есть, что длинный хвост да зычный голос — словно у павлина Мора!

— Но теперь не время спать! Балу знает об этом, я знаю это, Стая знает и даже глупые лани знают! Да и Табаки говорил тебе о том же.

— Хо! Хо! — проговорил Маугли. — Табаки пришел ко мне недавно и стал говорить дерзости: будто я — голый Человеческий Детеныш и мне-де не пристало копать земляные орехи; но я схватил Табаки за хвост и раза два треснул его о пальмовый ствол, чтобы научить вежливому обхождению.

— Это было глупо: хоть Табаки и пакостник, он мог бы сообщить тебе кое-что, близко тебя касающееся. Открой глаза, Маленький Брат! Шер-Хан не смеет убить тебя в Джунглях; но помни, Акела очень стар; скоро наступит день, когда он не в силах будет убить своего оленя, и тогда он уже не будет предводителем. Многие из волков, осматривавших тебя, когда тебя впервые привели на Скалу, также состарились; а молодые волки верят тому, что им рассказывает Шер-Хан, — что Человеческому Детенышу не место в Стае! Еще немного — и ты уже взрослый Человек.

— А что такое Человек? Разве ему нельзя бегать вместе со своими братьями? — возразил Маугли. — Я родился в Джунглях. Я исполнял Закон Джунглей, и среди наших волков не найдется ни одного, которому бы я не вынимал заноз из лап. Уж конечно, они мои братья!

Багира вытянулась во всю длину и прикрыла глаза.

— Братец, — проговорила она, — пощупай мой подбородок!

Маугли протянул свою сильную смуглую руку — и под шелковистым подбородком Багиры, где огромные круглые мускулы таились под глянцевитой шерстью, нащупал небольшую лысину.

— Никто в Джунглях не знает, что я, Багира, ношу эту метку — след ошейника; а ведь я, Маленький Брат, родилась среди людей, и у людей умерла моя мать — в клетках королевского дворца в Удейпуре. Вот почему я выкупила тебя на Совете, когда ты был крохотным голым ребенком! Да, и я родилась меж людьми! Я после рождения не видала Джунглей. Меня кормили из-за решетки, с железной сковороды, пока однажды я не почувствовала, что я, Багира, — Пантера, а не людская игрушка; я сломала глупый замок одним ударом лапы и убежала! Я знаю все повадки людей и в Джунглях считаюсь страшнее Шер-Хана. Не так ли?

— Да, — сказал Маугли, — все Джунгли боятся Багиры; все — кроме Маугли.

— О, ты — дитя Человека! — нежно промолвила Черная Пантера. — И как я вернулась в свои Джунгли, так и ты должен в конце концов уйти назад, к людям, которые тебе приходится братьями, если только тебя не убьют на Совете...

— Но почему... почему бы кто-нибудь желал меня убить? — спросил Маугли.

— Взгляни на меня, — сказала Багира; и Маугли пристально посмотрел ей в глаза. Через полминуты огромная пантера отвернула голову.

— Вот почему! — промолвила она, шевеля лапами листья. — Даже я не могу взглянуть тебе в глаза; между тем я ведь рождена среди людей и люблю тебя, Маленький Брат! Другие же ненавидят тебя за то, что глаза их не смеют встретиться с твоими; за то, что ты мудр; за то, что ты вынимал занозы из их лап; за то, что ты — Человек!

— Я этого не знал, — угрюмо проговорил Маугли, нахмутив свои густые черные брови.

— Что гласит Закон Джунглей? Сперва ударь, а затем подавай голос! По одной твоей беспечности они видят, что ты — Человек. Будь благоразумен. Сердце говорит мне, что, как только Акела промахнется на охоте — а с каждым разом ему все труднее дается олень, — Стая восстанет на него и на тебя. Они соберут Совет Джунглей на скале, а затем... затем... Придумала! — крикнула Багира, вскочив с места. — Скорей ступай в долину, к человеческим жилищам, и достань немного Красного Цветка, который они выращивают; когда настанет время, у тебя окажется друг посильнее даже меня, или Балу, или тех из Стаи, кто любит тебя. Добудь Красный Цветок!

Красным Цветком Багира называла огонь; ни один зверь в Джунглях не назовет его настоящим именем. Каждый питает к нему смертельный страх и описывает его на сотни ладов, не смея назвать правильно.

— Красный Цветок? — сказал Маугли. — Он растет в сумерках возле хижин. Я добуду его.

— Вот это речь Человеческого Детеныша! — с гордостью произнесла Багира. — Помни, он растет в горшках. Поскорей принеси Цветок и держи его у себя на случай нужды.

— Хорошо. Я иду. Но уверена ли ты, о моя Багира, — Маугли обвил рукою великолепную шею и пристально посмотрел в огромные глаза пантеры, — уверена ли ты, что все это штуки Шер-Хана?

— Клянусь Сломанным Замком, освободившим меня, я в этом уверена, Маленький Брат!

— Тогда я клянусь быком, меня выкупившим, что отплачу Шер-Хану полной мерой, а может быть, и с лихвой! — сказал Маугли и одним прыжком скрылся из глаз Багиры.

«Вот это Человек! Это уже совсем Человек, — сама с собою говорила Багира, улегшись на землю. — О Шер-Хан, не было для тебя охоты злосчастней, чем охота за Лягушонком десять лет назад!»

Маугли уже углубился далеко в лес; он быстро бежал, и сердце его горело в груди. Когда поднялся вечерний туман, он был уже у пещеры и, переводя дух, глядел вниз, в долину. Волчат не было дома, но Мать Волчица из глубины пещеры по его дыханию догадалась, что ее Лягушонок чем-то взволнован.

— В чем дело, сынок? — спросила она.

— Все болтовня Шер-Хана, — ответил он. — Нынче я охочусь на распаханых полях! — И он пустился вниз по кустам к потоку, журчавшему в глубине долины. Здесь он остановился: он услышал вой охотящейся Стаи, рев загнанного и отбивающегося оленя. Затем послышались злые, ехидные возгласы молодых волков:

— Акела! Акела! Пусть Одинокий Волк покажет свою силу! Место вожаку Стаи! Прыгай, Акела!

Одинокий Волк, должно быть, прыгнул и промахнулся, так как Маугли услышал лязг сомкнувшихся зубов и визг: олень сбил Акелу с ног ударом переднего копыта.

Дальнейшего Маугли не стал дожидаться и бросился бегом вперед; он приближался к возделанным полям, где жили поселяне, а завывания позади него стихали.

— Багира говорила правду, — прерывисто шептал он, зарываясь в кучу сена под окном одной из хижин. — Завтра наш день с Акелой!

Он плотно прильнул к окну и уставился на пламя, сверкавшее в очаге. Он видел, как жена поселянина вставала ночью и кормила огонь черными обрубками; а когда настало утро и туманы побелели и похолодели, он увидел, как ребенок поселянина взял плетеную корзинку, изнутри обмазанную глиной, наполнил ее комьями докрасна раскаленного угля, сунул под свое одеяло и отправился в хлев задавать корм коровам.

«И это все? — подумал Маугли. — Если ребенок может это сделать, то мне нечего бояться!»

Маугли обогнул угол хижины, встретил мальчугана, взял корзину у него из рук и скрылся в тумане, сопровождаемый плачем перепуганного ребенка.

— Они очень похожи на меня, — говорил Маугли, дуя в горшок, как это делала на его глазах женщина. — Эта штука умрет, если я ей не дам поесть! — И он бросал сучья и сухую кору на красную массу.

На полдороге он встретил Багиру, покрытую утренней росой, сверкавшей на ее шкуре, как драгоценные камни.

— Акела промахнулся, — сообщила Пантера. — Они убили бы его этой ночью, но им недостает тебя. Тебя искали в горах.

— Я был на пашнях. Я приготовился! Гляди! — И Маугли показал горшок с огнем.

— Отлично! Я видела, как люди втыкали в эту грудку сухой сучок, и на конце его распускался Красный Цветок. И тебе не страшно?

— Нет. Чего мне страшиться? Я теперь вспоминаю — если только это не сон, — что до того, как я стал волком, я лежал возле Красного Цветка, и мне было тепло и приятно...

Весь этот день Маугли сидел в пещере, ухаживая за своим очагом, и совал в огонь сухие ветки, проверяя, загораются ли они. Он выбрал сук, который его вполне удовлетворил, и вечером, когда в пещеру явился Табаки и довольно грубо сообщил, что его требуют на Скалу Совета, он в ответ так захохотал, что испуганный Табаки бросился прочь. Затем Маугли, все еще посмеиваясь, отправился на Совет.

Акела, Одинокий Волк, лежал возле своей скалы в знак того, что должность вожака свободна; Шер-Хан со свитой волков, своих приспешников, питавшихся его объедками, прогуливался взад и вперед, выслушивая беззастенчивую лесть. Багира лежала, тесно прижавшись к Маугли, державшему горшок с огнем между коленями. Когда все собрались, Шер-Хан заговорил первый — дерзость, на которую он не отваживался, когда Акела был во цвете сил и лет!

— Он не имеет права, — шептала Багира. — Скажи ему это! Он собачий сын! Он струсит!

Маугли вскочил на ноги.

— Свободное Племя, — вскричал он, — разве Шер-Хан начальствует над Стаей? Какое дело тигру до предводительства нашей Стаей?

— Место вожака свободно, и меня пригласили говорить... — начал Шер-Хан.

— Кто? — продолжал Маугли. — Разве мы все шакалы, чтобы подчиняться этому скотобою? Только сама Стая может выбирать себе вожака!

Тут слышались завывания:

— Молчать, ты, человеческий щенок!

— Пусть он говорит. Он соблюдал наш Закон!

И наконец старейшины Стаи пролаяли:

— Пусть Мертвый Волк говорит!..

Когда вождю Стаи случается промахнуться на охоте, то его называют Мертвым Волком все время, пока он жив, — что длится, впрочем, недолго. Акела с трудом поднял свою старую голову.

— Свободное Племя и вы, шакалы Шер-Хана! В продолжение двенадцати лет я водил вас на охоту и с охоты, и за все это время ни один из вас не был пойман в ловушку или искалечен. Теперь я промахнулся. Вы знаете, что меня пустили на незагнанного оленя, чтоб продемонстрировать мою слабость. Это было ловко подстроено. Теперь вы имеете право убить меня здесь, на Скале Совета. Я спрашиваю, кто возьмется прикончить Одинокого Волка? По Закону Джунглей я имею право требовать, чтобы вы подходили поодиночке!

Последовало долгое молчание, ибо ни один из волков не хотел биться с Акелой насмерть.

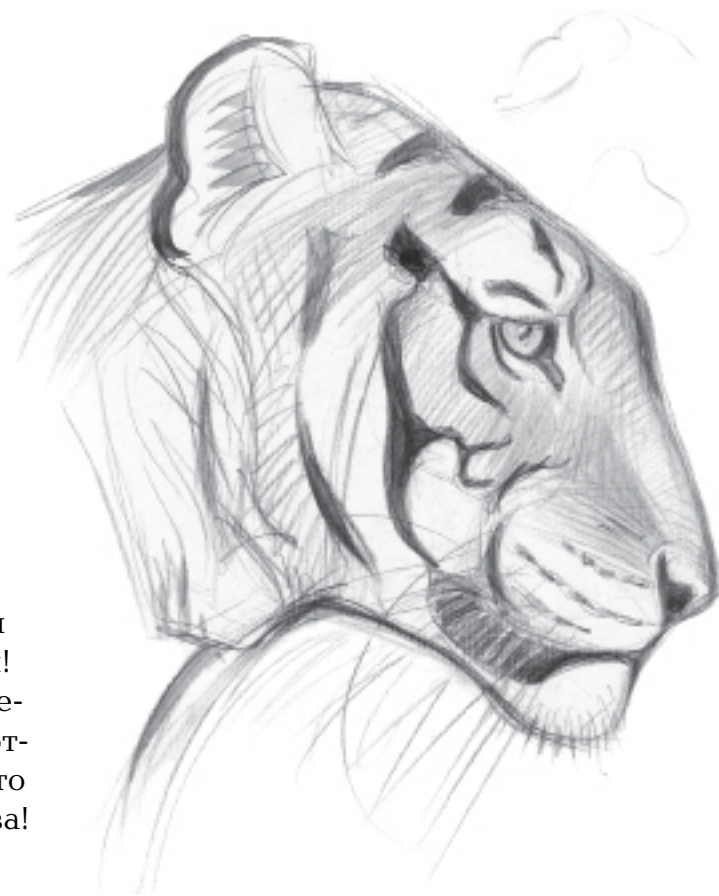
Наконец Шер-Хан заревел:

— Ба! На что нам этот беззубый дурак? Он обречен на смерть. А вот Человеческий Детеныш слишком зажился на свете! Свободное Племя, он был моей добычей с самого начала. Отдайте его мне. Я устал от этого человеко-волчьего безумия. Он мутит Джунгли вот уже десять лет! Отдайте мне человечесьё отродье, иначе я постоянно буду здесь охотиться и не оставлю вам ни косточки. Он — Человек, дитя Человека, и я ненавижу его всем своим существом!

Тут чуть не вся стая завывала:

— Человек! Человек! К чему среди нас Человек? Пусть он уходит к своим!

— И восстановит против нас поселян? — загремел Шер-Хан. — Нет, отдайте его мне! Он — Человек, и никто из нас не смеет смотреть ему в глаза!

Акела снова поднял голову и промолвил:

— Он ел нашу еду. Он спал вместе с нами. Он загонял дичь для нас. Он не нарушил ни слова из Закона Джунглей...

— А я заплатила за него быка, когда вы его принимали. Цена быку — грош, но слово Багиры — такая безделица, за которую, пожалуй, она готова сразиться, — добавила Багира нежнейшим голосом.

— Бык, проданный десять лет назад! — брюзжала Стая. — Что нам до десятилетних костей?

— Или до клятвы? — сказала Багира, оскалившись белыми зубами. — Тот вы и называетесь Свободным Племенем!..

— Не может человеческий щенок бегать с Племенем Джунглей! — завыл Шер-Хан. — Отдайте его мне!

— Он наш брат по всему, кроме крови, — возражал Акела, — а вы хотите убить его? Правду вы сказали, я слишком зажился на свете! Одни из вас охотятся на домашних животных, а о других я слышал, что по наущению Шер-Хана они отправляются темными ночами воровать детей с порогов поселян. Я вижу, что вы — трусы, и с трусами теперь говорю. Верно, я должен умереть, и моя жизнь ничего не стоит, иначе я предложил бы ее в обмен на Человеческого Детеныша. Но честью Стаи — пустяк, о котором вы забыли, бегая без вожака! — я клянусь, что если вы отпустите Человека к своим, то я не обнажу против вас ни единого зуба, когда придет мой смертный час. Я умру без боя! Это сохранит Стае по крайней мере три жизни. Большого дать я не могу. Итак, если хотите, я спасу вас от позорного убийства брата, за которым нет вины, — брата, принятого в Стаю по Закону Джунглей двумя голосами и выкупом!

— Он — Человек, Человек, Человек!.. — рычала Стая, и большая часть волков стала собираться вокруг Шер-Хана, хлеставшего себя хвостом по бокам.

— Теперь дело в твоих руках, — промолвила Багира, обращаясь к Маугли. — Мы ничего не можем больше сделать... разве что драться!

Маугли выпрямился во весь рост, держа горшок с огнем в руках. Затем он потянулся и зевнул прямо в лицо Совету. Он был вне себя от гнева и горя: по своей волчьей манере волки никогда не показывали ему, как они его ненавидят.

— Эй вы, слушать! — крикнул он. — Теперь не время для вашего собачьего лая! Вы столько раз говорили мне сегодня, что я — Человек (а ведь с вами я остался бы волком до конца дней моих!), что я признаю справедливость ваших слов. И потому я не зову уже вас своими братьями, но «саг» — собаками, как подобает Человеку! О том, что вы сделаете и чего не сделаете, не вам говорить! Я буду решать за вас. А чтобы вы лучше поняли это, я, Человек, принес сюда немного Красного Цветка, которого вы, собаки, боитесь!

Он бросил горшок с огнем наземь, несколько раскаленных угольков зажгли пучок сухого мха, ярко вспыхнувшего, и весь Совет отскочил назад в ужасе перед прыгающими языками пламени.

Маугли сунул приготовленный сук в огонь; ветки загорелись и затрещали, и он стал вертеть суком над головой, разгоняя волков, от страха присевших к земле.

— Ты здесь хозяин, — вполголоса произнесла Багира. — Спаси Акелу от смерти! Он всегда был тебе другом!

Акела, свирепый старый волк, ни разу в жизни не просивший пощады, бросил умоляющий взгляд в сторону Маугли; мальчик стоял обнаженный, во весь рост, с волосами, рассыпавшимися по плечам, озаренный светом пылающей ветки, отбрасывавшей прыгающие и дрожащие тени.

— Хорошо же! — проговорил Маугли, медленно обводя всех глазами. — Я вижу, что вы — собаки! Я уйду от вас в мое племя — раз это мое племя. Джунгли закрыты для меня, я должен забыть ваш язык и вашу дружбу; но я буду милосерднее вас. Я был вашим братом во всем, кроме крови, и обещаю, что когда буду Человеком среди людей, то не предаю вас людям, как вы предали меня! — Он толкнул ногою уголья, и искры полетели во все

стороны. — Между нами, членами Стаи, не будет раздора. Но прежде чем уйти отсюда, я должен заплатить долг!

Он ступил вперед, к тому месту, где сидел Шер-Хан, тупо мигая и уставившись на пламя, и схватил его за хохол на подбородке. Багира последовала за ним на всякий случай.

— Встань, собака! — вскричал Маугли. — Встань, когда говорит Человек, не то я сожгу твою шкуру!

Уши Шер-Хана плотно прижались к голове, и он закрыл глаза, так как пылающий сук был уже очень близко.

— Этот скотобой похвалялся, что убьет меня на Совете, если не убил, когда я был ребенком! А вот как мы, люди, обходимся с собаками! Шевельни только усом, Лэнгри, и я проткну твою глотку Красным Цветком! — Маугли бил Шер-Хана веткой по голове, а тигр визжал и стонал в смертельном ужасе.

— Тьфу! Опаленная кошка Джунглей, ступай теперь! Но помни, что когда я в следующий раз вернусь на Скалу Совета, как подобает Человеку, то приду не иначе, как со шкурой Шер-Хана на голове! И еще. Акела волен жить, как ему угодно. Вы не убьете его, ибо такова моя воля! А теперь нечего вам тут сидеть высунув языки, словно вы — что-нибудь порядочное, а не собаки, которых я прогоняю — вот так! Пошли!

Пламя яростно пылало на конце ветки. Маугли размахивал ею вправо и влево, и волки с воем убегали от искр, опалявших их мех.

Наконец остались только Акела, Багира и десяток волков, державших сторону Маугли.

Тогда Маугли почувствовал, что внутри его что-то стало щемить, как раньше никогда не щемило; дыхание его стеснилось, и он начал всхлипывать, и слезы катились по его лицу.

— Что это? Что это? — говорил он. — Я не хочу оставлять Джунгли и не знаю, что это такое. Багира, не умираю ли я?

— Нет, Маленький Брат. Это только слезы, какие бывают у людей. Теперь я знаю, что ты — Человек и уже не ребенок. Отныне Джунгли вправду закрыты для тебя. Пусть они падают, Маугли. Это только слезы!

Маугли сидел и плакал, словно сердце его разрывалось на части; ведь он ни разу никогда не плакал прежде.

— Ну, — промолвил он, — я уйду к людям. Но сперва я должен проститься с моей матерью! — И он отправился в пещеру, где она жила с Отцом Волком, и плакал на ее мохнатой груди, а четверо волчат при этом жалобно завывали.

— Вы меня не забудете? — молвил Маугли.

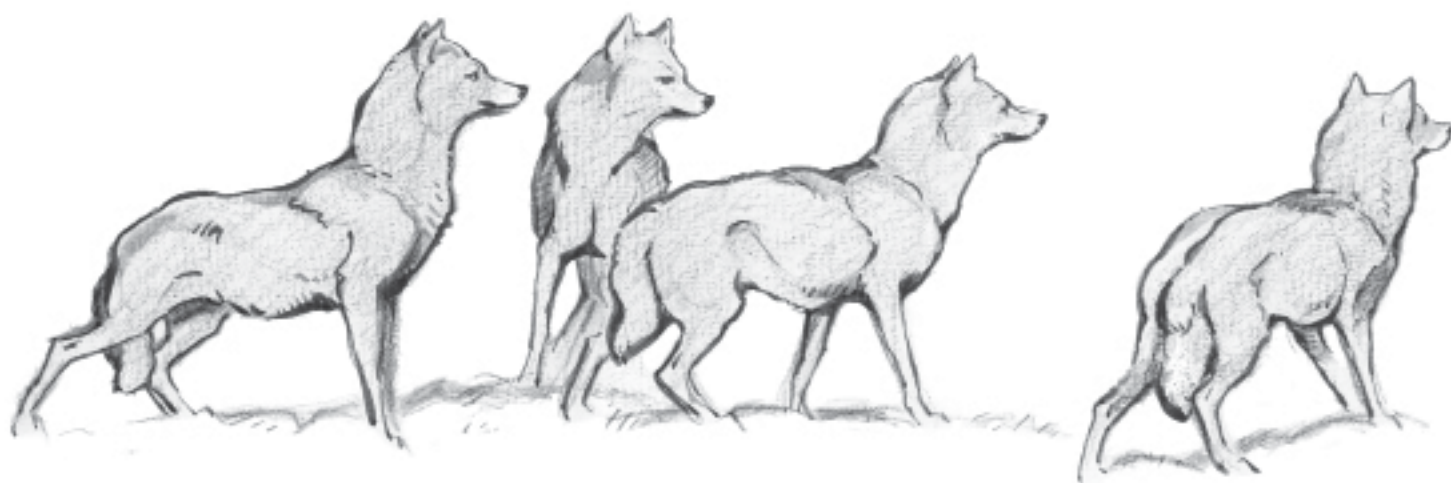
— Никогда, покуда в силах будем обнюхать след, — ответили волчата. — Когда станешь Человеком, приходи к подножию горы, и мы будем с тобой беседовать; по ночам мы будем приходить на пашни и играть с тобою.

— Приходи скорее! — молил Отец Волк. — О мудрый Лягушонок, возвращайся скорей, ибо мы уже стары, твоя мать и я!

— Приходи скорей, мой голый сыночек! — добавила Мать Волчица. — Ибо знай, порождение Человека, я люблю тебя больше, чем когда-либо любила своих щенят!

— Приду непременно, — ответил Маугли, — и приду для того, чтобы положить шкуру Шер-Хана на Скалу Совета. Не забывайте меня! Передайте тем, в Джунглях, чтобы они меня не забывали!..

Заря занималась, когда Маугли одиноко спускался с горы навстречу таинственным созданиям, которые зовутся людьми...

Охотничья песнь Сионийской стаи

На ранней на зорьке Самбгур замычал.
Раз-два, раз и два!
И робкую самку увлек за собой
Из лужи лесной, где зверей водопой.
Тихонько подкравшись, я их увидал.
Раз-два, раз и два!
На ранней на зорьке Самбгур замычал.
Раз-два, раз и два!
И пополз серый волк, вот пополз серый волк
Обрадовать Стаю, что будет ей толк...
Уж Стая ликует: рогатый умолк!
Раз-два, раз и два!
На зорьке завыли мы дружной семьей!..
Раз-два, раз и два!
Лапа охотника, легче ступай!
Око охотничье, в тьму проникай!
Громче, дружнее! Слушай!.. Слушай!..
Раз-два, раз и два!

Охота Каа

Пятна — Барса украшень; гордость Буйвола — рога.
Будь опрятен: в блеске меха ты страшнее для врага.
Если Бык тебя бодает иль копытом бьет Олень —
Не скули: про то мы знаем долгий век — не первый день.
Не тесни щенка чужого; будь ему что брат родной:
Медвежонок неказистый мать приводит за собой!
«Кто подобен мне?» — кичится первой жертвой юный Волк.
Лес велик, а ты ничтожен: ты б подумал и умолк.

Изречения Балу

Все, о чем рассказывается дальше, случилось до того, как Маугли был изгнан из Сионийской Волчьей Стаи и отомстил Шер-Хану. Это происходило в те дни, когда Балу обучал его Закону Джунглей. Огромный, степенный, старый бурый медведь был в восхищении от понятливого ученика. Волчата старательно изучают в Законах Джунглей только то, что касается их собственной Стаи и Племени, но разбегаются, едва выучив охотничий стих: «Ноги, бесшумно ступающие; глаза, что видят во тьме; уши, что чуют лесной ветерок из глубины логова, и острые белые зубы — все это приметы наших братьев, кроме шакала Табаки и гиены, которых мы ненавидим». Но Маугли, как Человеческому Детенышу, нужно было знать много больше этого. Иногда Багира, Черная Пантера, бродя по Джунглям, заходила понаблюдать, как преуспевает ее любимец. Она мурлыкала, почесывая голову о дерево, пока Маугли отвечал Балу дневной урок. Мальчик лазил почти так же хорошо, как и плавал, а плавал почти так же искусно, как бегал. Балу, законоучитель, уже стал обучать его Законам Воды и Леса: как отличить гнилой сук

от здорового; как обращаться с учтливою речью к диким пчелам, если случится наткнуться на их улей на высоте пятнадцати метров над землей; что сказать Мангу, нетопырю, дремлющему между ветвей, если придется потревожить его среди бела дня; как предупреждать Водяных Змей, отдыхающих в пруду, о том, что собираешься прыгнуть в воду. Обитатели Джунглей не любят, когда их беспокоят ни с того ни с сего, и каждый готов тотчас расчитаться с нарушителем по-

коя. Маугли выучил и Охотничий Клич Чужестранца, который следует повторять громко до тех пор, пока на него не ответят, — если охотишься на чужой земле. В переводе этот клич звучит так: «Позвольте мне здесь поохотиться, потому что я голоден», на что следует ответ: «Охоться для пропитания, но не для забавы».

Так что Маугли приходилось заучивать наизусть сущую пропасть законов! И порой он сильно уставал повторять сотни раз одно и то же; но, как сказал однажды Балу Багире, когда Маугли получил подзатыльник и убежал надувшись:

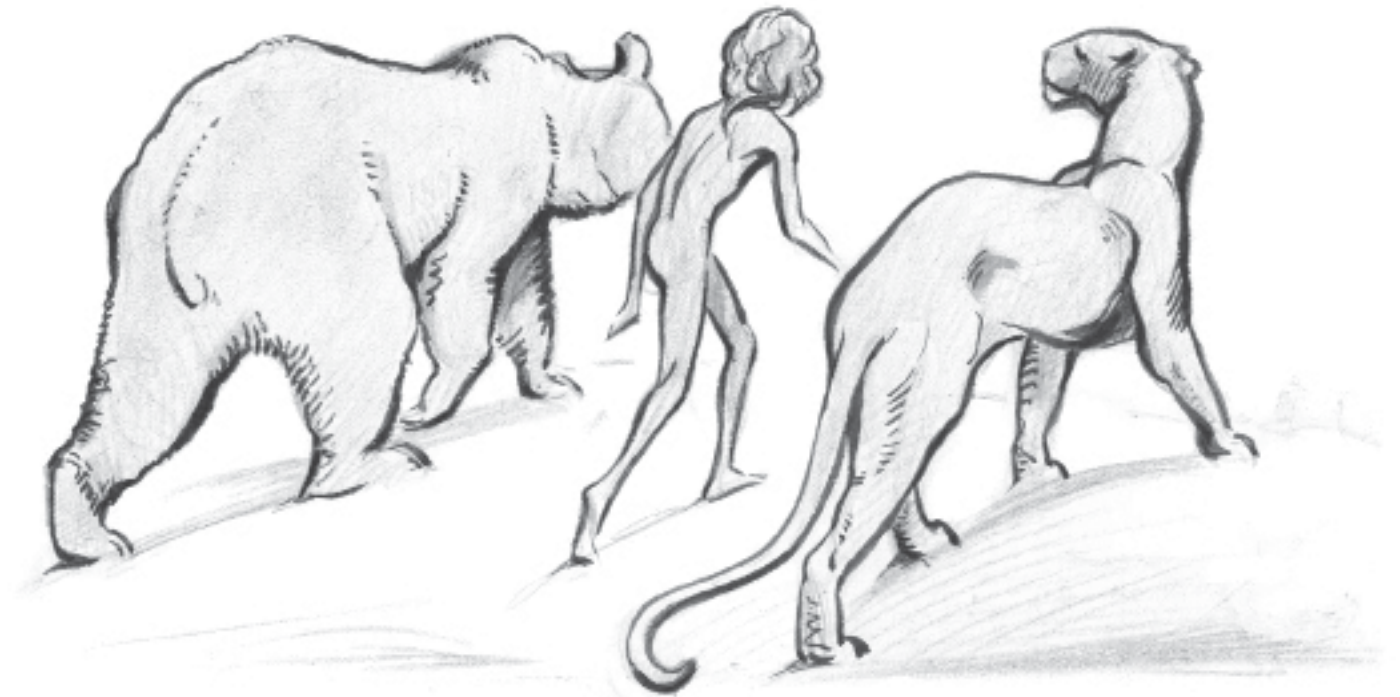
— Человеческий Детеныш — дитя Человека и должен знать все Законы Джунглей!

— Но погляди, как он мал! — говорила Черная Пантера, которая, наверное, избаловала бы Маугли, если бы он был ей поручен. — В состоянии ли его голова вместить все твои длинные речи?

— А разве есть здесь, в Джунглях, что-нибудь слишком малое, чтобы не подвергаться смертельной опасности? Нет! И вот почему я обучаю его всем этим вещам, вот почему я и пошлепываю его легонько, когда он забывается.

— Легонько! Что ты смыслишь в этом, старая железная лапа? — проворчала Багира. — У него все лицо истерзано твоими ласками. Стыдись!

— Лучше пусть будет он исцарапан с ног до головы мною, который его любит, чем пострадает когда-нибудь от своего невежества! — серьезным тоном ответил Балу. — Я теперь обучаю его Главным Словам Джунглей, которые защитят его от птиц и змеино рода и от всех четвероногих охотников, кроме собственной Стаи. Теперь он может требовать защиты у всех Джунглей, если только запомнит слова. Неужели это не стоит маленькой трепки?

— Ладно-ладно! Но ты гляди не убей Человеческого Детеныша. Он тебе не древесный ствол, чтобы точить о него притупившиеся когти! Но что же такое эти Главные Слова? Я, например, более склонна оказывать помощь, чем просить о ней ... — Багира вытянула лапу и поглядела на свои крепкие, цвета вороненой стали, острые, как резцы, изящно изогнутые когти. — Все же любопытно было бы их узнать.

— Я позову Маугли, и он тебе их произнесет, если пожелает. Иди сюда, Маленький Брат!

— У меня голова гудит, как пчелиный улей, — произнес сердитый детский голос над их головами. Маугли, гневный и негодующий, соскользнул вниз по древесному стволу, прибавив, когда ноги его коснулись земли: — Я спустился ради Багиры, а не ради тебя, старый, толстый Балу!

— Это мне все равно, — промолвил Балу, хотя ему было горько и обидно. — Так повтори же Багире Главные Слова Джунглей, которым я учил тебя сегодня!

— Для какого племени? — спросил Маугли, польщенный просьбой показать свои познания. — В Джунглях много наречий. Я знаю их все!

— Кое-что ты знаешь, но далеко не все! Как они неблагодарны, если бы ты знала, Багира! Ни один волчонок еще ни разу не пришел поблагодарить старого Балу за науку! Ну, скажи мне слово Охотничьих Племен, великий ученый!

— «Мы одной крови, вы и я», — проговорил Маугли, придав своим словам медвежий призыв, свойственный Охотничьим Племенам.

— Хорошо. Ну, теперь Птичье.

Маугли проговорил те же слова с присвистом коршуна в конце фразы.

— Теперь для Змеиноного Племени! — потребовал Балу.

В ответ послышалось не поддающееся описанию шипение, после чего Маугли дрыгнул ногой, захлопал в ладоши в поощрение самому себе и вскочил Багире на спину, уселся боком, барабанил пятками по блестящему меху и корча невероятные рожи в сторону Балу.

— Да, да! Это стоит нескольких царапин, — с нежностью говорил бурый медведь. — Когда-нибудь ты вспомнишь обо мне с благодарностью!

Затем он повернулся к Багире и рассказал ей, как он выпросил Главные Слова у Хати, Дикого Слона, которому все эти дела отлично знакомы, и как Хати водил Маугли к пруду, чтобы перенять Змеиные Главные Слова у Водяной Змеи, ведь и у самого Балу не получалось выговорить их; Маугли теперь достаточно огражден от всех случайностей Джунглей: ни змея, ни птица, ни зверь не обидят его.

— Значит, некого бояться! — заключил Балу, самодовольно поглаживая лапой свое огромное мохнатое брюхо.

— Кроме собственного племени, — вполголоса заметила Багира, а вслух взмолилась: — Пожалей мои ребра, братец! Что за танцы на моей спине?

Маугли хотел привлечь к себе внимание Багиры, щипал ее шерсть на плече и колотил ногами. Он кричал во всю глотку:

— У меня будет собственная стая, и я буду водить ее по деревьям целые дни!

— Это что за новая блажь, маленький мечтатель? — спросила Багира.

— Да, и буду бросать грязью и сучьями в старого Балу, — продолжал Маугли. — Они мне это обещали. Ай! Уф! — Огромная лапа Балу стащила Маугли со спины Багиры, и мальчик, зажатый передними лапами зверя, увидел над собою гневную морду медведя.

— Маугли, — сказал Балу, — ты говорил с Бандар-Логами — Обезьяньим Народом?

Маугли взглянул на Багиру: не сердится ли и она? И увидел, что глаза пантеры жестко светятся, как два нефрита.

— Ты был у Обезьяньего Племени — у серых обезьян — у народа без Закона, у всеядных тварей? Какой позор!..

— Когда Балу влепил мне подзатыльник, — захныкал Маугли (все еще опрокинутый на спину), — я убежал; серые обезьяны спустились с деревьев и пожалели меня. И никто больше не вспомнил обо мне, кроме них...

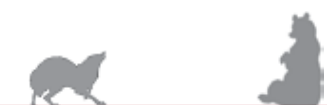
— Жалость Обезьяньего Племени! — хрипел Балу. — Спокойствие горного ручья! Прохлада летнего солнца! Ну и что же дальше, Человеческий Детеныш?

— А потом... потом они надавали мне орехов и разных превкусных вещей, понесли меня на руках на вершины деревьев и сказали, что я им кровный брат, только у меня нет хвоста, и что со временем я буду у них предводителем...

— У них нет предводителя, — сказала Багира. — Они лгут. Они всегда лгут!

— Они были со мной очень ласковы и звали приходить опять. Отчего меня не пускают к обезьянам? Они стоят на двух ногах, как и я! Они не бьют меня твердыми когтями! Они играют целые дни напролет. Пустите меня наверх! Злой Балу, отпусти меня! Я опять буду играть с ними!

— Слушай, Человеческий Детеныш! — заговорил Медведь, и голос его был подобен грому в жаркую ночь. — Я научил тебя Закону Джунглей — Закону, общему для всех племен, кроме Народа Обезьян, живущего на деревьях. У них нет закона. Они — отщепенцы. Они не имеют своего языка, но пользуются украденными словами, которые подслушивают, сидя на деревьях и подглядывая за нами. Их путь — не наш путь. У них не бывает предводителей. У них нет памяти. Они болтают, и бахвалятся, и корчат из себя великий народ, которому суждено совершить в Джунглях великие дела; но достаточно упасть ореху, чтобы они залились смехом и тут же все забы-

ли! Мы, жители Джунглей, не имеем с ними дела. Мы не пьем там, где пьют обезьяны; мы не ходим туда, куда они ходят; мы не охотимся там, где они охотятся; мы не умираем там, где они умирают! Слышал ли ты от меня хоть слово о Бандар-Логе до этой минуты?

— Нет, — промолвил Маугли шепотом, потому что весь лес был погружен в безмолвие, когда Балу закончил свою речь.

— Народы Джунглей изгнали их из своего языка и из своей памяти! Их очень много, они злы, нечистоплотны, бесстыдны и очень желали бы — если бы только умели желать чего-то определенного — обратить на себя внимание жителей Джунглей. Но мы не замечаем их даже тогда, когда они бросают нам в голову грязь и орехи...

Не успел он это промолвить, как целый дождь орехов и веток посыпался сквозь сучья деревьев; высоко в воздухе, между тонких ветвей, они услышали покашливания и завывания.

— Обезьяний Народ запрещен, — сказал Балу, — запрещен обитателям Джунглей. Запомни это!

— Запрещен, — добавила Багира, — но я все же думаю, что Балу должен был предостеречь тебя от них...

— Я... я? Но мог ли я предвидеть, что он станет пачкаться с эдакой дрянью? Обезьянье Племя! Тьфу!..

Новый дождь посыпался им на голову, и оба зверя поспешили прочь от туда, взяв с собою Маугли. Балу сказал об обезьянах сущую правду. Они живут на верхушках деревьев, поэтому обитателям Джунглей редко доводится сталкиваться с ними — ведь звери очень редко смотрят вверх. Зато

когда обезьянам попадается больной волк, или раненый тигр, или медведь — они дразнят его, бросают в него сучья и орехи, частью для забавы, частью же в надежде обратить на себя внимание. Затем они поднимают вой, горланят бессмысленные песни и приглашают жителей Джунглей взобраться к ним на деревья и помериться силами; либо по пустякам затевают между собой кровопролитные драки и оставляют трупы своих родичей там, где жители Джунглей не смогут их не заметить. Они вечно собираются обзавестись собственным предводителем, собственными законами и обычаями, но никогда этого не делают, ибо память их не в состоянии удерживать что-либо до следующего дня; они даже придумали себе в утешение поговорку: «О чем Бандар-Лог мыслит сегодня, о том Джунгли подумают завтра». Ни один зверь не может добраться до них, но, с другой стороны, ни один зверь и не замечает их; вот почему обезьяны были в таком восторге, когда Маугли играл с ними, а Балу потом гневался на него.

В этом не было никакого смысла — Бандар-Логи не умеют искать или находить в чем-то смысл, — но одной из обезьян пришла блестящая, по ее мнению, идея, которой она поделилась с товарками: Маугли им всем может оказаться очень полезен, его надо удержать при себе, так как он умеет плести из веток ограды для защиты от ветра, и если они его поймут, то заставят и их научиться этому! Маугли, как сын дровосека, унаследовал все его навыки и часто строил хижинки из упавших сучков, совершенно не думая о том, как ему это удастся. Обезьяны, наблюдая за ним с деревьев, пленились этой чудесной игрой. «Теперь, — говорили они, — у нас непременно будет предводитель, и мы станем самым умным народом в Джунглях, таким умным, что

все другие нас заметят и будут нам завидовать!» Они бесшумно следовали по Джунглям за Балу, Багирой и Маугли, пока не настал час полуденного сна и Маугли (а ему было очень стыдно!) не уснул между пантерой и медведем, решив не иметь больше дел с Обезьяньим Племенем.

Сквозь сон он почувствовал чьи-то руки на своих руках и ногах — жесткие, сильные маленькие руки. Затем ветки быстро захлестали его по лицу; он увидел сквозь качавшиеся сучья Балу, который всполошил весь лес своими громкими воплями; Багира, оскалив зубы, кинулась вверх по стволу.

Бандар-Логи завывали в упоении своим триумфом, забравшись на самые верхние ветки, куда Багира не могла последовать за ними, и кричали:

— Она нас заметила! Багира заметила нас!
Все Джунгли дивятся нашей ловкости и хитрости!

Затем они обратились в бегство; а бег Обезьяньего Племени по верхушкам деревьев — это нечто не поддающееся описанию. У них есть там правильные дороги и развилки, спуски и подъемы, проло-

женные на высоте пятнадцати, двадцати или тридцати метров над землей; в случае необходимости они могут странствовать по ним даже ночью. Две самых сильных обезьяны подхватили Маугли подмышки и пустились с ним по верхушкам деревьев, отмеривая по пять-шесть метров одним скачком. Без ноши они могли бы двигаться вдвое быстрее, но мальчик задерживал их своей тяжестью. У Маугли кружилась голова, но он все же испытывал своеобразное наслаждение от этой бешеной скачки, хотя быстрое мелькание земли, черневшей где-то далеко внизу, наводило на него страх, а от ужасных толчков и сотрясений в конце гигантских воздушных прыжков зубы его стучали и душа уходила в пятки. Его спутники избегали с ним вверх на самые тонкие ветки, так что те уже начинали трещать и гнуться, а затем с кашлем и гиком бросались в пространство и повисали на следующем дереве, хватаясь руками или ногами за нижние сучья. Минутами ему открывались притихшие зеленые Джунгли на многие мили, как море — человеку, взлезшему на вершину мачты; затем ветки и листья снова начинали хлестать его по лицу, и он спускался с двумя своими спутниками чуть не до земли. Так, прыжками, с треском, воем и гиканьем все племя Бандар-Логов несло по древесным дорогам со своим пленником Маугли.

Одно время он боялся, что его уронят; потом злился, но быстро понял, что бороться не стоит, и предался размышлениям. Первой мыслью его было известить о себе Багиру и Балу: он знал, что им не угнаться за обезьянами и они сильно отстанут. Глядеть вниз было бесполезно, так как землю закрывали сучья деревьев; Маугли глянул вверх и увидел далеко в синеве неба коршуна Чилия, парившего и качавшегося на крыльях и озиравшего Джунгли в поисках мертвечины. Чиль видел, что обезьяны что-то тащат,

и спустился на несколько сот метров, чтобы узнать, пригодна ли их ноша для еды. Он засвистел от изумления, разглядев, что тащат на верхушку дерева Маугли, да еще и выкрикивающего: «Мы одной крови, ты и я!» Волны листьев и веток закрыли мальчика, но Чиль перелетел на соседнее дерево, чтобы увидеть смуглое личико, когда оно снова появится.

— Заметь мой след! — кричал Маугли. — Передай Балу из Сионийской Стаи и Багире со Скалы Совета-а!..

— От чьего имени, Брат?

Чиль видел Маугли впервые, хотя не раз слышал о нем.

— От Маугли, Лягушки! Они зовут меня Человеческим Детенышем! Заметь мой след!

Последние слова Маугли прокричал уже в воздухе; но Чиль кивнул головой, взмыл на такую высоту, что казался не больше пылинки, и повис на крыльях, следя своими зоркими глазами за покачиваниями древесных верхушек, по которым мчался Маугли со своей свитой.

«Они не уйдут далеко! — сказал Чиль про себя, усмехнувшись. — Они никогда не доводят задуманного до конца. Бандар-Логи так жадны до новинок! Но на этот раз, если зрение мне не изменило, они мало найдут для себя веселого, ибо Балу не медвежонок, да и Багира, насколько мне известно, бьет не одних только коз...»

Он качался на крыльях, поджав лапы, и ждал, что будет дальше.

Между тем Балу и Багира были вне себя от гнева и горя. Багира взбиралась на деревья так высоко, как никогда в жизни; но тонкие сучья ломались под ее тяжестью, и она соскальзывала вниз, набрав полные когти коры.

— Почему ты не предостерег Человеческого Детеныша? — рычала она на бедного Балу, который продвигался вперед неуклюжей рысью в надежде догнать обезьян. — К чему было избивать его до полусмерти, если ты не предостерег его насчет самого важного?

— Торопись! О, торопись! Может быть... может быть, мы их еще нагоним! — Балу задыхался.

— При этой скорости нам не нагнать и раненой коровы! Учитель Джунглей, колотящий щенков, еще одна миля этого бешеного шатания из стороны в сторону — и ты протянешь ноги! Садись лучше и подумай. Составим план. Теперь не время для погони. Если мы приблизимся к ним, они могут его уронить.

— Арула! Гуу! Они уже могли уронить его, устав тащить. Разве можно доверять Бандар-Логу? Да посыплются трупы летучих мышей на мою голову! Дайте мне глотать черные кости! Окутайте меня тучами диких пчел, пусть они изжальт меня до смерти; и погребите меня с гиеной, о я, несчастнейший из медведей! Арулала! Вагуа! О Маугли, Маугли! Зачем я не предостерег тебя от Обезьяньего Племена, вместо того чтобы сокрушать тебе ребра!.. Теперь я, чего доброго, выбил из его головы дневной урок, и он в Джунглях один, без Главных Слов! — Балу схватил свои уши лапами и со стоном катался по земле.

— По крайней мере, мне он верно повторил все Слова не так давно! — нетерпеливо перебила его Багира. — Балу, у тебя ни памяти, ни уважения к себе! Что подумали бы в Джунглях, если бы я, Черная Пантера, стала кататься клубком, подобно Саги-Дикобразу, да еще завывать при этом?

— Какое мне дело до того, что подумают Джунгли? Может, он уже погиб!
— Если только они не сбросили его с дерева ради забавы или не убили из лени, то я нисколько не боюсь за Человеческого Детеныша! Он умен и хорошо обучен; а кроме того, у него глаза, приводящие в трепет все Джунгли. Но вся беда в том, что он во власти Бандар-Логов, а те, живя на деревьях, не боятся никого из нас...

Багира задумчиво лизала переднюю лапу.

— Дурак же я! Жирный, бурый, копающий корни дурак! — воскликнул Балу, внезапно выпрямившись. — Правду сказал Хати, Дикий Слон, на каждого свой страх. Они, эти Бандар-Логы, боятся Каа, Каменного Змея. Он лазит не хуже их. Он похищает по ночам молодых обезьянок. От одного его имени, произнесенного шепотом, холодеют их подлые хвосты. Пойдем к Каа!

— Что он сделает для нас? Он не нашего племени, без ног и с такими сатанинскими глазами... — промолвила Багира.

— Он очень стар и очень хитер. Кроме того, он вечно голоден, — с надеждой молвил Балу. — Наобещай ему кучу коз!

— После сытного обеда он спит целый месяц. Может быть, он теперь спит, а если даже и проснется, то захочет сам поохотиться на коз?

Багира, мало знавшая Каа, недоверчиво смотрела на Балу.

— В таком случае, старый охотник, мы вдвоем постараемся убедить его! — Балу потерся выцветшим бурым плечом о Пантеру, и они отправились искать Каа, Каменного Питона.

Они нашли его растянувшимся на выступе скалы, на полуденном припеке, занятого созерцанием своего великолепного нового облачения, так как последние десять дней он провел в уединении, меняя кожу.

Теперь он был поистине великолепен: протянув огромную тупоносую морду по земле, он свернул десять метров своего тела в фантастические узлы и завитушки и погрузился в мечты о грядущем обеде.

— Он еще не ел, — со вздохом облегчения промолвил Балу, увидев его прекрасную желто-бурюю кожу. — Берегись, Багира! Он всегда немножко слеп после линьки и в любой миг может напасть.

Каа был не ядовитая змея — он даже презирал ядовитых змей, считая их трусами: ведь его сила была только в хватке. Он обладал страшной мускульной силой, и если обвивал кого-нибудь своими огромными кольцами, то можно было распрощаться со всякими надеждами на спасение.

— Доброй охоты! — вскричал Балу, присев на задние лапы. Подобно всем змеям своей породы, Каа был глуховат и не сразу услышал приветствие. Он подобрался на всякий случай и наклонил голову.

— Доброй охоты нам всем, — ответил он наконец. — Ого, Балу, да ты здесь какими судьбами? Доброй охоты, Багира! По крайней мере один из нас нуждается в еде. Есть ли новости насчет дичинки? Какую-нибудь такую лань или молодого оленя? Во мне пусто, как в пересохшем колоде!

— Мы как раз охотимся, — беспечно уронил Балу. Он знал, что Каа не следует торопить. Он слишком громаден.

— Позвольте мне отправиться с вами, — сказал Каа. — Ударом больше или меньше, тебе, Багира, или Балу это не составит труда, а я... мне приходится ждать целые дни на лесной тропинке и лазить по деревьям чуть не полночи в надежде, иногда напрасной, поймать какую-нибудь обезьянку. Тьфу! Деревья теперь уже не те, что были во дни моей юности. Остались одни сухие ветки да гнилые сучья!

— Может быть, и вес тут кое-что значит, — сказал Балу.

— Да, я таки длинен — порядочной длины! — не без гордости заметил Каа. — Но всему виною этот молодой лес. Я чуть было не свалился наземь на последней охоте! Некрепко обвился вокруг дерева и с таким шумом сполз вниз, что разбудил Бандар-Логов, и они обругали меня самыми скверными словами.

— Безногим желтым земляным червем, — процедила Багира сквозь усы, как бы припоминая.

— Ссссс... Разве они меня и так называли? — встрепенулся Каа.

— Что-то в этом роде они нам кричали в последнюю луну, но мы никогда не обращаем на них внимания. Чего только они не болтают: будто ты лишился всех зубов и не отваживаешься на дичь покрупнее козленка, ибо (вот уж бесстыдники эти Бандар-Логи!) ты, дескать, боишься козьих рогов, — мягко продолжала Багира.

Змея, особенно осторожный старый питон вроде Каа, редко выдает свой гнев; но Балу и Багира заметили, как трепетали и раздувались огромные глотательные мускулы по обеим сторонам шеи Каа.

— Бандар-Логи переменили свое место жительства, — спокойно промовил он. — Когда я выполз сегодня на солнце, я слышал их гиканье на деревьях.

— Мы теперь гонимся за Бандар-Логами... — начал было Балу, но слова застряли у него в горле: впервые на его памяти обитатель Джунглей признавался в том, что интересуется обезьянами.

— И уж, наверно, не пустяк побудил двух доблестных охотников — без сомнения, вождей у себя в Джунглях — гнаться по следам за Бандар-Логами, — ответил Каа равнодушно-вежливо, хотя весь горел любопытством.

— Действительно, — начал Балу, — я не больше как старый и временами очень глупый Учитель Закона у Сионийских волчат, а Багира...

— Не больше чем Багира, — сказала Черная Пантера, и челюсти ее с лязгом сомкнулись; она не любила унижаться.

— Дело вот в чем, Каа! Эти похитители орехов и подбиратели пальмовых листьев украли нашего Человеческого Детеныша, о котором ты, может быть, слышал...

— Я слышал как-то от Саги (он ужасно важничает своими иглами), будто бы Человек был принят в Волчью Стаю, но не поверил этому. Саги битком набит рассказами, которые он выслушивает лишь наполовину и прескверно к тому же передает.

— Но это правда. Это такой Человеческий Детеныш, каких еще не бывало! — промолвил Балу. — Лучший, мудрейший и храбрейший из Человеческих Детенышей — мой ученик, который прославит имя Балу по всем Джунглям; а кроме того, я... мы любим его, Каа!

— Тс! тс! — молвил Каа, качая головой. — И я знал, что такое любовь. Я мог бы вам порассказать...

— Это хорошо в ясную ночь, когда мы все будем сыты, чтобы должным образом хвалить тебя! — быстро произнесла Багира. — Наш мальчик в руках Бандар-Логов, а мы знаем, что во всех Джунглях они боятся только Каа...

— Они боятся меня одного. И не без причины, — сказал Каа. — Болтливы, глупы и тщеславны — тщеславны, глупы и болтливы эти обезьяны! Но Человеку в их руках не поздоровится. Им надоедает подбирать орехи, и они их бросают. Они носят полдня с какой-нибудь веткой, думая натово-

рить с ее помощью великих дел, а затем ломают ее пополам. Мальчику нельзя позавидовать. Они меня бранили желтой рыбой, не так ли?

— Червем, червем, земляным червем, — сказала Багира, — равно как и другими словами, которых стыд не позволяет мне произнести.

— Мы их научим хорошо выражаться о своем господине. Ааа-ссс! Мы укрепим их слабую память. Но куда ж они отправились с Детенышем?

— Одни Джунгли то ведают. Я думаю, на закат, — сказал Балу. — Мы полагали, что тебе известно, Каа.

— Мне? Каким образом? Я хватаю их, когда они попадают мне на дороге, но я не охочусь на Бандар-Логов, как не охочусь на лягушек или на зеленую плесень прудов.

— Вверх, вверх! Вверх, вверх! Гилло! Илло! Илло, гляди вверх, Балу из Сионийской Волчьей Стаи!

Балу взглянул вверх, чтобы узнать, откуда доносится голос, и увидел коршуна Чилия, спускавшегося вниз. Кайма его крыльев ярко сверкала, отражая солнечные лучи. Ему уже давно пора было спать, но он рыскал по всем Джунглям, ища медведя и не различая его сквозь густую листву.

— В чем дело? — спросил Балу.

— Я видел Маугли среди Бандар-Логов. Он поручил мне передать вам. Я следил. Бандар-Логи взяли его за реку в Город Обезьян — в Холодные Пе-

щеры. Они пробудут там ночь, или десять ночей, или час. Я приказал летучим мышам следить за ними по наступлении темноты. Вот и все поручения. Доброй Охоты всем вам внизу!

— Полного зоба и глубокого сна тебе, Чиль! — крикнула Багира. — Я вспомню о тебе в первую же охоту и для тебя одного отложу целую голову, о лучший из коршунов!

— Пустое! Пустое! Мальчик сказал Главные Слова. Я не мог не помочь! — И Чиль кругами полетел обратно, домой, на свой насест.

— А он не разучился пользоваться языком! — гордо усмехнулся Балу. — Подумай только, юнец вспомнил Главные Слова птиц в ту минуту, как его тащили по деревьям!

— Видно, крепко их в него вколотили! — заметила Багира. — Но и я горжусь им; а теперь нам пора к Холодным Пещерам!

Все они знали, где находится это место, но мало кто из обитателей Джунглей туда наведывался: Холодные Пещеры — старый запущенный город, затерянный и погребенный в Джунглях; а звери не пользуются местами, которыми однажды пользовался человек.

Дикий кабан туда заглядывал, но охотничьи племена —

никогда. Кроме того, здесь жили обезьяны — насколько вообще можно сказать, что обезьяны где-то живут, —

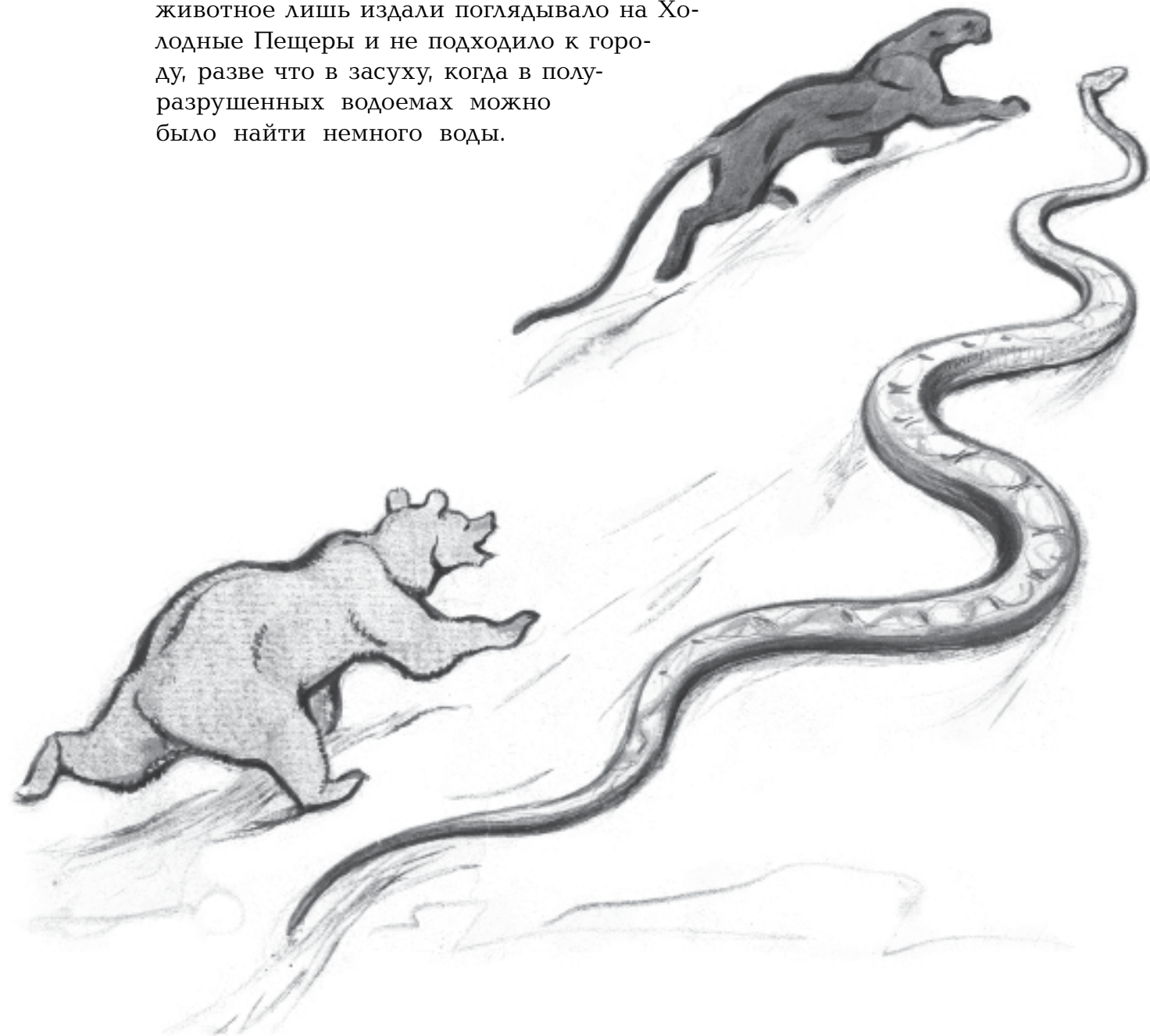
и потому каждое мало-мальски уважающее себя животное лишь издали поглядывало на Хо-

лодные Пещеры и не подходило к горо-

ду, разве что в засуху, когда в полу-

разрушенных водоемах можно

было найти немного воды.

— Полночи ходьбы во весь опор! — объявила Багира; а Балу о чем-то серьезно задумался.

— Я побегу так быстро, как только сумею! — с беспокойством промолвил он.

— Мы не станем ждать тебя. Следуй за нами, Балу. Мы с Каа помчимся со всех ног!

— С ногами ли, без них ли, я не отстану от тебя, четвероногой! — отрывисто заметил Каа.

Балу напряг свои силы, стараясь не отставать, но вскоре, запыхавшись, должен был присесть отдохнуть; спутники оставили медведя догонять их. Багира скачками пустилась вперед.

Каа не говорил ни слова; но сколько Пантера ни прибавляла ходу, огромный Каменный Питон держался наравне с нею. Когда они прибежали к горному ручью, Багира выгадала немного, попросту перескочив ручей, в то время как Каа плыл, высунув из воды голову и полметра своей шеи; но на ровном месте Каа догнал ее.

— Клянусь Сломанным Замком, освободившим меня, — воскликнула Багира при наступлении сумерек, — ты ходок не из последних!

— Я голоден, — ответил Каа. — Кроме того, они обозвали меня рябой лягушкой...

— Червем, земляным червем, да еще желтым!

— Все равно. А ну-ка, припустим! — И Каа словно полился по земле, выбрав своими зоркими глазами кратчайший путь.

Между тем обезьяны, расположившиеся в Холодных Пещерах, и думать не думали о друзьях Маугли. Они притащили мальчика в заброшенный город и были весьма горды собой. Маугли до этих пор ни разу не видел индийского города, и хотя это была почти сплошь куча развалин, он показался ему чудом красоты и великолепия. Город был построен на холме каким-то царем в незапамятные времена. Еще можно было разглядеть каменную мостовую, ведущую к разрушенным воротам, где висели остатки прогнившего дерева на перетершихся, ржавых петлях. Деревья росли на стенах и из них; зубцы на крепостных стенах обвалились и рассыпались в песок, дикие ползучие растения свешивались из окон стенных башенок густыми пучками.

Холм увенчан был огромным дворцом без крыши; мрамор мощеных дворов и фонтанов потрескался, покрылся красной и зеленой плесенью, и даже булыжники, которыми были вымощены внутренние дворы, где обычно жили царские слоны, были раздвинуты проросшей травой и разворочены корнями молодых деревьев. Из дворца открывался вид на бесконечные ряды домов без крыш, что придавало городу вид пустых медовых сот, наполненных тьмой; на бесформенную каменную глыбу, когда-то бывшую идолом на площади, где пересекались четыре дороги; на расщелины и ямы на углах улиц, где когда-то находились общественные колодцы; и на потрескавшиеся купола храмов, поросшие с боков дикими смоковницами. Обезьяны называли это место своим городом и делали вид, что презирают обитателей Джунглей за то, что те живут в лесу. Однако и обезьяны не зна-

ли, для чего построены здания и как ими пользоваться. Они усаживались в круг в зале заседаний царского совета, почесывались, ловили блох, воображая себя людьми, либо забегали в разрушенные дома и опять выбегали наружу, собирали и складывали в угол обвалившиеся куски штукатурки и старые кирпичи, потом забывали, куда они их спрятали, поднимали крик, возню и драку и затем полчищами рассыпались по террасам царского сада, где трясли розовые и апельсиновые деревья с единственной целью — полюбоваться, как будут падать цветы и плоды. Они исследовали все коридоры и подземелья дворца и сотни темных комнаток, но никогда не помнили, что они видели, а чего нет; так они блуждали в одиночку, парами или толпами, рассказывая друг другу о своих якобы человеческих подвигах. Они пили из водоемов и мутили воду, а затем дрались из-за нее, сбегались огромными толпами и кричали:

— Нет в Джунглях народа столь мудрого, доброго, ловкого, сильного и прекрасного, как Бандар-Логи!

Затем начиналось все сначала, пока город им не приедался и они не возвращались на верхушки деревьев в надежде, что Джунгли их все-таки заметят.

Маугли, воспитанный в Законе Джунглей, не любил и не понимал такой жизни. Обезьяны притащили его к Холодным Пещерам вечером, и вместо того, чтобы лечь спать, как сделал бы Маугли после длинного путешествия, они взяли за руки и пустились в пляс, распевая глупые песни. Одна из обезьян произнесла речь, в которой указала товарищам, что пленение Маугли отметило новую эру в истории Бандар-Логов, потому что Маугли покажет им,

как плести камыш и ветви для защиты от дождя и холода. Маугли подобрал несколько ползучих стеблей и стал их переплетать, а обезьяны пробовали подражать ему; но уже через несколько минут они потеряли интерес к этой работе и стали дергать друг друга за хвост или с кашлем прыгать на четвереньках.

— Я хочу есть! — объявил Маугли. — Я чужестранец в этой части Джунглей. Принесите мне еды или позвольте мне здесь поохотиться!

Двадцать или тридцать обезьян кинулись принести ему орехов и диких плодов; но по дороге они подрались, а возвращаться с тем, что осталось от плодов, не стоило труда. Маугли, грустный и злой от голода, печально блуждал по пустынному городу, издавая время от времени Клич Охотящегося Чужестранца; но ответа не было, и Маугли понял, что попал в прескверное место. «Все, что Балу мне говорил о Бандар-Логах, истинная правда, — размышлял он. — У них нет ни Закона, ни Клича Охотников, ни вождей — ничего, кроме глупых слов и вороватых рук. Если я здесь умру с голода или буду убит, то по собственной вине. Надо все же постараться вернуться в родные Джунгли. Балу, наверное, побьет меня, но это все-таки лучше, чем гоняться за порхающими лепестками вместе с Бандар-Логами».

Не успел он направиться к городской стене, как обезьяны потащили его обратно с упреками, что он не ценит своего счастья; чтобы внушить ему чувство благодарности, они щипали его. Он стиснул зубы и, не говоря ни слова, отправился с толпой крикливых обезьян на террасу, возвышавшуюся над водоемом из красного песчаника, наполовину полным дождевой водой. Посреди террасы стоял разрушенный летний павильон из белого мрамора, построенный для отдохновения цариц, уже сотни лет покоившихся в земле. Купол крыши наполовину обвалился, загромоздив обломками подземный ход из дворца, которым пользовались царские жены. Стены его были сложены из резных мраморных плиток — великолепный молочно-белый фон с мозаикой из агатов, сердоликов, яшмы и ляпис-лазури; когда из-за холма всходила

луна, то свет ее, прорываясь сквозь ажурные стены, бросал на землю тени, подобные черному бархатному кружеву. Как Маугли ни устал и ни был голоден, как ни хотелось ему спать, однако он не мог удержаться от смеха, когда Бандар-Логи стали в двадцать глоток твердить ему, как они мудры, сильны и благородны и как глупо было с его стороны пытаться уйти от них.

— Мы велики! Мы свободны! Мы замечательны! Мы — самый чудный народ во всех Джунглях! Все мы так говорим, значит, это правда! — галдели они. — Так как ты нас слышишь впервые и можешь передать наши слова обитателям Джунглей, дабы они замечали нас впредь, то мы расскажем тебе все о наших великолепных особах!

Маугли не возражал, и сотни, тысячи обезьян собрались на террасу слушать своих ораторов, распевавших похвалы Бандар-Логам, и всякий раз, когда оратор останавливался, чтобы перевести дух, они подхватывали хором: «Это так, все мы утверждаем это». Маугли кивал головой, моргал глазами и говорил «да», когда к нему обращались с вопросами; но голова у него кружилась от гама.

«Должно быть, Табаки, шакал, перекусал всю эту ораву, — думал он, — и теперь они взбесились. Конечно, это «девани», бешенство. Неужели они никогда не спят? Вот облако собирается закрыть луну. Будь оно достаточно велико, я попробовал бы улизнуть в потемках. Но как я устал!..»

За этим самым облаком зорко следили двое друзей, притаившихся в почти осыпавшемся рву за городской стеной; Багира и Каа, зная, как опасны обезьяны, когда их много, не желали подвергаться риску. Обезьяны никогда не дерутся, если их меньше сотни — против одного, и мало кто в Джунглях пускается на такой риск.

— Я отправлюсь к западной стене, — прошептал Каа, — и быстро спущусь по уклону. На меня они не бросятся, хотя бы их там были сотни, но...

— Я знаю, — сказала Багира. — Скорей бы этот Балу приходил!.. Но мы должны сделать что можем. Когда это облако закроет луну, я проберусь на террасу; они там, видимо, держат совет насчет мальчика.

— Доброй охоты! — угрюмо промолвил Каа и пополз к западной стене.

На беду, она оказалась наименее разрушенной из всех, и огромный змей порядком замешкался, отыскивая дорогу сквозь камни. Туча затмила луну; Маугли безмолвствовал, любопытствуя, что будет дальше, — и тут он услышал легкие шаги Багиры на террасе. Черная Пантера взбежала по откосу почти без всякого шума и теперь лупила (она не любила терять время на укусы) направо и налево обезьян, сидевших вокруг Маугли в пятьдесят или шестьдесят рядов. Послышались вопли гнева и ужаса; и в то время, как Багира ступала по катавшимся и трепетавшим под ней телам, раздался голос одной из обезьян:

— Она тут одна! Убьем ее! Убьем!

Сплошная масса дерущихся обезьян, кусая, царапая и разрывая ее на части, сомкнулась над Багирой; пять или шесть обезьян, подхватив Маугли, потащили его по стене павильона и втокнули в отверстие проломленного купола. Мальчик, воспитанный людьми, жестоко расшибся бы, упав с высоты добрых пяти метров, но Маугли упал так, как учил его Балу, и сразу встал на ноги.

— Оставайся здесь, — крикнули обезьяны, — пока мы не убьем твоих друзей! А потом мы будем играть с тобой, если только Ядовитое Племя оставит тебя в живых!

— Мы с вами одной крови, вы и я! — сказал Маугли, проворно испустив Змеиный Крик. Он слышал шорох и шипенье, доносившиеся из кучи мусора, в котором он стоял, и для большей верности повторил Змеиные Главные Слова.

— Ссслышим! Опустите капюшоны! — тихо произнесло с полдюжины голосов. (В Индии каждая развалина рано или поздно становится обиталищем змей; старый павильон кишел кобрами.) — Стой смирно, Маленький Брат, иначе твои ноги могут натворить нам бед!

Маугли старался не шевелиться и глядел сквозь ажурные стены, прислушиваясь к яростному шуму битвы, кипевшей вокруг пантеры, к вою, визгу и фырканию, и к глубокому, хриплому кашлю Багиры, ворочавшейся и задыхавшейся под кучей своих врагов. Впервые со дня рождения Багира дралась не на жизнь, а на смерть!

«Здесь должен быть Балу: Багира не пришла бы одна», — думал Маугли; затем он крикнул:

— К водоему, Багира! Катись к водоему. Катись и ныряй! Скорей в воду!

Багира услышала его, и этот крик, свидетельствовавший, что Маугли невредим, придал ей бодрости. Она отчаянно, шаг за шагом, прокладывая себе путь к резервуарам, делая молчаливые передышки. Вдруг с разрушенной стены, со стороны Джунглей, раздался громовой военный клич Балу. Старый медведь старался изо всех сил, но не мог явиться раньше.

— Багира, — кричал он, — я здесь! Я лезу! Я спешу. Агувора! Камни скользят под моими ногами. Ждите меня, о гнуснейшие Бандар-Логи!

Он появился, запыхавшись, на террасе и сразу буквально утонул с головой в живой волне обезьян, но сейчас же встал на задние лапы и, раздвинув передние, захватил сколько мог обезьян в свои железные объятия, затем стал бить мерными взмахами, как шлепает по воде лопастями мельничное колесо. По хрусту веток и всплеску воды Маугли догадался, что Багира пробилась к водоему, куда обезьяны не могли за ней последовать. Пантера переводила дух, высунув голову из воды, а обезьяны густо усеяли красные ступеньки по три одна на другой и металась в бешенстве, готовясь облепить врага со всех сторон, как только он выйдет на помощь Балу. Тогда Багира подняла морду, с которой струилась вода, и в отчаянии испустила Змеинный Клич о защите:

— Мы одной крови, вы и я!

Ей показалось, что Каа дал тягу в последнюю минуту. Даже Балу, полузадушенный обезьянами на краю террасы, не мог удержаться от усмешки, услышав мольбу Черной Пантеры о помощи.

Каа только что перебрался через западную стену; он шлепнулся наземь с такой силой, что столкнул в яму зубец со стены. Теперь он не намерен был терять ни сил, ни времени и раз-другой свернулся и развернулся, чтоб убедиться, что каждый сантиметр его длинного тела находится в полной боевой готовности. Между тем Балу продолжал сражаться, обезьяны завывали в водоеме вокруг Багиры, а нетопырь Манг, летая взад и вперед, разносил по Джунглям известие о великом сражении. Даже Хати, Дикий Слон, затрубил — и со всех сторон, издалека, стали собираться толпы проснувшихся обезьян, скачками по древесным дорогам торопившихся на помощь к товарищам в Холодные Пещеры; шум битвы разбудил даже всех дневных птиц на много миль кругом. Тогда Каа, горя жаждой битвы, выпрямился и быстро ринулся вперед. Боевая сила питона заключается в ударе головы, подкрепленной всей силой и весом остального тела. Вообразите себе копье, или таран, или молот весом в полтонны, управляемый холодным, спокойным рассудком, живущим в его рукоятке, и вы получите некоторое понятие о том, что представлял собой Каа во время борьбы. Питон в полтора метра длиной может сбить человека с ног, если поразит его прямо в грудь, а Каа, как известно, был намного длиннее — десять метров. Первым ударом — молчаливым, беззвучным ударом — он врезался в толпу, окружавшую Балу; и второго не потребовалось. Обезьяны разбежались с криками: «Каа! Это Каа! Бегите! Бегите!»

Целые поколения обезьян удерживались в добром послушании сказками, которые старшие рассказывали им о Каа, ночном воре, умеющем скользить по сучьям так тихо, как мох растет, и уносить самых сильных обезьян; о старом Каа, так ловко умевшем прикидываться мертвым суком или гнилым пнем, что самые опытные обезьяны обманывались и замечали свою ошибку только тогда, когда «сук» уже обхватывал их. Обезьяны боялись в Джунглях только Каа, потому что ни одна из них не знала пределов его силы, ни одна не смела взглянуть ему прямо в глаза, ни одна не вырывалась живой из его объятий. Итак, они бежали, икая от ужаса, на стены и крыши домов, и Балу испустил глубокий вздох облегчения. Мех у него был гораздо гуще, чем у Багиры, но и он жестоко пострадал в схватке.

В эту минуту Каа впервые за все время открыл рот и произнес только

одно длинное шипящее слово — и самые дальние обезьяны, спешившие на защиту Холодных Пещер из глубокого леса, застыли на месте, охваченные ужасом, так что сучья погнулись и затрещали под их тяжестью. Обезьяны на стенах и в пустых домах смолкли, и в наступившей тишине Маугли слышал, как Багира, выйдя из водоема, отряхивала с себя воду. Крики возобновились. Обезьяны лезли все выше на стены; они обвивали шеи огром-

ных каменных идолов и испускали пронзительные вопли, перепрыгивая по стенным зубцам; Маугли же, плясавший в павильоне, прильнул глазами к ажурной стене и заухал совой в знак насмешки и презрения.

— Вытащи мальчика из этой западни; у меня уже сил нет, — произнесла Багира. — Заберем Человеческого Детеныша и уйдем. Они могут снова напасть.

— Они не двинутся с места, пока я не прикажу им. С-с-с-стойте! — прошипел Каа, и снова все смолкло.

— Я не мог прийти раньше, Сестра моя, но мне показалось, что я слышал твой зов, — добавил он, обращаясь к Багире.

— Мо... может быть, я и кричала что-нибудь в пылу битвы, — ответила Багира. — Не ранен ли ты, Балу?

— Я не уверен в том, что они не выкроили из меня сотни медвежат, — сказал Балу, тяжело встряхивая лапы одну за другой. — Уауу! Я весь истерзан. Каа, мы с Багирой обязаны тебе жизнью, я думаю...

— Пустое! Где Человечек?

— Здесь, в западне. Я не могу вылезти! — прокричал Маугли; прямо над его головой прогибался развалившийся купол.

— Заберите его! Он тут пляшет, как павлин Мор. Он раздавит наших детенышей! — взмолились кобры снизу.

— Ага! — с усмешкою сказал Каа. — У него везде друзья, у этого человечка! Отойди, отойди, Детеныш, а вы спрячьтесь, Ядовитое Племя. Я ломаю стену!

Каа внимательно исследовал стену, пока не нашел в мраморе небольшую трещину, указывавшую слабое место. Он два или три раза легко толкнул ее головой, чтобы рассчитать расстояние, а затем, подняв метра два своего тела над землей, обрушил на нее с полдюжины могучих ударов, действуя носом как тараном. Стена треснула и повалилась, подняв тучу пыли и сора; Маугли кинулся в пробоину и, бросившись к Балу и Багире, обвил их огромные шеи руками.

— Не расшибся ли ты? — говорил Балу, нежно обнимая его.

— Я истомился, проголодался и порядком исцарапан. Но как же они вас отделали, братцы! Вы истекаете кровью.

— Не только мы, — сказала Багира, облизывая губы и поглядывая на трупы обезьян, разбросанные по террасе и вокруг водоема.

— Это ничего, это пустяки, лишь бы ты был невредим, о Лягушонок, гордость моя! — причитал Балу.

— Об этом речь впереди, — промолвила Багира сухим тоном, который совсем не понравился Маугли. — Но здесь Каа, которому мы обязаны этой победой, а ты, Маугли, жизнью; поблагодари его по нашим обычаям, Маугли! Маугли обернулся и увидел в расстоянии фута над своей головой качающуюся голову огромного питона.

— Так это Человечек? — промолвил Каа. — У него очень нежная кожа, и он немногим отличается от Бандар-Лога. Берегись, Человек, чтобы я не принял тебя за обезьяну когда-нибудь в сумерках, меняя кожу!

— Мы одной крови, ты и я, — ответил Маугли. — В эту ночь ты спас мне жизнь. Отныне моя добыча будет твоей добычей, когда ты проголодаешься, о Каа!

— Спасибо, Маленький Брат, — ответил Каа, а глаза у него так и сверкали. — А что может убить такой смелый охотник? Прошу позволения сопровождать тебя, когда ты пойдешь на охоту!

— Я ничего не убиваю: я слишком мал; но гоню коз к тем, кому они нужны. Когда проголодаешься, приходи ко мне, увидишь, правду ли я говорю. Здесь у меня кое-что есть (он вытянул свои руки), и если ты когда-нибудь попадешь в капкан, то я сумею заплатить долг, которым обязан отныне тебе, Багире и Балу. Доброй охоты вам всем, мои повелители!

— Хорошо сказано, — пробормотал Балу, ибо Маугли поблагодарил своего спасителя по всем правилам искусства. Питон на минуту положил голову Маугли на плечо.

— Отважное сердце и сладкая речь, — сказал он. — Они далеко поведут тебя в Джунглях, малыш! Отправляйся же скорее со своими друзьями. Ступай и усни до захода луны, не годится тебе смотреть на то, что произойдет здесь...

Луна опускалась за холм, и ряды трепещущих обезьян, скученных на стенах и башнях, казались клочьями изорванной бахромы. Балу спустился к водоему напиться, а Багира стала приводить в порядок свой мех, когда Каа скользнул на середину террасы и сомкнул свои челюсти с громким лязгом, заставившим всех обезьян устремить на него глаза.

— Луна заходит, — сказал он; — достаточно ли света? Видно ли вам?

Со стен понесся стон, подобный шелесту ветра в верхушках деревьев:

— Нам видно, о Каа!

— Хорошо! Теперь начинается танец — Танец Голода Каа. Сидите смирно и глядите!

Каа три раза описал огромный круг, мотая головою вправо и влево. Затем он стал свивать свое тело в петли и восьмерки и мягкие, волнистые треугольники, расплывавшиеся в квадраты и пятиугольники; закручивался спиралью, не останавливаясь, не торопясь; и ни на минуту не смолкал его глухой, однообразный, жужжащий напев. Темнота надвигалась, пока наконец подвижные, гибкие кольца не задержались мраком, и слышен был только шелест чешуек.

Балу и Багира стояли как окаменелые; в горле у них клокотало, шеи взъерошились. Маугли изумленно созерцал эту картину.

— Бандар-Логи, — раздался наконец голос Каа, — можете ли вы шевельнуть рукой или ногой без моего приказа? Отвечайте!

— Без твоего приказа мы не можем шевельнуть ни рукой, ни ногой, о Каа!

— Станьте все на шаг ближе ко мне!

Ряды обезьян беспомощно качнулись вперед, и Балу с Багирой вместе с ними ступили вперед одеревенелыми ногами.

— Ближе! — прошипел Каа, и они придвинулись ближе.

Маугли ухватился руками за Балу и Багиру, чтобы оттащить их прочь, и оба огромных зверя вздрогнули, как бы очнувшись от сна.

— Держи свою руку на моем плече, — прошептала Багира. — Держи, или я двинусь вперед, туда, к Каа. А-ах!

— Но ведь старый Каа только описывает круги в пыли! — молвил Маугли. — Пойдем!

И все трое выскользнули через стенную брешь в Джунгли.

— Уф! — воскликнул Балу, очутившись снова под затихшими деревьями. — Никогда больше не стану связываться с Каа! — И он сильно встряхнулся.

— Он знает больше нашего, — с дрожью говорила Багира. — Останься я еще немного, и я попала бы ему в глотку!

— Многие попадут туда прежде, чем луна снова взойдет, — молвил Балу.

— Он удачно поохотится... на свой лад!

— Но что бы это значило? — спросил Маугли, не имевший понятия о силе очарования, которой обладает питон. — Я видел только огромного змея, выделявавшего глупые выкрутасы до наступления темноты. Только нос он себе расшиб. Ну-ну!

— Маугли, — сердито возразила Багира, — нос у него расшиблен по твоей милости, равно как и мои уши, бока и лапы, и шея, и плечи Балу истерзаны по твоей же милости! Ни Балу, ни Багира не будут в состоянии теперь охотиться в свое удовольствие в продолжение многих дней!

— Не беда, — сказал Балу, — зато Детеныш снова с нами!

— Верно; но он достался нам ценою того времени, которое мы могли бы потратить на удачную охоту; ценою ран, шерсти — у меня выщипано полспины; а главное — ценою чести. Ибо помни, Маугли: я, Черная Пантера, вынуждена была взывать к Каа о помощи; и мы с Балу были зачарованы, как малые птички, Пляской Голода. Вот что, Детеныш, вышло из твоих игр с Бандар-Логами!

— Правда это, правда, — опечалившись, промолвил Маугли. — Я плохой Детеныш, и внутри у меня горько!

— Гм! Что гласит Закон Джунглей, Балу?

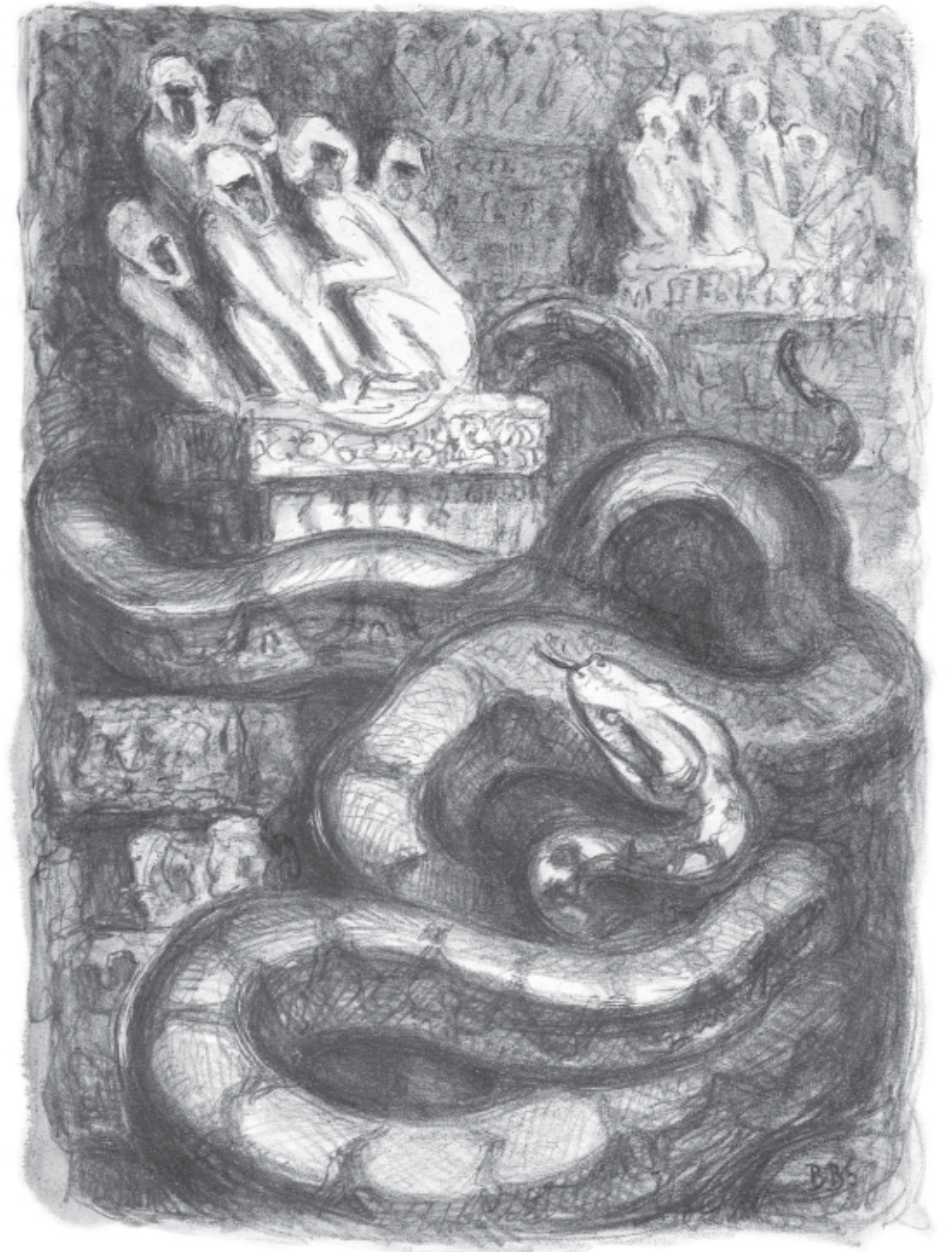
Балу не хотел подвергать Маугли новым неприятностям, но он не смел шутить с Законом и потому пробормотал:

— Раскаяние не отменяет наказания. Но помни, Багира, ведь он еще мал!

— Я это помню; но он напроказил и должен получить трепку. Маугли, имешь ли что-нибудь против этого?

— Ничего. Я провинился. Ты и Балу изранены по моей милости. Это будет справедливо.

Багира отвесила ему с полдюжины любовных, по мнению пантеры, шлепков (они едва ли разбудили бы кого-нибудь из ее собственных детенышей),

но для семилетнего мальчугана оказавшихся такой жестокой поркой, какой только можно пожелать. По окончании экзекуции Маугли чихнул и поднялся на ноги, не говоря ни слова.

— А теперь, — молвила Багира, — прыгай мне на спину, Маленький Брат, и мы отправимся домой!

Одна из прелестей Закона Джунглей заключается в том, что с наказанием кончаются все счеты и брюзжанию нет места.

Маугли склонил голову на спину Багиры и уснул так крепко, что не слышал, как очутился в родной пещере, куда его, все еще сонного, положили друзья.

Дорожная песнь Бангар-Слов

Мчимся мы цепью, отваги полны,
В свете завистливом бледной луны.
Правда, завидны вам наши прыжки?
Правда, хотели б вы лишней руки?
Правда, что хвост наш — венец красоты?
Луком Амура концы завиты!
Сердишься, братец? Но — все впереди:
Только болтался бы хвост позади!
Вот мы уселись лохматой толпой
С полною хитрых затей головой;
Славно мечтать о великих делах
Недругам нашим на зависть и страх!
Тьма благородства, ума, доброты
В наших... желаньях! Не веришь нам ты?
Ах, мы забыли... Но — все впереди:
Только болтался бы хвост позади!
Чью бы молву ни подслушали мы —
Птиц ли, зверей, ожидающих тьмы,
Скрежет ли, шорох ли, плеск или крик, —
Все перейдем и повторим мы вмиг!
Славно! Чудесно! Занятно! Ей-ей!
Вот заболтали — не хуже людей!
Нет? Ну так что же! Ведь все впереди:
Только болтался бы хвост позади!
Как мы искусны во всем, погляди!

Вот, сцепив ряды живые, бойко скачем в высоте,
И качаемся с лианой, и кишим в любом кусте.
Мы клянемся всем великим — нашим криком и возней:
Ждут нас подвиги лихие между небом и землей!

Как пришел страх

Иссяк ручей, и высох пруд;
Теперь мы все друзья:
С оленем тигр, с волками бык —
Не дружная ль семья?
В беде великой все равны,
При жажде нет врагов;
И не боится даже лань
Ни когтя, ни клыков.
От зноя скорчилась земля
И высохли пруды.
Мы все друзья... доколе дождь
Не сломит Мир Воды...

Закон Джунглей — едва ли не самый древний в мире; в нем собраны и описаны почти все случайности, какие только могли постигнуть обитателей Джунглей, и теперь свод этих законов настолько совершенен, насколько его могли сделать таковым время и обычай. Если вы читали другие рассказы о Маугли, то должны помнить, что он провел большую часть своей жизни в Сионийской Волчьей Стая, где обучался Закону у бурого медведя Балугу. Как-то, когда мальчику надоели вечные приказы, Балугу сказал ему: «Закон подобен исполинской Ползучей Лиане — он обвивает каждого, и увернуться от него нет возможности».

— Когда поживешь с мое, Маленький Брат, то увидишь, что все Джунгли повинуются по крайней мере одному Закону! И зрелище будет не из приятных... — заключил Балугу.

Речь эта вошла Маугли в одно ухо, а из другого вышла; мальчик, вся жизнь которого проходит лишь во сне и еде, ни о чем не кручинится, пока забота не заглянет ему прямо в лицо. Но наступил год, когда слова Балугу оправдались, и Маугли действительно увидел, что все Джунгли живут под действием единого Закона.

В этот год зимних дождей почти не было, и дикобраз Саги, встретив Маугли в бамбуковой чаще, доложил ему, что дикий ямс (сладкий картофель) начинает засыхать. Всем известно, что Саги необыкновенно прихотлив в еде и употребляет в пищу только самые отборные и спелые плоды.

Маугли рассмеялся и промолвил:

— А мне-то что до этого?

— Пока ничего, — сурово ответил Саги, неприятно шелестя иглами, — а дальше увидишь. А что, можно еще нырять в глубоком пруду у Пчелиных Скал, Маленький Брат?

— Нет. Глупая вода уходит, и я не хочу разбить себе голову! — хмыкнул в ответ Маугли, всерьез воображавший, что он один знает столько, сколько пятеро любых обитателей Джунглей, вместе взятых.

— А зря! Сквозь небольшую трещину в нее, пожалуй, могло бы просочиться немножко ума... — И Саги быстро нагнулся, увидав, что Маугли хочет дернуть его за щетину на носу.

Маугли передал Балу то, что сказал ему Саги. Балу задумался и пробормотал про себя:

— Будь я один, я сейчас же переменял бы место охоты, пока другие не спохватились. Но... охота среди чужаков кончается дракой — и как бы они не обидели моего Человеческого Детеныша! Подождем, посмотрим, как-то мохва зацветет!..

Балу очень любил цветы дерева-мохвы, но в эту весну оно не расцвело. Зеленоватые, как оливки, восковые бутоны были убиты зноем, не успев распуститься; и когда Балу, став на задние лапы, потряхнул дерево, с него слетело лишь несколько зловонных лепестков. Мало-помалу нестерпимый зной заполз в самое сердце Джунглей; Джунгли пожелтели, побурели и наконец почернели. Зеленая поросль по бокам оврагов обгорела и торчала из земли кусками рваной, скрученной спиралью проволоки; потайные озерца ушли в землю, и даже грязи на их месте не осталось — почва ссохлась, каждый след на ней запекался и стал словно литым из чугуна; сочные в былые времена лианы падали со стволов, которые обвивали, и умирали у их подножия; бамбук увядал и звонко постукивал стеблями, когда налетал ветер, а мох отслаивался от скал в самом сердце Джунглей, так что и они наконец оголились и накалились, как синие валуны в русле потока.

Птицы и обезьяны двинулись на север в начале года, ибо они предчувствовали беду; олени и дикие свиньи забирались на выжженные поля селян,

иногда умирая на глазах людей, слишком слабых, чтобы убить их; только один коршун Чиль жирел — падали было вдоволь. Каждый день он сообщал животным, слишком ослабевшим, чтобы пытаться уйти на новые места охоты, что солнце умертвило Джунгли на три дня полета во все стороны.

Маугли до сих пор не знал, что такое настоящий голод. Он теперь питался трехлетним старым медом, который выскребал из заброшенных каменных ульев — мед был черен, как терн, и покрыт слоем засохшего сахара. Маугли откапывал глубоко зарывшихся под кору деревьев личинок, разорял гнезда ос и поедал их молодь. Вся дичь в Джунглях стала кожа да кости; Багира, случалось, убивала добычу по три раза в ночь и все же не насыщалась. Но хуже всего была жажда; жители Джунглей пьют хоть и редко, зато помногу.

Зной не ослабевал; он высосал всю влагу, и наконец главное русло Вайнгунги осталось единственным потоком, струившим немного воды среди мертвых берегов; и когда Дикий Слон Хати, живущий уже более ста лет, увидел в самом центре потока узкую синюю полоску камней, он понял, что перед ним Скала Мира, — тогда он поднял хобот и протрубил «Водяное Перемирие», как это сделал его отец за полвека до этого. Олени, дикие свиньи и буйволы хриплыми голосами подхватили его, а коршун Чиль полетел широкими кругами над Джунглями, высвистывая и выкрикивая тот же клич.

По законам Джунглей смерти подлежит всякий, кто убивает у водопоя после того, как провозглашено Водяное Перемирие. Потому что питье важнее еды. Когда дичи мало, каждый житель Джунглей как-нибудь сумеет обойтись. Но вода — совсем иное дело; и если она остается лишь в одном только месте, то на время водопоя в Джунглях прекращается всякая охота.

В обычное время, когда воды было вдоволь, звери, приходившие на водопой к Вайнгунге или в другое место, делали это с риском для своей жизни, и этот риск составлял немалую долю прелести ночных походов. Продвигаться так тихо, чтоб листок не шелохнулся; бродить по колено в шумящих

отмелях, в которых тонет всякий звук; пить, поминутно оглядываясь через плечо и напрягая все мускулы для отчаянного прыжка в случае опасности; покататься на песчаном берегу и возвратиться с мокрой мордой к изумленному стаду — во всем этом молодые олени находили огромное наслаждение, зная, что каждую минуту Багира или Шер-Хан могут броситься на них. Теперь эти забавы прекратились, и все обитатели Джунглей, измученные и голодные, шли к пересохшей реке: тигры, медведи, олени, буйволы и свиньи в одной куче пили загнившую воду и стояли над ней, слишком истощенные, чтобы двинуться дальше.

Олени и кабаны бродили по лесу целыми днями, надеясь отыскать что-нибудь получше сухой травы и увядших листьев. Буйволы не находили ни луж, в которых можно было бы насладиться прохладой, ни зеленых злаков. Змеи выползали из Джунглей и направлялись к реке, надеясь поймать какую-нибудь заблудившуюся лягушку. Они обвивались вокруг мокрых камней и даже не пытались жалить, когда какая-нибудь свинья, разрывая корни, рылом задевала их. Речные черепахи давно уже были перебиты Багирой, самой ловкой из охотников, а рыбы зарылись глубоко в ил. Только Скала Мира тянулась поперек отмели длинной змеей, и маленькие струйки устало шипели, высыхая на ее горячих боках.

Сюда каждую ночь являлся и Маугли, ища прохлады и общества. Даже самые голодные из врагов мальчика едва ли теперь думали о нем. Из-за своей голой кожи он казался еще более жалким и исхудалым, чем его товарищи. Солнце выжгло его волосы, и они стали белы как лен; ребра его торчали, как прутья корзины; ползая на четвереньках, он натер себе мозоли на коленях и локтях, и его высохшие руки и ноги стали напоминать узловатые стебли трав. Но взгляд под всклокоченным чубом был спокоен и холоден, ибо Багира, его неизменная советница в это тяжелое время, научила его двигаться тихо, охотиться не торопясь и никогда, ни в коем случае и ни под каким видом не терять терпения.

— Плохие настали времена! — говорила Черная Пантера в жаркий вечер, дышавший как раскаленная печь. — Но это не беда, если только мы доживем до конца их. А что, твое брюхо пусто, Человеческий Детеныш?

— Брюхо не пусто, но мне нехорошо. Как ты думаешь, Багира, совсем о нас позабыли дожди и уже никогда не вернуться?

— Я так не думаю; мы еще увидим мохву в цвету, увидим молодых оленят, разжиревших на молодой траве. Пойдем к Скале Мира и послушаем новости. Садись ко мне на спину, Маленький Брат.

— Не такое теперь время, чтобы таскать тяжести; я еще держусь на ногах, но... вряд ли мы с тобой смахиваем на откормленных волов.

Багира оглядела свои шершавые запыленные бока и прошептала:

— Вчера ночью я убила вола в ярме. Я так ослабла, что не посмела бы кинуться, если бы он был отвязан. Вау!..

Маугли засмеялся.

— Да, славные мы стали охотники! Я настолько осмелел, что ем червей!

И приятели поплелись вместе вниз, через ломкий кустарник, к берегу реки, к разбегавшимся от нее в разные стороны кружевным отмелям.

— Эта вода долго не проживет, — проговорил Балу, присоединившись к ним. — Посмотрите, вон следы, похожие на дороги людей!

На гладкой равнине отдаленного берега жесткая лесная трава умерла стоя и, умирая, засохла, как мумия. Ведущие к реке тропинки, протоптанные оленями и кабанами, исполосовали эту бесцветную равнину пыльными рытвинами, прорезавшими трехметровую траву, и каждая из этих длинных аллей кишела, несмотря на ранний час, животными, спешившими к воде. Надышавшись мелкой пылью, олени и лани громко чихали.

Выше, в излучине реки, окружавшей Скалу Мира, хранительницу Водяного Перемирия, стоял со своими сыновьями Дикий Слон Хати; огромный и серый, в лунном сиянии, он непрерывно покачивался из стороны в сторону. Пониже стоял авангард оленьего стада; еще ниже по течению реки — кабаны и дикие буйволы; а на противоположном берегу, где деревья спускались к краю воды, было отведено место для плотоядных — тигров, волков, пантер, медведей и прочих.

— Мы воистину живем теперь под одним Законом! — промолвила Багира, входя в воду и окидывая взглядом линию рогов и блестящих глаз в том месте, где олени и дикие свиньи толкались, пихая друг друга. — Доброй охоты вам, мои единокровные! — добавила она, вытягиваясь во всю свою длину, и, высунув один бок из воды, добавила сквозь зубы: — Если бы только не этот Закон, тут воистину была бы удачная охота...

Чутко настороженные уши оленей уловили последнюю фразу, и испуганный шепот пробежал по рядам травоядных.

— Перемирие! Не забывай Перемирия!

— Тише! Тише! — промолвил Хати, Дикий Слон. — Теперь Перемирие, Багира; не время говорить об охоте.

— Мне ли этого не знать? — спросила Багира, устремив свои желтые глаза вверх по течению. — Я превратилась в поедателя черепашек, в охотника за лягушками. Нгайя!.. Не начать ли мне жевать ветки?

— Ах, нам бы очень, очень этого хотелось!.. — наивно промолвил молодой олененок, родившийся этой весной.

Как ни пришиблены были жители Джунглей, но даже Хати не мог удержаться от смеха.

А Маугли, лежавший в теплой воде, упираясь в дно локтями, громко захотал и взбил пену ногами.

— Хорошо сказано, Маленькие Рожки! — промурлыкала Багира. — Когда Перемирие кончится, это зачтется в твою пользу... — И она зорко всмотрелась в темноту, чтобы узнать олененка, если бы впоследствии случилось его встретить.

Понемногу разговор завязался по всему водопою. Кабаны толкались и хрюкали, прося потесниться; буйволы отфыркивались, перебрасываясь фразами через отмели, а олени рассказывали горестную повесть утомительных поисков съестного. Время от времени они бросали какой-нибудь вопрос плотоядным через реку, но ответы получали неутешительные; знойный ветер с ревом налетал и замирал между скал и трескучих сучков, развевая ветки и пыль по воде.

— Даже люди, и те умирают возле своих плугов! — объявил молодой олень. — Сегодня перед рассветом я троих таких встретил; они лежали неподвижно, и с ними их буйволы; еще немного — и мы затихнем...

— Река еще больше упала со вчерашней ночи, — промолвил Балу. — О Хати, видал ли ты когда-нибудь подобную засуху?

— Она пройдет... Все пройдет, — отвечал Хати, поливая свои бока и спину.

— Но среди нас есть тот, кто долго не выдержит! — продолжал Балу и бросил взгляд на мальчика, которого так любил.

— Я-то? — с негодованием спросил Маугли, садясь в воде. — У меня нет длинного меха, который прикрывал бы мои кости, но... если с тебя стянуть шкуру, Балу...

Хати так и передернуло, а Балу сурово проговорил:

— Человеческий Детеныш, как можешь ты так выражаться об Учителе Закона? Никто еще не видал меня без шкуры!

— Я не хотел обидеть тебя, Балу; я хотел только сказать, что ты как бы вроде кокоса в шелухе, а я — тот же кокос без шелухи; и вот если бы твою бурю шелуху... — Маугли сидел, скрестив ноги и подняв вверх, по обыкновению, указательный палец, когда Багира протянула свою мягкую лапу и окунула его в воду.

— Час от часу не легче! — проговорила Черная Пантера, когда Маугли, отфыркиваясь, поднялся из воды. — То с Балу надо снять шкуру, а то он у тебя кокосовый орех... Смотри, как бы он не сделал того, что делают спелые кокосовые орехи!

— А что именно? — спросил Маугли, на минуту забыв про осторожность.

— Как бы он не разбил тебе голову! — спокойно проговорила Багира, снова окуная Маугли.

— Нехорошо издеваться над учителем! — добавил медведь, когда Маугли окунулся в третий раз.

— Нехорошо? А чего вы ждали? Этот щенок бежит повсюду и потешается по-обезьяньи над теми, кто был некогда добрым охотником, а лучших из нас

для забавы таскает за усы! — Это говорил Шер-Хан, Хромой Тигр, приковылявший к воде. Он с минуту помолчал, любясь смятением, которое произвел среди оленей на противоположном берегу. Потом он опустил свою мохнатую квадратную голову в воду и стал лакать, ворча:

— Джунгли стали теперь площадкой для игр голых детенышей. Посмотри на меня, Человеческий Детеныш!

Маугли уставился на тигра так дерзко, как только смог, и через минуту Шер-Хан с неудовольствием отвел глаза.

— Человеческий Детеныш! Человеческий Щенок! — зарычал он, продолжая пить. — Он не человек и не щенок, иначе бы он испугался. Чего доброго, в следующий раз мне придется попросить позволения напиться. Огр!..

— И это может статься! — проговорила Багира, глядя ему пристально в глаза. — И это может случиться... Фи! Шер-Хан, что это еще за позор?

Хромой Тигр погрузил подбородок и щеки в воду, и по реке поплыли темные маслянистые полосы.

— Человек! — хладнокровно ответил Шер-Хан. — Я убил его час тому назад. — И он продолжал рычать и мурлыкать.

Линия зверей дрогнула и качнулась вправо и влево, и по ней побежал шепот, перешедший в крик: «Человек! Человек! Он умертвил Человека!» И все посмотрели на Хати, Дикого Слона, но тот, казалось, не слышал.

Хати никогда не проявляет себя, пока не настанет минута, — потому-то он и живет так долго.

— Разве теперь время убивать Человека? Разве не было другой дичи? — с презрением проговорила Багира, выходя из грязной воды, как кошка, отряхивая каждую лапу.

— Я убил не для еды, просто мне так захотелось.

Вновь послышался испуганный шепот, и маленькие зоркие глаза Хати устремились в сторону Шер-Хана.

— Захотелось! — протянул Шер-Хан. — А теперь я пришел напиться и почиститься. Может ли кто-нибудь запретить мне это?

Спина Багиры выгнулась, как бамбук на сильном ветру, но Хати поднял свой хобот и спокойно заговорил:

— Ты убил, потому что тебе захотелось? (А когда Хати спрашивает, лучше отвечать.)

— Да. Это было мое право и моя ночь. Ты знаешь, о Хати! — Шер-Хан говорил чуть ли не заискивающе.

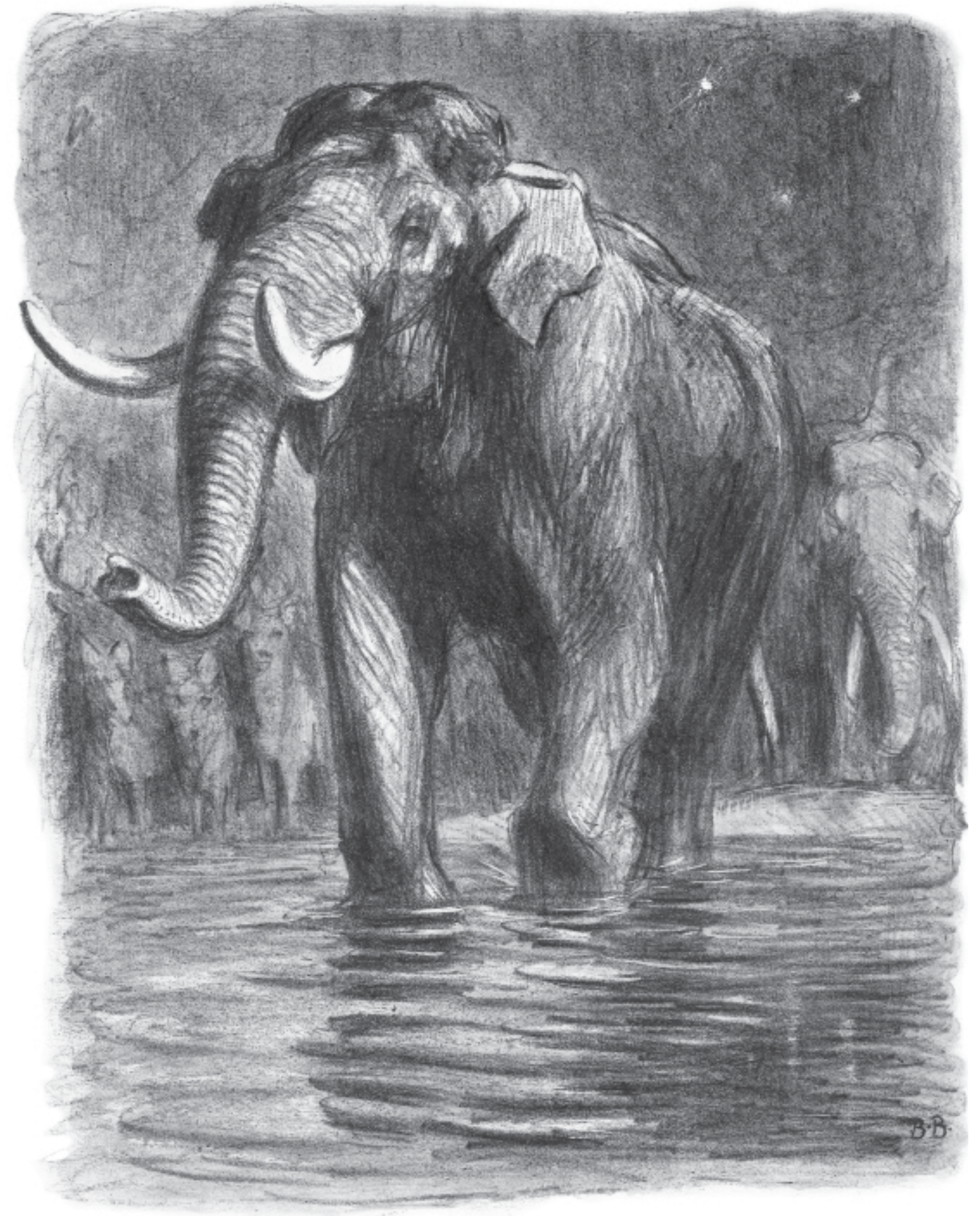
— Да, я знаю, — отвечал Хати и после недолгого молчания добавил: — Ты напился?

— На сегодня — да.

— В таком случае уходи. Река для того, чтобы пить из нее, а не для того, чтобы осквернять ее. Только Хромой Тигр способен хвастаться своим правом, когда... когда мы все страдаем — и Человек, и жители Джунглей равно... Чистый или не чистый, убирайся в свое логово, Шер-Хан!

Последние слова прогремели, как серебряная труба, и три сына Хати ступили на шаг вперед, хотя в этом не было надобности. Шер-Хан проворно убрался прочь, не смея даже ворчать, потому что знал, что Хати, в конце концов, Владыка Джунглей.

— О каком таком праве говорил Шер-Хан? — прошептал Маугли на ухо

Багире. — Убивать Человека — всегда позор, так говорит Закон; а Хати говорит...

— Спроси его сам; я не знаю, Маленький Брат. Имею я право или нет, но если бы Хати не сказал своего слова, я бы проучила этого хромого мясника! Являться к Скале Мира сразу же после убийства Человека, да еще хвастаться этим — на это способен только шакал! Он еще и воду осквернил!..

Маугли, помедлив минутку, собрался с духом — никто не дерзает обращаться к Хати непосредственно — и воскликнул:

— В чем право Шер-Хана, о Хати?

Слова его эхом отдались на обоих берегах, ибо все обитатели Джунглей необычайно любопытны, а теперь перед ними было нечто, чего не понимал, видимо, никто, кроме Балу, имевшего весьма задумчивый вид в эту минуту.

— Это древняя история, — отвечал Хати, — древнее самих Джунглей. Не шумите там, на берегах, и я поведаю ее вам!

С минуту-другую среди свиней и буйволов шли возня и споры, потом вожаки стад зафыркали один за другим:

— Мы ждем, о Хати!

И Хати двинулся вперед, пока не очутился почти по колени в воде у Скалы Мира. Исхудалый, морщинистый, с желтыми клыками, он все же казался тем, кого Джунгли привыкли в нем видеть, — их Владыкой.

— Вы знаете, дети, что больше всего на свете вы боитесь Человека. (Тут послышался испуганный ропот.)

— Сказка-то касается тебя, Маленький Брат! — обратилась Багира к Маугли.

— Меня? Я из числа Стаи, я охотник Свободного Племена, — ответил Маугли. — Какое мне дело до Человека?

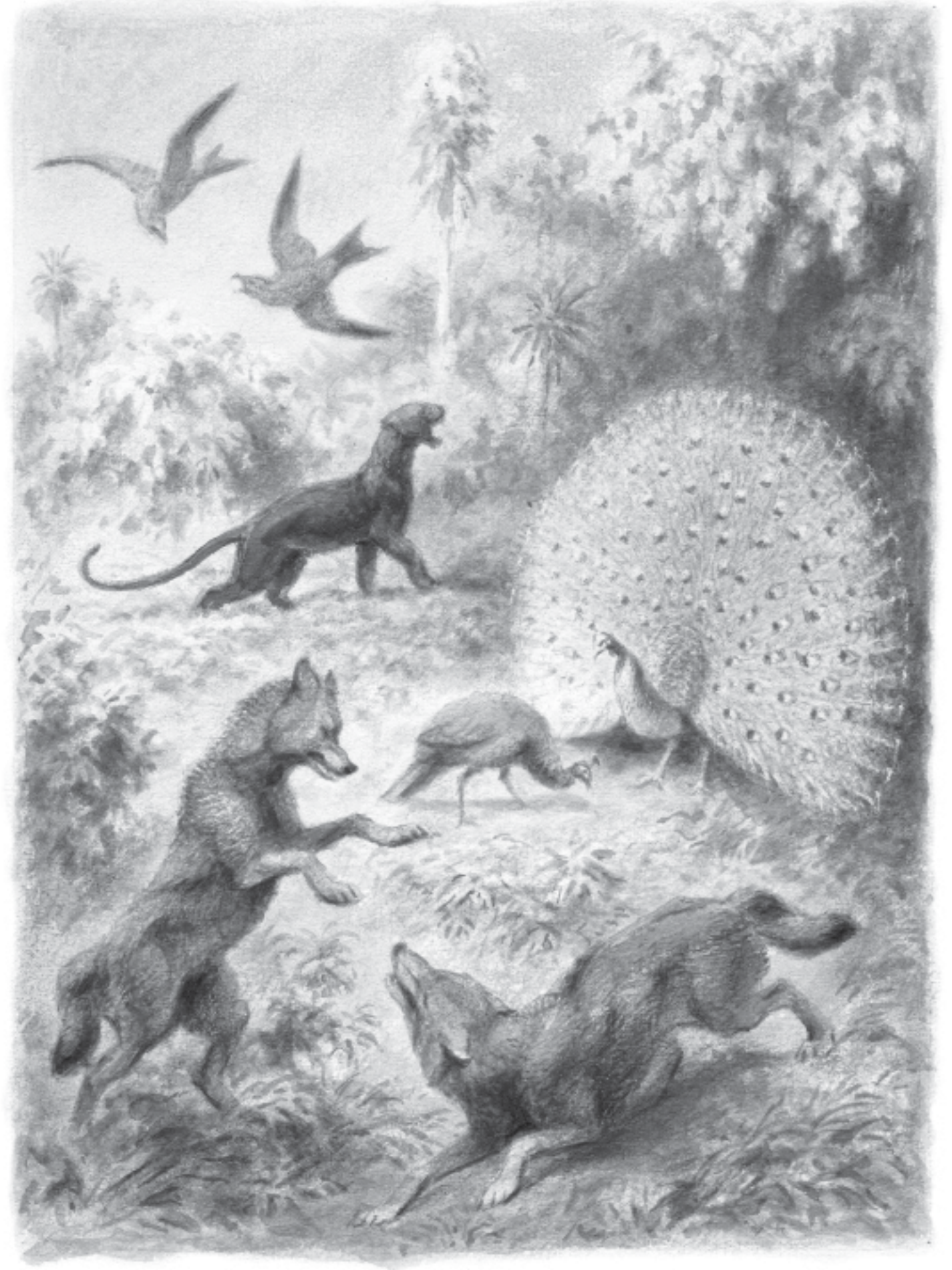
— Но вы не знаете, почему вы боитесь Человека, — продолжал Хати. — Вот почему: в начале Джунглей — а никто не знает, когда это было — мы все разгуливали вместе, не боясь друг друга. В те дни не было засухи; листья, цветы и плоды росли на деревьях одновременно, и мы питались только листьями и цветами, травой, плодами и корой.

— Как я рада, что не родилась в те времена, — заметила Багира. — Кора годится лишь на то, чтоб об нее точить когти!

— А владыкой Джунглей был Тха, Первый из Слонов. Он вытащил Джунгли из воды своим хоботом, и там, где он провел борозды в земле своими бивнями, побежали реки, а где он топал ногой, образовались чистые озера; когда он трубил в свой хобот — вот так! — вырастали деревья. Вот каким образом Тха создавал Джунгли; так и мне рассказывали.

— Сказка не отощала в пересказе, — шепнула Багира, и Маугли рассмеялся, прикрыв рот рукой.

— В те дни не существовало ни злаков, ни дынь, ни перца, ни сахарного тростника; не было тогда и маленьких хижин, которые вам всем знакомы; народы Джунглей ничего не знали о Человеке и жили в Джунглях как одно племя. Но вот они начали ссориться из-за пищи, хотя корма хватало для всех. Они обленились, каждому хотелось есть на том месте, где он лежал, — вроде того, как и мы это делаем, если весенние дожди были обильны. Так вот, у Тха, Первого из Слонов, было много дел: он создавал новые Джунгли и отводил реки в их русла. Он не мог одновременно находиться

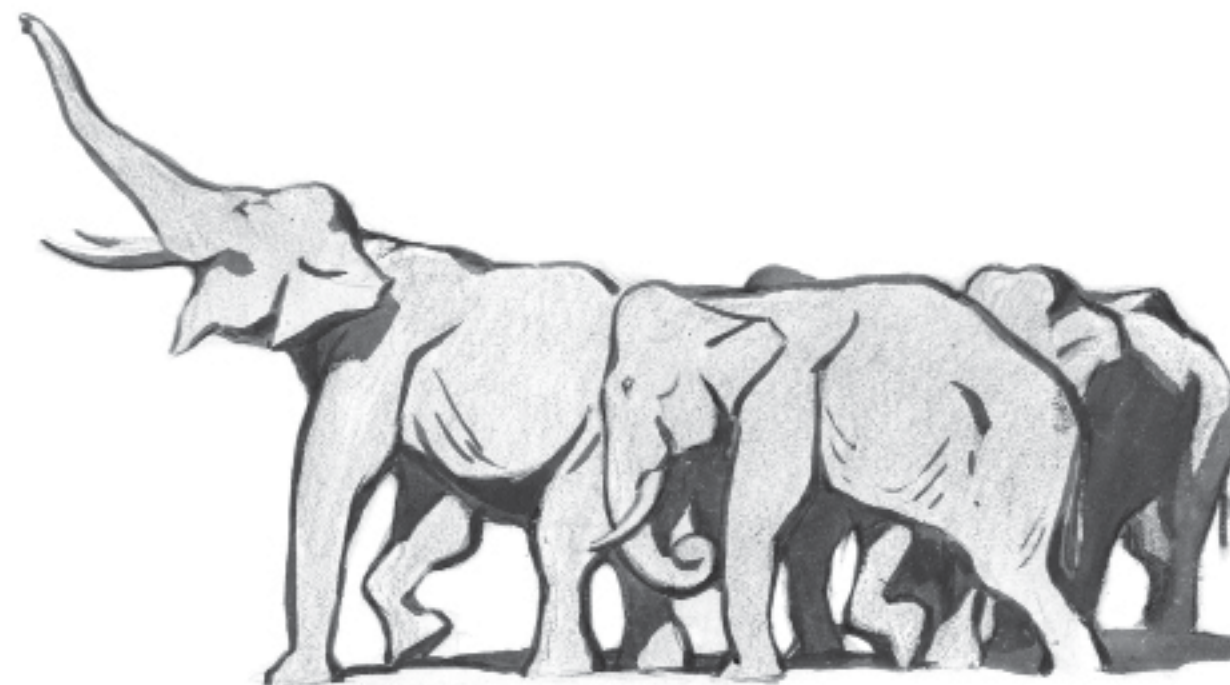
повсюду и поставил Владыкой и Судьей над Джунглями Первого из Тигров, к которому лесные жители должны были обращаться со своими спорами. В те дни Первый из Тигров питался плодами и травой наравне с прочими. Он был такой же большой, как я, и очень красив: весь желтый, как цветы желтой лианы! В те славные давние дни, когда Джунгли только родились, на его шкуре не было ни единой полоски, ни одного пятнышка. Жители Джунглей приходили к нему без страха, и его слово было законом для всех. Не забывайте, мы составляли тогда один народ.

Но вот в одну ночь произошла ссора между двумя оленями — обыкновенный спор за пастбище, вроде тех, которые вы разрешаете при помощи рогов и передних копыт. И говорят, что когда они пришли к Первому из Тигров, лежавшему среди цветов, то заговорили оба одновременно, а один из них толкнул его своим рогом. Первый из Тигров, забыв, что он — Владыка и Судья Джунглей, бросился на него и сломал ему шею.

До этой ночи никто из нас не умирал. Первый из Тигров, увидев, что натворил, и ошалеv от запаха крови, убежал в Болота Севера, а мы, оставшись без Судьи, начали драться между собой. Тха услышал этот шум и вернулся; одни из нас говорили одно, другие — другое; но он увидел мертвого оленя на цветах и спросил, кто убийца, а мы не могли сказать, ибо одурели от запаха крови, как дуреет от него и по сей час. Мы бегали и кружились, кричали и трясли головами. Тогда Тха повелел нижним ветвям деревьев и ползучим лианам Джунглей отметить убийцу оленя, дабы он мог узнать его. И сказал Тха: «Кто же теперь будет Владыкой над Джунглями?» В ответ на эти слова выскочила Серая Обезьяна, живущая на деревьях: «Я теперь буду Владыкой Джунглей». Засмеялся Тха, промолвил: «Да будет так!» И ушел в великом гневе.

Дети, вы знаете Серую Обезьяну. Она была тогда такой же, как теперь; сперва она скорчила умную рожу, но уже через минуту начала чесаться, скакать вверх и вниз по деревьям; и когда Тха вернулся, он увидел, что Серая Обезьяна висит вниз головой на суку и потешается над стоящими внизу, а те отвечают ей тем же. И не стало Закона в Джунглях — одна глупая болтовня и бессмысленные слова.

Тогда Тха созвал нас всех и промолвил: «Первый из ваших Владык принес в Джунгли Смерть, а второй — Позор. Настало время дать вам Закон, которо-

го бы вы не нарушали. Теперь вы познаете Страх; встретив его, вы поймете, что он — ваш Владыка; а прочее придет само собой». — «Что такое Страх?» — спросили мы. И Тха ответил: «Ищите, пока не найдете!» И вот мы пошли по Джунглям искать Страх, а буйволы...

— Брр! — проговорил Миза, вожак буйволов, со своей отмели.

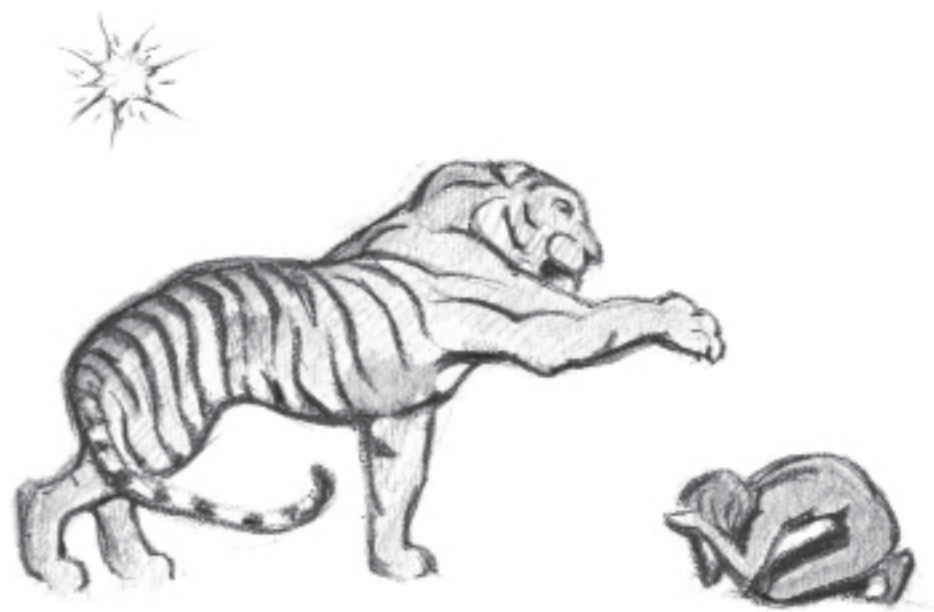
— Да, Миза, это были буйволы. Они принесли вестъ, что в пещере в Джунглях сидит Страх, что на нем нет волос и что он ходит на задних лапах. Мы пошли за стадом, пока не пришли к этой пещере, и у входа ее стоял Страх: он был безволосый, как и рассказывали буйволы, и ходил на задних лапах. Увидев нас, он закричал, и его голос вселил в нас ужас — такой же, каким наполняемся мы и сейчас, слыша его голос; и мы побежали прочь, топча и рняя друг друга, ибо мы ощущали страх. В эту ночь, мне так рассказывали, мы уже не лежали вместе, как раньше было у нас в обычае, а каждое племя держалось особняком: свиньи со свиньями, олени с оленями, рог к рогу, копыто к копыту, каждый к себе подобному, и так лежали мы в Джунглях, трясясь...

Только Первого из Тигров не было с нами; он все еще прятался в Болотах Севера; услышав о происшедшем, он сказал: «Я пойду к этому Страху и сломаю ему хребет!» Всю ночь бежал он к пещере, но деревья и лианы, помня приказ Тха, опускали ветки и метили его по дороге своими пальцами, кладя их на его спину, бока, лоб и щеки. Где они прикасались, там оставались пятна и полосы на его желтой шкуре. Эти полосы дети его носят и до сего дня. Когда он прибежал в пещеру, Страх, Безволосый, поднял руку и назвал его «Полосатый, который приходит ночью». Первый из Тигров в ужасе отступил и с воем побежал обратно в Болота.

Маугли, по самый подбородок залезший в воду, тихонько хихикнул.

— Он так громко выl, что его услышал Тха и спросил: «Что за горе у тебя?» И Первый из Тигров, подняв свою морду к молодому небу, которое теперь так старо, ответил: «Верни мне мою власть, Тха! Я опозорен перед всеми Джунглями, ибо я убежал от Безволосого и он назвал меня позорной кличкой». — «Почему?» — спросил Тха. «Потому что я вымазан болотной тиной», — ответил Первый из Тигров. «Ну так поплавай и покатайся по мокрой траве, и если это грязь, так она наверняка смоеется», — посоветовал Тха. И Первый из Тигров стал плавать, кататься, и катался он до тех пор, пока Джунгли

не завертелись перед его глазами; но ни одна полоска на его шкуре не изменилась, а Тха глядел на него и смеялся. И сказал Первый из Тигров: «Что я сделал? За что мне такая напасть?» Тха ответил: «Ты убил оленя, пустил Смерть в Джунгли, а со Смертью пришел Страх — жители Джунглей боятся друг друга, а ты боишься Безволосого».

И сказал Первый из Тигров: «Они не будут бояться меня, ибо я их знаю издавна». «Ступай и смотри!» — ответил Тха. И Первый из Тигров бегал по лесу, громко взывая к оленям и свиньям, к Самбгуру и Дикобразу и ко всем жителям Джунглей; но все убегали от того, кто раньше был их Судьей, ибо все боялись его. Вернулся Первый из Тигров; гордость его была сломлена, и он бился головой о землю, рвал ее своими лапами и кричал: «Вспомни, что я был некогда Владыкой Джунглей. Не забудь меня, о Тха! Пусть мои дети знают, что когда-то я не ведал Стыда и Страха!» И сказал Тха: «Я сделаю это, ибо мы вместе с тобою видели, как создавались Джунгли. Одна ночь в году будет такой, какая была в день убийства оленя, для тебя и для твоих детей. В эту единственную ночь, если ты встретишь Безволосого (а имя ему — Человек), не ты будешь бояться его, но он — тебя, словно бы ты был Судья Джунглей и Владыка. Будь к нему милосерден в эту ночь его страха, ведь ты познал, что такое Страх!»

И ответил Первый из Тигров: «Я доволен!» Но когда он в очередной раз пошел напиться к реке, увидел в отражении черные полосы на своем мехе и вспомнил обидную кличку, которую ему дал Безволосый, он пришел в ярость. Целый год он скрывался в Болотах, ожидая, что Тха исполнит свое обещание. Наконец в одну ночь, когда Лунный Шакал (вечерняя звезда) поднялся над Джунглями, он почувствовал, что пришла его ночь, и отправился к пещере Безволосого. И произошло так, как обещал Тха: тот пал перед ним ниц, и Первый из Тигров сломал ему хребет; он думал, что он один такой в Джунглях и что теперь Страх убит.

И когда он склонился, чтобы обнюхать свою жертву, то услышал, как из северных лесов спускается Тха, и раздался голос Первого из Слонов — вот такой же, как сейчас мы слышим...

По горам прокатился гром, но он не принес дождя, а лишь сухую вспышку молнии, и Хати продолжал:

— Вот этот голос услышал он, и сказал Тха: «Таково твое милосердие?» Но Первый из Тигров облизнулся и промолвил: «Что за беда? Я убил Страх!» И сказал ему Тха: «О слепой безумец! Ты развязал ноги Смерти, и теперь она будет ходить по твоим следам, пока ты не умрешь. Ты научил Человека

убивать». Первый из Тигров, стоя возле убитого, важно сказал: «Он теперь такой же, как тот олень. Теперь больше нет Страха! Теперь я снова буду судить народ Джунглей!» Тха ответил ему: «Никогда больше народ Джунглей не пойдет к тебе, никогда ваши пути не пересекутся более, никогда вы не ляжете спать рядом, никогда они не последуют за тобой, никогда не станет ни один из них пастись у твоего логова! Только Страх будет следовать за тобой и будет поражать тебя оружием, которого ты не сможешь увидеть, когда ему вздумается! Он сделает так, что земля будет разверзаться под твоими ногами, лианы будут обвиваться вокруг твоей шеи, древесные стволы будут выше, чем ты мог бы достать прыжком, — и в конце концов Безволосый снимет твою шкуру, чтобы укутывать ею своих детенышей в холод. Ты не был к нему милосерден, и он не окажет тебе милосердия».

Первый из Тигров был смел — ведь ночь его еще не закончилась. «Обещание Тха есть обещание Тха: он ведь не отнимет моей ночи?» — дерзко спросил он. И ответил Тха: «Ночь, как я сказал, твоя, но за нее нужно заплатить. Ты научил Человека убивать, а он способный ученик». — «Вот он, под моей ногой, и хребет его сломан!» — ответил Первый из Тигров. — Оповести Джунгли, что я убил Страх!»

Но Тха, засмеявшись, промолвил: «Ты убил лишь одного из них; но ты сам расскажи Джунглям, ибо твоя ночь кончилась!»

Наступил день, в устье пещеры показался другой Безволосый; он увидел мертвеца на тропинке и Первого из Тигров над ним, взял заостренную палку...

— Теперь они бросают такую режущую штуку... — сказал Саги, зашуршав иглами, спускаясь к берегу. Дело в том, что гонды считают дикобраза отменным лакомством (они зовут его Гу-Игу), — Саги был хорошо знаком острый гондский топорик, проносящийся в воздухе, как блестящая стрекоза.

— Это была остроконечная палка, какими утыкают волчьи ямы, — сказал Хати, — и он, бросив ее, поразил Первого из Тигров в бок. Первый из Тигров с воем побежал прочь и катался по Джунглям, пока не выдернул палки; все Джунгли узнали, что Безволосый умеет разить издали, и стали бояться его пуще прежнего. Вот как Первый из Тигров научил Безволосого убивать наше племя! Убивать с помощью западни и капкана, копья и ловушки, с помощью жалящей мухи, вылетающей вместе с дымом (Хати имел в виду ружье), и с помощью Красного Цветка, который выгоняет нас на открытое пространство. Но одну ночь в году Безволосый боится Тигра, по обещанию Тха, и тигр убивает его, где застанет, помня, как Первый из Тигров был опозорен; в остальное время Страх свободно ходит по Джунглям днем и ночью.

— Аги! Ау! — сказали олени, вспомнив, чем это грозит им.

— И только когда над всеми царит один великий Страх, можем мы, жители Джунглей, откинуть наши маленькие страхи и сходиться в одном месте, как это делаем сейчас.

— Только одну ночь боится Человек Тигра? — спросил Маугли.

— Только одну ночь, — ответил Хати.

— Но ведь я... но ведь мы... мы все знаем, что Шер-Хан убивает Человека дважды и трижды в месяц!

— Это так; но тогда он прыгает сзади и, нападая, отворачивает голову; ибо он полон Страхом. Взгляни на него Человек в эту минуту, он бы убежал. А в свою ночь он свободно бродит по деревне, расхаживает между домами, просовывает голову в дверь, и люди падают ниц, и он убивает — только одного в эту единственную ночь.

— Теперь я понимаю, почему Шер-Хан просил меня взглянуть на него! — проворчал Маугли. — Ему не поздоровилось, ибо он не выдержал моего взгляда; а уж я-то не пал перед ним ниц. Но я ведь и не Человек — я сын Свободного Племена!

— Гм... — сказала Багира. — А Тигр знает свою ночь?

— Не знает до тех пор, пока Лунный Шакал не взойдет в вечернем тумане. Иногда она приходится на засушливое лето, иногда же на период дождей — это единственная ночь Тигра. Если бы не Первый из Тигров, этого бы никогда не случилось, и никто из нас не ведал бы Страхом.

Олени с сожалением вздохнули; морда Багиры искривилась злой усмешкой.

— А люди знают эту... сказку? — спросила она.

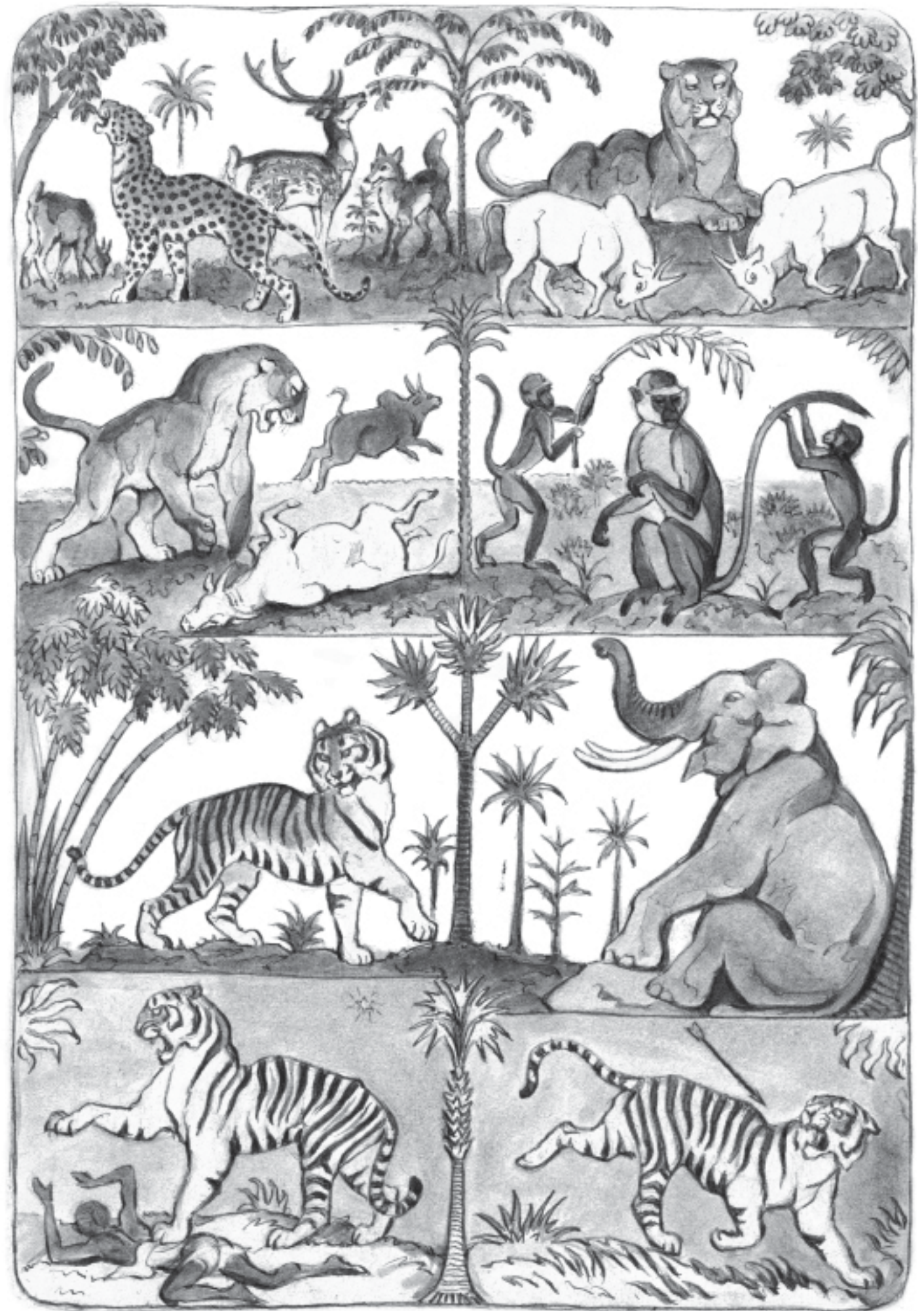
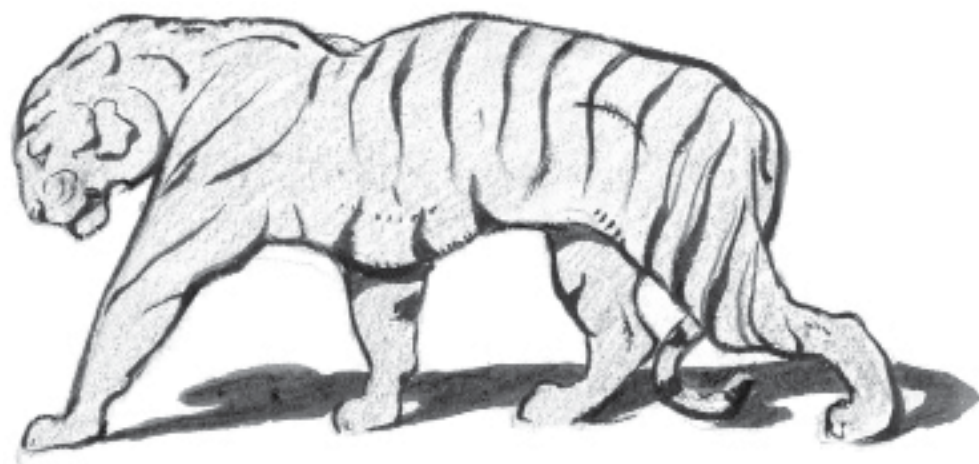
— Никто не знает, кроме Тигра и нас, слонов, потомков Тха. А теперь и вы узнали. Я кончил! — И Хати погрузил хобот в воду в знак того, что не желает больше говорить.

— Но... но почему же Первый из Тигров не продолжал питаться травой и листьями? — обратился Маугли к Балу. — Ведь он только сломал шею оленю, он не ел его. Что побудило его есть свежее мясо?

— Деревья и лианы отметили его, Маленький Брат, и сделали его полосатым. С той поры он не мог уже есть их плодов и с того дня начал мстить оленям и другим травоядным, — ответил Балу.

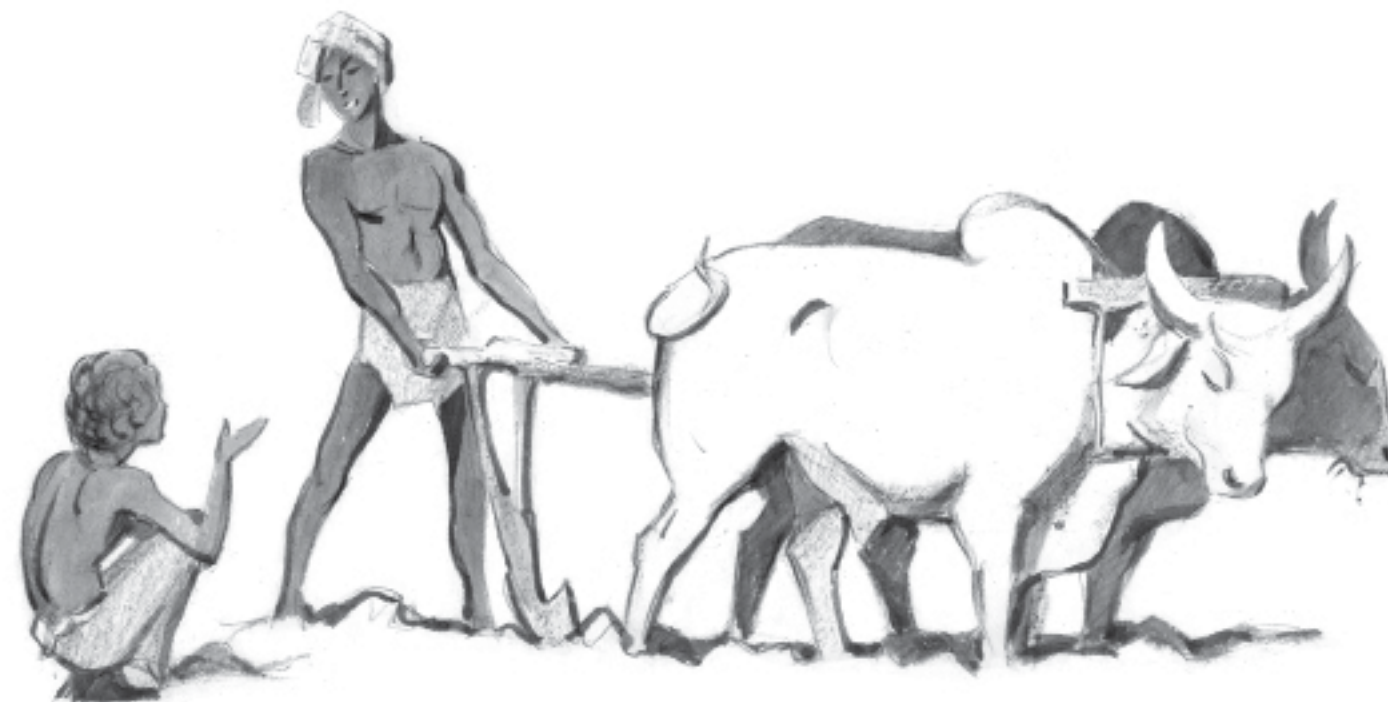
— Стало быть, ты знал эту сказку? Почему же я никогда не слышал о ней?

— Потому что Джунгли полны таких преданий. Если б я начал их рассказывать, им не было бы конца! Да перестанешь ты теребить мое ухо?..

Джунглей Заветы вечны, нетленны, точно небесная твердь.
 Благо законопослушному Волку, доля послушника — Смерть.
 Словно лиана, обвившая древо, все обвивает Закон.
 В Волке едином — могущество Стаи, вкупе со Стаей всесилен и он.
 Тело купай ежедневно; пей вволю — не с самого дна.
 Памятуй: ночь для охоты, а день предназначен для сна.
 Тигра нахлебник — Шакал; ты же, Волчонок в усах,
 Волка добычи не трогай, действуй за собственный страх.
 Ладь с Властелинами Джунглей — Пантера ль, Медведь или Тигр —
 И не смущай ни безмолвия Хати, ни шумных кабаньих игр.
 Стая ль столкнется со Стаей на узенькой тропке лесной —
 Пока вожак не столкнутся, смирно в сторонке постой.
 С Волком из Стаи сражаться уйди в тишину полей;
 Меньше раздоров и свары — будет и Стая целей!
 Логово Волка — твердыня; нет входа в него никому:
 Ни членам Совета, ни тигру, ни Вожаку самому!
 Если разишь до полудня — криками лес не буди,
 Ланей не спугивай робких: братья разят впереди!
 Бей для себя, и для маток, и для голодных щенят;
 Но не убий для забавы, а Человека — стократ!
 Добычу взяв у слабейшего — дочиста сам не съедай.
 Помни, к убогому — жалость: шкуру и череп отдай!
 Добыча Стаи — для Стаи; ты волен на месте поесть.
 Но смертная казнь нечестивцу, кто кроху посмеет унести!
 Добыча Волка — для Волка; над нею лишь он властелин.
 Без разрешения Волка из Стаи не ест ни один.
 Право Щенка-одногодка — досыта зоб набивать
 Добычей Стаи, и Стая не смеет ему отказать.
 Право Берлоги — Матери: у всех однолотов своих
 С туши четверть взимает она для прокорма щенков молодых.
 Право Пещеры — Отцу; он, умом промышляя своим,
 Стаи не слушает зова и только Советом судим
 За возраст, за ум и зубастую, с крепкими мышцами пасть.
 В том, что Закон не предвидел, Вожаку разобраться под стать.
 Вот они, Джунглей Законы, запомни и знай почему:
 Помни, что корень и сердце Закона в одном — Повинуйся Ему!

«Тигр-тигр»

- Как поохотился, брат-зверолов?
- Братец, бесславен и долог был лов.
- Где же добыча могучих когтей?
- Братец, скрывается в чаще своей.
- Где ж твоя сила и гордая власть?
- Немоощна, братец, беззубая пасть.
- Время ли, время ль теперь отдыхать?
- Братец, в берлогу иду умирать...

А теперь вернемся немного назад. Оставив Волчью Пещеру после ссоры со Стаей на Скале Совета, Маугли отправился на распаханые поля к людям. Он не хотел останавливаться слишком близко к Джунглям, потому что знал: у него остался по меньшей мере один непримиримый враг в Совете. Он спешил вперед по неровной дороге, петлявшей по дну долины, и пробежал не менее двадцати миль без остановки, пока не оказался в незнакомых местах. Долина переходила в широкую равнину, усеянную скалами и изрезанную оврагами. На одном конце ее стояла деревушка, а на другом темнели Джунгли, подступая дугой к пастбищам, где обрывались, словно отсеченные мотыгой. По всей равнине паслись коровы и буйволы; когда мальчики, присматривавшие за стадами, увидели Маугли, они с криком бросились прочь, а желтые бродячие собаки, шатающиеся около каждой индийской деревни, подняли лай. Маугли все шел вперед: он был голоден и когда пришел к околице, то увидел, что колючая изгородь, запирающая околицу на ночь, отодвинута в сторону.

— Уф! — вырвалось у него; в ночных поисках пищи ему случалось встречать и не такое ограждение. — Значит, и здесь люди боятся племени Джунглей!

Он сел у калитки, а когда вышел человек, вскочил на ноги, раскрыл рот и ткнул туда пальцем в знак того, что голоден. Человек выпучил глаза и бросился бежать по улице к жрецу — толстому мужчине в белом одеянии,

с красными и желтыми полосами на лбу. Жрец пришел к околице, за ним притащилась по меньшей мере сотня человек; они галдели, кричали, глаза на Маугли и тыча в него пальцами.

— Они совсем не умеют себя вести, эти люди! — сказал про себя Маугли — Только Серая Обезьяна могла бы себя так держать! — И он откинул назад свои длинные волосы и нахмурился.

— Кого тут бояться? — проговорил жрец. — Посмотрите на его руки и ноги — на них следы волчьих укусов. Ведь это волчий ребенок, убежавший из Джунглей!

Конечно, играя с Маугли, волчата нередко щипали его довольно сильно, и его руки и ноги были сплошь покрыты белыми рубцами; но Маугли никогда не назвал бы эти щипки укусами: он знал, что такое настоящие укусы.

— Арре, арре, — ах! ах! — проговорили две-три женщины. — Бедное дитя, как оно искусано волками! А ведь он красивый мальчик: глаза у него как угольки! Право, Мессуа, он похож на мальчика, которого унес у тебя тигр!

— Давайте посмотрим, — промолвила женщина с тяжелыми медными кольцами на запястьях рук и лодыжках ног. Приставив ладонь ко лбу, она пристально поглядела на Маугли. — Нет, это не он: он худее телом. Но глаза у него точь-в-точь как у моего мальчика!..

Жрец был умный человек и знал, что муж Мессуи самый богатый человек в деревне. С минуту он глядел на небо и наконец торжественно произнес:

— Джунгли взяли, Джунгли дали! Возьми мальчика в свой дом, о сестра, и не забудь почтить жреца, насквозь видящего жизнь человеческую!..

— Клянусь быком, выкупившим меня, — сказал про себя Маугли, — вся

эта болтовня сильно напоминает то, как меня осматривала Стая. Что ж, если я — человек, так я должен им стать!

Толпа разбрелась, а женщина поманила за собою Маугли в хижину, где стояли красная лакированная кровать, огромный глиняный короб для зерна с забавными рисунками, с полдюжины медных кастрюль, изображение индийского божка в маленькой нише, а на стене висело настоящее зеркало, какие продаются на деревенских ярмарках за восемь грошей.

Она дала ему изрядную порцию молока и немного хлеба, затем положила руку на его голову и заглянула в глаза; ей все казалось, что это, может быть, сын вернулся к ней из Джунглей, куда его унес тигр, и она проговорила: «Нату, о Нату!» Но ничто не говорило о том, что это имя было знакомо Маугли.

— Помнишь ли ты тот день, когда я подарила тебе новые башмаки?

Она коснулась его подошвы; но кожа была тверда как рог.

— Нет, — печально промолвила она, — эти ноги никогда не носили башмаков. Но ты очень похож на моего Нату и будешь моим сыном!..

Маугли было не по себе: он никогда еще не находился под крышей; впрочем, подняв глаза вверх, он убедился, что ее легко разобрать в любое время; да и окна не имели запоров.

— Стоит ли быть человеком, — сказал он себе наконец, — когда не понимаешь речи людской? Теперь я так же глуп и нем, как и человек, когда он попадает в Джунгли. Надо во что бы то ни стало выучиться говорить на их языке!

Маугли недаром, живя с волками, учился подражать крику оленей в Джунглях и хрюканью поросят; как только Мессуа произносила какое-нибудь слово, Маугли правильно повторял его и до наступления ночи уже знал названия многих предметов в хижине. Маленькое недоразумение вышло, когда настало время сна; Маугли ни за что не хотел лечь в какой-то западне для пантер — так он называл про себя хижину, — и когда заперли дверь, он вылез через окно.

— Пусть делает как хочет, — сказал муж Мессуи. — Подумай, ведь он, может быть, никогда не спал в постели! Если он действительно послан нам вместо сына, то и так не убежит!

А Маугли растянулся в высокой чистой траве у края поля; но не успел он закрыть глаза, как мягкая серая морда толкнула его в подбородок.

— Фу! — проговорил Серый Брат: это был старший из щенков Матери Волчицы. — Плохая награда за то, что я бежал за тобой двадцать миль: ты пахнешь дымом и домашним скотом, совершенно как человек. Прочнись, братец, я принес новости!

— Все ли здоровы в Джунглях? — спросил Маугли, обнимая Серого Брата.

— Все, кроме волков, обожженных Красным Цветком. Ну, слушай же: Шер-Хан отправился охотиться далеко отсюда, пока у него не отрастет шерсть. Он сильно обжегся! Он поклялся, что по возвращении бросит твои кости в Вайнгунгу!

— Ну, это еще неизвестно! Я тоже дал кое-какое обещание. Но слышать новости всегда приятно. Я устал нынче, страшно устал от всех этих неожиданных происшествий, Серый Брат! Но ты всегда приноси мне вести!

— Ты не забудешь, что ты — волк? Люди не заставят тебя забыть это? — тревожно спрашивал Серый Брат.

— Никогда! Я всегда буду помнить, что любил тебя и всех, кто живет в нашей Пещере; но я не забуду и того, что Стая меня выгнала!..

— ... и так же тебя может выгнать другая Стая. Люди не более чем люди, Маленький Брат, а человеческий язык — что кваканье лягушек! В следующий раз я буду тебя ждать в бамбуках, на краю пастбищ!

В течение трех месяцев, последовавших за этой ночью, Маугли почти не выходил за деревенскую околицу — так он был занят изучением нравов и обычаев людей. Прежде всего ему пришлось надеть на себя ткань, которая очень его стесняла; затем ему пришлось познакомиться с деньгами,

смысла которых он никак не мог понять, и, наконец, с пахотой поля, в которой он также не видел толку. Вдобавок деревенские ребята сильно его раздражали. К счастью, Закон Джунглей научил его сдерживать гнев: ведь в Джунглях пропитание и сама жизнь зависят исключительно от умения сдерживаться. Но когда они начинали издеваться над ним за нежелание играть с ними или запускать змея либо смеялись из-за того, что он неправильно произносил то или иное слово, — в эти минуты только сознание того, что было бы «не по-охотничьи» избить маленького, беззащитного детеныша, удерживало его от желания схватить дерзкого и разорвать пополам. Он сам не знал своей силы. В Джунглях он понимал, что звери сильнее его; в деревне же говорили, что он силен как бык.

Понятно, он не имел ни малейшего представления о том, что значит страх. Когда деревенский жрец объявил ему, что храмовый бог разгневался, если он не перестанет поедать манговые плоды, принадлежащие жрецу, Маугли схватил фигурку божка, принес ее к жрецу в дом и попросил разозлить божка: он, Маугли, с ним подерется! Это был страшный скандал, но жрец замял его, и мужу Мессуи пришлось заплатить немало полноценного серебра для «умилостивления божка».

Точно так же Маугли не имел ни малейшего представления о различиях, которые каста проводит между людьми. Когда ослу горшечника случилось свалиться в яму, Маугли вытащил его за хвост, а потом помог хозяину уложить горшки, которые надо было отправить на рынок в Канхивару. Это был настоящий скандал! Гончары принадлежат к низшей касте, а уж про их осла и говорить нечего. А когда жрец выбралил Маугли, мальчик пригрозил

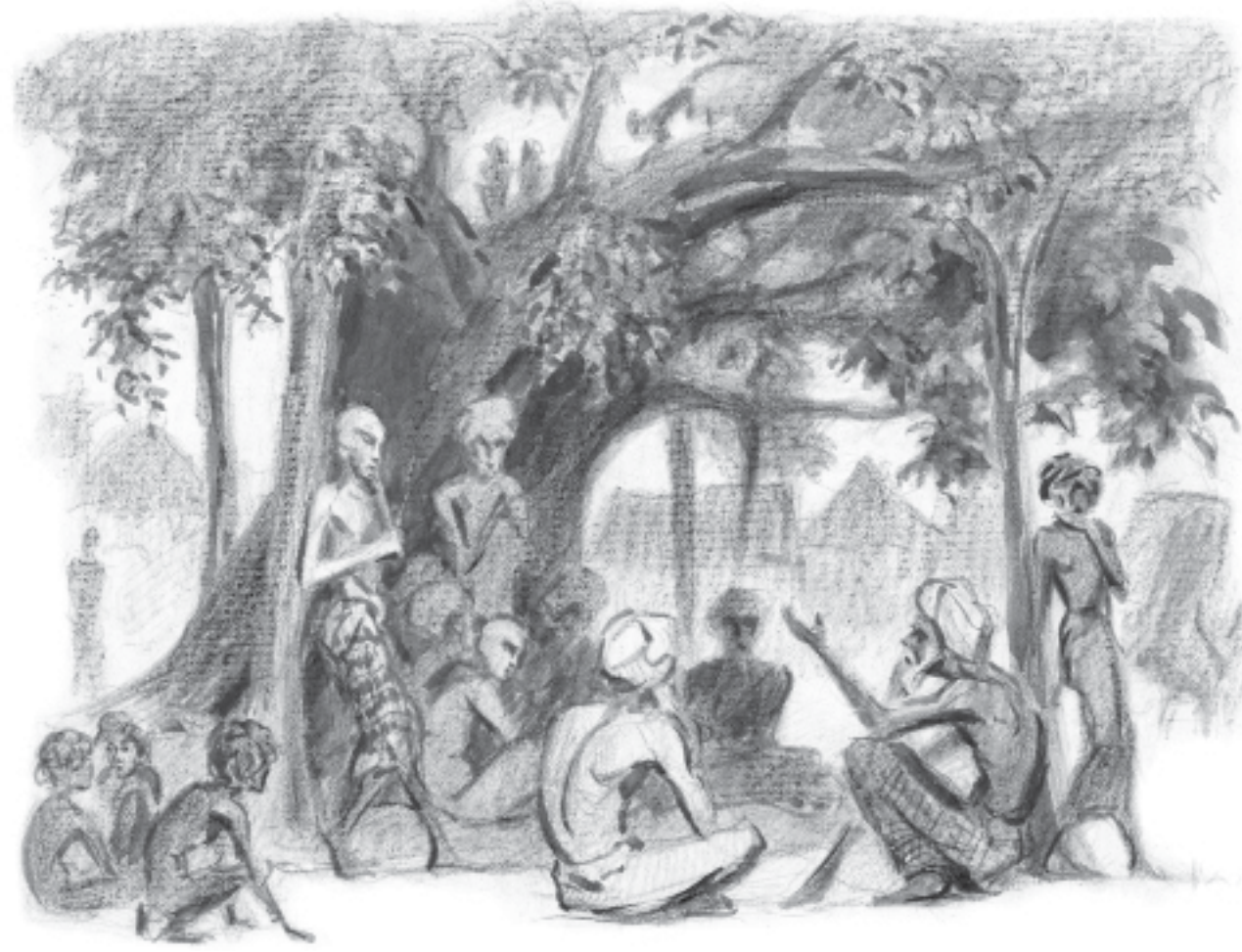
посадить и его на осла! Жрец посоветовал мужу Мессуи как можно скорей приспособить Маугли к какой-нибудь работе; и вскоре деревенский староста объявил мальчику, что с завтрашнего дня он начнет выгонять буйволов и смотреть за ними на пастбище.

Маугли был в восторге; и в первую же ночь в качестве законного работника деревни он присоединился к кружку, каждый вечер собиравшемуся на каменной террасе под огромным фиговым деревом. Это был деревенский клуб: староста, сторож, брадобрей, знавший все деревенские сплетни, а также старый Бульдео, деревенский охотник, обладавший старинным английским мушкетом, встречались здесь и курили свои трубки. На верхних сучьях сидели обезьяны и неумолчно трещали, а внизу под террасой была яма, в которой жила кобра. Ее почитали священной и каждый вечер приносили ей блюдо молока.

Старики усаживались вокруг дерева, беседовали и попыхивали своими хукасами (кальянами) до глубокой ночи.

Они рассказывали друг другу удивительные истории о приключениях богов, людей и духов; а еще более удивительные вещи рассказывал Бульдео о нравах зверей Джунглей — рассказывал до тех пор, пока у ребятишек, сидевших вне круга, от страха глаза не начинали лезть на лоб. Героями большинства этих рассказов были животные, так как Джунгли находились тут же, под боком. Олени и дикие кабаны портили посевы, и время от времени тигр уносил в сумерках человека на виду у всей деревни.

Маугли, хорошо знавшему Джунгли, нередко приходилось закрывать себе лицо, чтобы скрыть смех; а Бульдео, положив свой знаменитый мушкет на колени, плел небылицы одну за другой, заставляя Маугли трястись от еле сдерживаемого хохота.

В этот вечер Бульдео объявил, что тигр, утащивший сына Мессуи, был оборотень, что в теле его сидит дух злого старого ростовщика, скончавшегося за несколько лет перед этим.

— Я уверен, что это так, — говорил он. — Ведь ростовщик Пурун-Дас хромал с той поры, как получил удар во время свалки, когда жгли его конторские книги. А тигр, о котором я говорю, тоже хромает — он оставляет неровные следы!

— Так, так, это правда! — говорили старики, покачивая седыми бородами.

— Неужели и все его рассказы такая же пустая болтовня и выдумки? — проговорил Маугли. — Этот тигр хромает просто потому, что он родился хромым, — кто же этого не знает! Говорить о душе ростовщика в звере, никогда не имевшем даже мужества шакала, может только ребенок!

Бульдео от изумления раскрыл рот, а староста выпучил глаза.

— Ого! Это говорит негодник из Джунглей? — промолвил Бульдео. — Если ты такой умный, то отнес бы его шкуру в Канхивару. Ведь правительство назначило сто рупий за его жизнь! А самое лучшее — молчал бы, когда говорят старшие!

Маугли поднялся, собираясь уходить.

— Весь вечер я лежал здесь и слушал, — бросил он через плечо, — и только раз или два Бульдео сказал правду о Джунглях, находящихся перед самым вашим носом. Как же мне верить сказкам о духах, богах и домовых, которых он будто бы видел?

— Ну, пора, мальчик, отправляться в ночное! — объявил староста; Бульдео пыхтел и фыркал, вне себя от дерзости Маугли.

В большинстве индийских деревень мальчики на рассвете выгоняют мелкий скот и буйволов на пастбища, а к вечеру пригоняют их обратно.

Тот самый буйвол, который может затоптать белого человека до смерти, позволяет мальчишкам, едва доросшим ему до носа, кричать на него, дразнить и бить хвостинами. Пока пастушок держится около стада, он находится в безопасности: даже тигр не осмеливается нападать на стадо; но стоит мальчику отвлечься на цветок или ящерицу и отстать, как его легко может унести тигр. На рассвете Маугли ехал по деревенской улице верхом на спине Рамы, огромного буйвола-вожака; черные буйволы с длинными, загнутыми назад рогами и диким взглядом один за другим поднимались в своих хлевах и шли за ним, и Маугли очень ясно дал понять другим мальчишкам, что хозяином буйволов будет он и никто другой. Он колотил буйволов длинной полированной бамбуковой хворостиной и сказал Камье, одному из мальчиков, что сам он отправится с буйволами дальше, а они пусть пасут мелкий скот и стараются не отбиться от стада.

Индийское пастбище состоит сплошь из скал, кустарников, обросших травой кочек и мелких оврагов, среди которых стадо разбредается и исчезает из виду. Буйволы обыкновенно жмутся к лужам и болотцам, где и лежат целыми часами, греясь в теплом иле. Маугли погнал их к краю равнины, где Вайнгунга выбегает из Джунглей. Тут он соскочил с шеи Рамы, побежал к бамбуковой заросли и нашел там Серого Брата.

— Ну наконец, — проговорил Серый Брат, — уже не первый день я жду тебя! А зачем ты возишься со скотиной?

— Ничего не поделаешь — приказ! — ответил Маугли. — Я теперь деревенский пастух. Что слышно о Шер-Хане?

— Он вернулся сюда и давно уже поджидает тебя. Теперь он опять ушел, не найдя здесь достаточно добычи; но он намерен во что бы то ни стало убить тебя.

— Отлично, — проговорил Маугли, — пока его нет, ты или кто-нибудь из четырех Братьев сидите на этой скале, чтобы я мог видеть вас, выходя

из деревни; а когда он вернется, ждите меня в овраге, возле дакового дерева, что растет посреди равнины. Не надо попадаться Шер-Хану прямо в зубы!

Маугли выбрал тенистое местечко, улегся и спал все время, пока буйволы паслись вокруг него. В Индии пасти скот — самое ленивое занятие. Буйволы бродят, похрустывая травой на зубах, ложатся, опять встают и даже не мычат, а только фыркают. Буйволы редко говорят о чем-нибудь — забираются один за другим в илистые лужи и зарываются в грязь так глубоко, что на поверхности виднеются только их носы и выпуклые черносиние глаза. Так они и лежат, неподвижные, как бревна. Скалы пляшут в жарком мареве, до пастушков доносится посвистывание коршуна (всегда лишь одного!), высоко-высоко парящего над головой, — они знают, что если кто-нибудь из них умрет или подохнет корова, то этот коршун спустится вниз, ближайший к нему коршун за много-много миль также прилетит и спустится, за ним следующий... и не успеет животное умереть, как над ним неведомо откуда появятся два десятка коршунов! Пастушки спят и опять просыпаются, снова засыпают, плетут из сухой травы корзиночки и сажают в них кузнечиков; а не то поймают двух богомолков и заставят их драться; мастерят ожерелья из красных и черных ягод либо наблюдают ящериц, играющих на скале, или змею, охотящуюся за лягушками возле пруда. То они поют длинные-длинные песни с причудливыми трелями в конце — и день кажется им длиннее целой жизни большинства людей; то они строят замки из ила с глиняными фигурами людей, лошадей и буйволов, вкладывают тростинки в руки людей и воображают, что сами они — цари, а фигурки — их армии или божи, которым надо поклоняться. Так наступает вечер; дети поднимают крик, буйволы вырываются из липкой грязи с треском, подобным пушечному выстрелу, и гуськом бредут по серой равнине к мерцающим огням деревни.

День за днем Маугли водил буйволов к их излюбленным местам, и день за днем он видел спину Серого Брата в полутора милях за равниной (это значило, что Шер-Хан еще не вернулся); день за днем он лежал в траве, прислушиваясь к шорохам вокруг и грезя о былом житье в Джунглях. Сделай Шер-Хан один неверный шаг своей хромой лапой в Джунглях

около Вайнгунги — Маугли наверняка услышал бы его в тишине долгого утра. Но наконец наступил день, когда он не увидел Серого Брата на условленном месте. Он усмехнулся и погнал буйволов к оврагу близ дакового дерева, сплошь усеянного в эту пору золотисто-красными цветами. Здесь сидел Серый Брат, ошетилив спину до последнего волоска.

— Он скрывался целый месяц, чтобы усыпить твою бдительность. Он пересек холмы прошлой ночью вместе с Табаки и зорко следит за тобой, — запыхавшись, проговорил волк.

Маугли нахмурился:

— Я не боюсь Шер-Хана, но Табаки — хитрая бестия.

— Не бойся, — проговорил Серый Брат, облизывая морду. — Я встретил Табаки на рассвете. Теперь он сообщает свои новости коршунам; но мне он рассказал все, перед тем как я перешиб ему хребет. Шер-Хан намерен поджидать тебя у деревенской околицы в этот вечер — именно тебя и больше никого! Теперь он залег в большом высохшем русле Вайнгунги.

— Что, он уже ел сегодня — или охотится натошак? — проговорил Маугли. От ответа зависела его жизнь и смерть.

— На рассвете он зарезал поросенка, а после еще и напился всласть. Знай, Шер-Хан никогда не постится, хотя бы предстояла месть!

— О дурак, дурак, щенок из щенков! Ел и пил и думает, что я стану ждать, пока он выпится! Но где же именно он лежит? Будь нас хоть десяток, мы могли бы загрызть его на месте! Но эти буйволы не нападут, пока не почуют его, а я не понимаю их языка. Нельзя ли как-нибудь зайти на его след, чтобы они его почуяли?

— Он переплыл Вайнгунгу ниже, чтобы замести след, — ответил Серый Брат.

— Наверняка это ему подсказал Табаки. Сам бы он никогда не додумался! — Маугли стоял в глубоком размышлении, положив палец в рот. — В большом овраге Вайнгунги... Он выходит на равнину почти за полторы мили отсюда — я могу погнать стадо вокруг, через Джунгли, над оврагом,

и затем спуститься; но он улизнет другим ходом. Надо загородить и этот конец. Серый Брат, ты сможешь разделить для меня стадо надвое?

— Я-то нет, но я привел с собою кой-кого поумнее! — Серый Брат отбежал и юркнул в какую-то яму; из нее высунулась огромная серая голова, хорошо знакомая Маугли, и горячий воздух огласился самым унылым криком Джунглей — охотничьим кличем волка в час полудня.

— Акела, Акела! — и Маугли захлопал в ладоши. — Мне следовало бы знать, что ты не забудешь меня! Нам предстоит серьезное дело! Раздели стадо пополам, Акела: коровы и телята пусть будут отдельно, а быки и рабочие буйволы пусть будут в другой стороне!

Волки змейкой пробежали по стаду и выбежали вон. Животные захрипели, вскинули головы и разделились на две кучи. В одной очутились буйволицы с телятами в центре; они сверкали глазами и взрывали землю копытами, готовые броситься на волка, как только он остановится, и растоптать его до смерти. В другой куче храпели быки и молодые бычки; и хотя вид у них был более внушительный, они представляли гораздо меньшую опасность, так как им не приходилось защищать телят. Даже шесть пастухов не сумели бы разделить стадо так ловко.

— Что дальше? — хрипел Акела. — Они опять соединятся!

Маугли вскочил на спину Рамы.

— Гони буйволов, Акела, налево, а ты, Серый Брат, когда мы побежим, собери вместе коров и погони их к концу оврага!

— И далеко их гнать? — спрашивал Серый Брат, задыхаясь и щелкая зубами.

— Гони до тех пор, пока бока оврага станут настолько высокими, чтобы Шер-Хан не мог из него выскочить! — кричал Маугли. — Удерживай стадо там, пока мы не прибежим сверху!

Быки метнулись прочь, как только Акела завыл, а Серый Брат стал перед коровами. Они бросились на него, а он бежал перед ними к основанию оврага, между тем как Акела гнал быков влево.

— Отлично сделано! Еще один наскок — и они совсем обезумеют! Осторожней, осторожней, Акела! Один лишний звук — и быки нападут на тебя. Ага, ага! Это будет потруднее, чем гнать оленей! Думал ли ты, что эти твари умеют так быстро двигаться? — кричал Маугли.

— В мое время... в мое время я и за такими охотился! — кричал Акела, исчезая в пыли. — Гнать ли их в Джунгли?

— Да, гони! Заворачивай! Рама совсем взбесился... О, если б я только мог сказать ему, что мне от него сейчас нужно!

Быки завернули на этот раз вправо и с шумом бросились в чашу. Мальчишки-пастушки, присматривавшие за скотом на полмили дальше, спешили к деревне во все лопатки, крича, что буйволы взбесились и убежали. Между тем план Маугли был довольно прост: ему нужно было только сделать большой круг поверху и добраться до верха оврага, а затем пустить быков вниз, чтобы Шер-Хан оказался между быками и коровами. Он отлично знал, что Шер-Хан после сытной еды и обильного питья не сможет ни драться, ни карабкаться на склоны оврага. Теперь он успокаивал буйволов голосом; а Акела бежал далеко позади, повизгивая время от времени, чтобы подогнать отставших. Круг пришлось сделать очень большой, так как Маугли не хотел слишком приближаться к оврагу и всполошить Шер-Хана. Наконец, достигнув верха оврага, Маугли загнал обезумевшее стадо в густую траву лужайки, круто обрывававшейся в самый овраг. С этой высоты открывался вид на вершины деревьев и далее, вплоть до равнины внизу. Маугли глядел на склоны оврага и с большим удовлетворением видел, что они поднимаются почти отвесно, а вьющиеся растения и лозы, свесившиеся над оврагом, не смогут дать опоры тигру, если он захочет по ним взобраться наверх.

— Дай им отдышаться, Акела! — проговорил Маугли, подняв руку. — Они его еще не учуяли — пусть передохнут. Я сам скажу Шер-Хану, что он попался в ловушку!

Он приложил руки ко рту и крикнул в овраг — это было все равно, что кричать в туннель: эхо побежало от скалы к скале.

Очень не скоро до него донеслось протяжное сонное ворчание сытого тигра, только что проснувшегося.

— Кто там кричит? — прорычал Шер-Хан, и красивый павлин с воплем выпорхнул из оврага.

— Это я, Маугли! Пора отправляться на Скалу Совета, Похититель скота! Вниз гони их, вниз, Акела! Вниз, Рама! Вниз!

Стадо замешкалось — было на краю откоса, но Акела испустил громкий охотничий клич, и животные бросились одно за другим, словно лодки в водопад; песок и камни так и брызнули из-под их ног. Раз они двинулись, остановить их было невозможно, и прежде чем они спустились на дно оврага, Рама уже почуял Шер-Хана и замычал.

— Ха-ха! — смеялся Маугли, сидя на спине Рамы. — Теперь ты знаешь, в чем дело! — И поток черных рогов, покрытых пеной морд и выпученных глаз бурно понесся по оврагу, словно волны в пору разлива. Буйволы послабее были оттеснены на склоны оврага, где им пришлось продираться сквозь гущу ползучих растений. Животные знали, что им предстоит: страшная атака стада, против которой не может устоять ни один тигр. Шер-Хан, услышав громовой топот копыт, подобрался и побежал вниз по оврагу, поглядывая вправо и влево и ища глазами спасенья; но стены оврага были гладки, и он, отяжелев от еды и воды, продолжал бежать вперед, не желая сражаться. Но стадо настигало его, разбрызгав лужу, которую он только что оставил, и замычал так, что ущелье затряслось. С другого конца оврага неслись ответные мычания, и Маугли видел, как Шер-Хан повернул назад (тигр отлично знал, что если нет выхода, то лучше встретить быков, чем коров, при которых находятся телята). Затем Рама оступился, прошел по чему-то мягкому и, подгоняемый другими быками, теснившими его со спины, врезался в самую гущу другой половины стада. Силой столкновения

более слабые буйволы были подняты вверх, оба стада выбежали на равнину, бодаясь, топоча ногами и храпя. Маугли, улучив минуту, соскочил с шеи Рамы и стал размахивать палкой направо и налево.

— Скорей, Акела, раздели, рассеи их, иначе они поубивают друг друга! Отгони их прочь, Акела! Гай, Рама! Гай, гай, гай, дети мои! Тише, тише! Все кончилось!

Акела и Серый Брат бросались во все стороны, хватали буйволов за ноги, и хотя стадо вновь понеслось к оврагу, Маугли удалось повернуть Раму, а за ним все остальные последовали к болотам.

Шер-Хана уже не нужно было больше топтать: он был готов, и коршуны уже начали слетаться к нему.

— Собаке — собачья и смерть, братья! — промолвил Маугли, нащупывая нож, который всегда носил в футляре на шее с той поры, что жил с людьми. — Но он бы никогда и не посмел сражаться! Его шкура будет иметь отличный вид на Скале Совета! Теперь скорей за работу!

Мальчик, выросший среди людей, никогда бы и не подумал снимать шкуру с трехметрового тигра собственными силами; но Маугли отлично знал, как приложена шкура животного и как ее снять. Однако работа была нелегка, и Маугли резал, рвал и ворчал в течение часа, пока волки лежали, высунув языки, и только когда Маугли просил их, подходили и тянули шкуру.

Вдруг чья-то рука вцепилась в плечо мальчика, и он, подняв глаза, увидел Бульдео с ружьем. Дети рассказали в деревне о панике буйволов, и Бульдео в бешенстве прибежал наказать Маугли за его неумение обращаться со стадом. Волки, завидев человека, мгновенно скрылись из глаз.

— Ты с ума сошел! — сердито кричал Бульдео. — Ты воображаешь, будто сумеешь снять шкуру с тигра? Какой буйвол убил его? Да ведь это Хромой

Тигр, и за его голову назначено сто рупий! Ну что же, мы простим тебе то, что ты недосмотрел за стадом, а может быть, я дам тебе и одну из рупий, которые получу в награду за шкуру в Канхиваре! — Он отыскал в карманах камень и огниво и наклонился, чтобы опалить усы Шер-Хана; туземные охотники почти всегда опаляют усы тигра, дабы дух животного не преследовал их потом.

— Однако, — как бы про себя проговорил Маугли, заворачивая кожу на передней лапе, — ты хочешь отнести шкуру в Канхивару, чтобы получить награду, а мне, может быть, дашь одну рупию? Но мне самому нужна шкура! Эй, старик, убери прочь огонь!

— Как ты смеешь так разговаривать с первым охотником деревни? Твое счастье и глупость твоих буйволов помогли тебе заполучить эту добычу! Тигр только что поел, иначе бы он за это время успел убежать за двадцать миль. Ты даже не умеешь его освежевать как следует, оборванец, и смеешь мне, Бульдео, говорить, чтобы я не обжигал ему усов! Маугли, я не дам тебе ни одного медяка награды, а дам хорошую взбучку! Оставь тушу!

— Клянусь Быком, выкупившим меня, — проговорил Маугли, хватаясь за плечо, — что же это, я все утро буду стоять тут, болтая со старой обезьяной? Сюда, Акела! Этот человек докучает мне!

Бульдео, нагнувшийся над головой Шер-Хана, вдруг понял, что распростерт на траве под огромным серым волком, а Маугли продолжал себе снимать шкуру с тигра, словно находился один во всей Индии.

— Да, — ворчал он сквозь зубы, — ты совершенно прав, Бульдео! Ты не дашь мне ни одного медяка из награды! Между тобой, Хромой Тигр, и мной — распря, старая распря, и я победил!

Нужно отдать Бульдео справедливость: будь он лет на десять моложе, он померился бы силами с Акелой, встретив его в лесу. Но волк, повинующийся приказам мальчика, имеющего какие-то счеты с тигром-людоедом, был не совсем обыкновенный зверь.

«Это колдовство, чары самого поганого сорта!» — думал Бульдео и даже не надеялся, что его спасет амулет, висящий у него на шее. Он лежал в совершенной неподвижности, ожидая, что Маугли вот-вот обратится в тигра.

— Магараджа, великий царь! — проговорил он наконец хриплым шепотом.

— Ну? — отозвался Маугли, не поворачивая головы и усмехнувшись.

— Я старый человек, я думал, что ты — простой пастушок! Позволишь ли ты мне встать и уйти прочь или твой слуга растерзает меня в клочья?

— Иди, и мир да будет с тобой! Но помни, в другой раз не путайся в мои дела! Отпусти его, Акела!

Бульдео заковылял к деревне со всех ног, оглядываясь поминутно через плечо: не обернется ли Маугли во что-нибудь страшное? Добравшись до деревни, он рассказал целую историю о колдовстве, заклинаниях и чарах — такую, что даже жрец стал необычайно мрачен лицом.

Маугли продолжал трудиться над тигром, но только к сумеркам он и волки отделили великолепную шкуру от мяса.

— Теперь надо это припрятать и отвести буйволов домой! Помоги мне собрать их, Акела!

Стадо сгрудилось в кучу в туманных сумерках, и когда они приблизились к деревне, то Маугли увидел огни и услышал звуки горнов и звон

колоколов в храме. У околицы его ожидало чуть не полдеревни. «Это потому, что я убил Шер-Хана!» — сказал он себе; но куча камней просвистела рядом с ним, а поселяне закричали:

— Колдун, волчий выродок, демон Джунглей! Уходи прочь, уходи скорей отсюда, или жрец обратит тебя опять в волка! Стреляй, Бульдео, стреляй!

Старое солдатское ружье выстрелило с грохотом, и в ответ раздалось жалобное мычание молодого буйвола.

— Опять колдовство! — завопили поселяне. — Он умеет заговаривать пули! Бульдео, ведь это твой буйвол.

— Что это? — в изумлении спросил Маугли, когда град камней стал гуще.

— Они довольно сильно напоминают Стаю, эти твои братья! — проговорил Акела, спокойно усевшись на земле. — Если пули что-нибудь означают, то мне кажется, что они хотят тебя прогнать!

— Волк, убирайся прочь! — заревел жрец, размахивая веткой священного растения тульсы.

— Опять? В прошлый раз меня прогнали за то, что я человек; теперь за то, что я волк! Пойдем, Акела!

Вдруг женщина — это была Мессуа — подбежала к стаду с криком:

— О сын мой, сын мой! Они говорят, что ты — колдун и можешь превращаться в любого зверя! Я не верю этому, но уходи, уходи отсюда, иначе они убьют тебя! Бульдео говорит, что ты колдун; но я знаю, что ты отомстил за смерть Нату!

— Назад, Мессуа, — заревела толпа, — назад, иначе мы побьем тебя камнями!

Маугли засмеялся коротким неловким смехом — камень ударил его по губам.

— Беги назад, Мессуа! Это одна из глупых сказок, которые они рассказывают под большим деревом в сумерки. Я, по крайней мере, отплатил за жизнь твоего сына! Беги скорее, потому что я пущу стадо попроворнее, чем у них летят кирпичные обломки. Я не колдун, Мессуа; прощай!

— Ну-ка, Акела, — крикнул Маугли, — еще разок гони стадо!

Буйволы рвались в деревню. Едва ли была нужда в Акеле — они бросились в ворота, как ураган, рассеивая толпу направо и налево.

— Сосчитайте! — крикнул Маугли презрительно. — Может быть, я украл какого-нибудь из них? Сосчитайте, потому что я больше не буду служить вам пастухом! Будьте счастливы, о дети людей, и благодарите Мессуу за то, что я не взял с собой волков и не обезлюдил ваших улиц!

Он повернулся и пошел прочь вместе с Одиноким Волком, глядя на звезды и чувствуя себя счастливым.

— Больше мне не придется спать в западнях, Акела! Возьмем шкуру Шер-Хана и пойдем. Нет, я не стану обижать деревню, потому что Мессуа была добра ко мне!

Когда луна встала над равниной, озарив ее молочно-белым сиянием, взбудораженные поселяне увидели, что Маугли с двумя волками по пятам и с каким-то свертком на голове бежит вперед скользящей рысью волка, пожирающей милую за милей, как огонь. Тогда они заколотили в храмовые колокола и задули в трубы громче прежнего. Мессуа плакала, а Бульдео разукрашивал повесть о своих приключениях в Джунглях и кончил тем, что Акела будто бы встал на задние лапы и заговорил по-человечьи.

Луна уже садилась, когда Маугли и оба волка пришли к холму Скалы Совета и остановились у пещеры Матери Волчицы.

— Они прогнали меня из Человечьей Стаи, Мать! — закричал Маугли. — Но я сдержал свое слово и явился со шкурой Шер-Хана!

Мать Волчица медленно выбралась из пещеры со своими волчатами, и глаза ее загорелись, когда она увидела шкуру.

— Я сказала ему в тот день, когда он сунул свою голову и плечо в эту пещеру, охотясь за тобой, о Лягушонок, я сказала ему, что охотник сам станет добычей! Хорошо сделано!

— Хорошо сделано, Маленький Брат, — слышался густой голос из чащи. — Мы чувствовали себя такими одинокими в Джунглях без тебя!

И Багира подбежала к обнаженным ногам Маугли. Все они взобрались на Скалу Совета, Маугли разостлал шкуру на плоском камне, на котором обычно сидел Акела, и прибил ее четырьмя бамбуковыми колышками. Акела разлегся на шкуре и воззвал старинным кличем Совета: «Глядите, хорошенько глядите, о Волки!» — точь-в-точь как тогда, когда Маугли был впервые принесен на Совет.

С тех пор как Акела перестал быть вожаком, Стая жила без предводителя, все охотились и сражались как кому вздумается; но по привычке волки откликнулись на призыв. Некоторые из них охромели от капканов, в которые им случилось попасть; другие прихрамывали от ран на ногах; третьи опаршивели от дурной пищи; многих недоставало; но все, сколько их ни осталось, пришли к Скале Совета и увидели полосатую шкуру Шер-Хана на скале и его огромные когти, болтавшиеся на концах пустых лап.

— Хорошенько глядите, о Волки, сдержал ли я свое слово? — проговорил Маугли. И волки пролаяли: «Да!» А один оборванный волк взвыл:

— Командуй нами снова, Акела! Води нас снова, о Человеческий Детеныш, ибо мы устали от беззакония и хотим быть снова Свободным Племенем!

— Нет, — промурлыкала Багира, — этого не будет! Когда вы будете сыты, безумие снова на вас нападет. Недаром вас называют Свободным Племенем! Вы боролись за свободу — и она ваша! Ешьте ее, о Волки!

— Человечья Стая и Волчья Стая изгнали меня, — промолвил Маугли, — теперь я буду один охотиться в Джунглях!

— И мы будем охотиться с тобою! — добавили четверо волчат.

С этого дня Маугли стал охотиться в Джунглях один с четырьмя волчатами; он, однако, не всегда был один; много лет спустя он стал человеком и женился.

Но это уже история для взрослых.

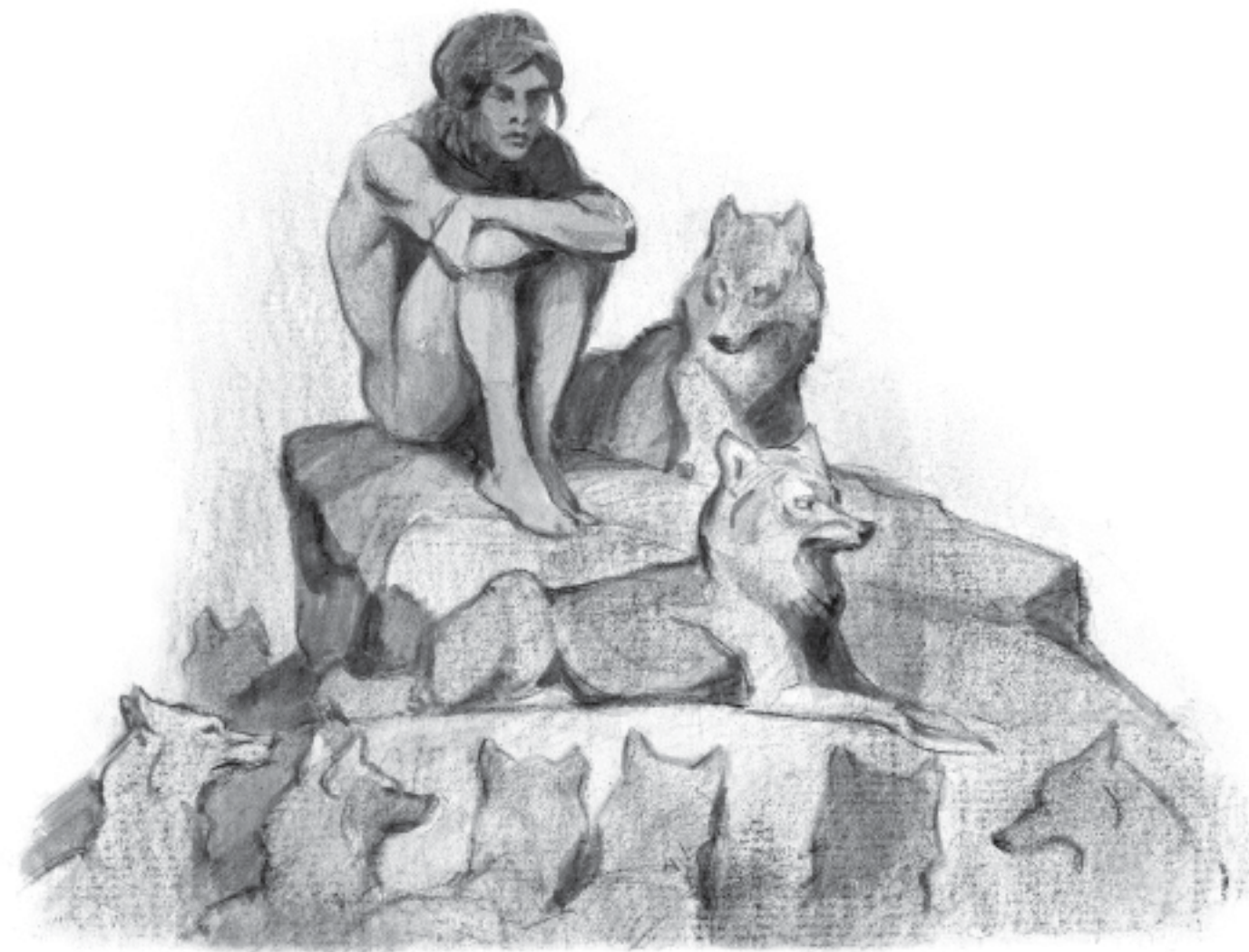
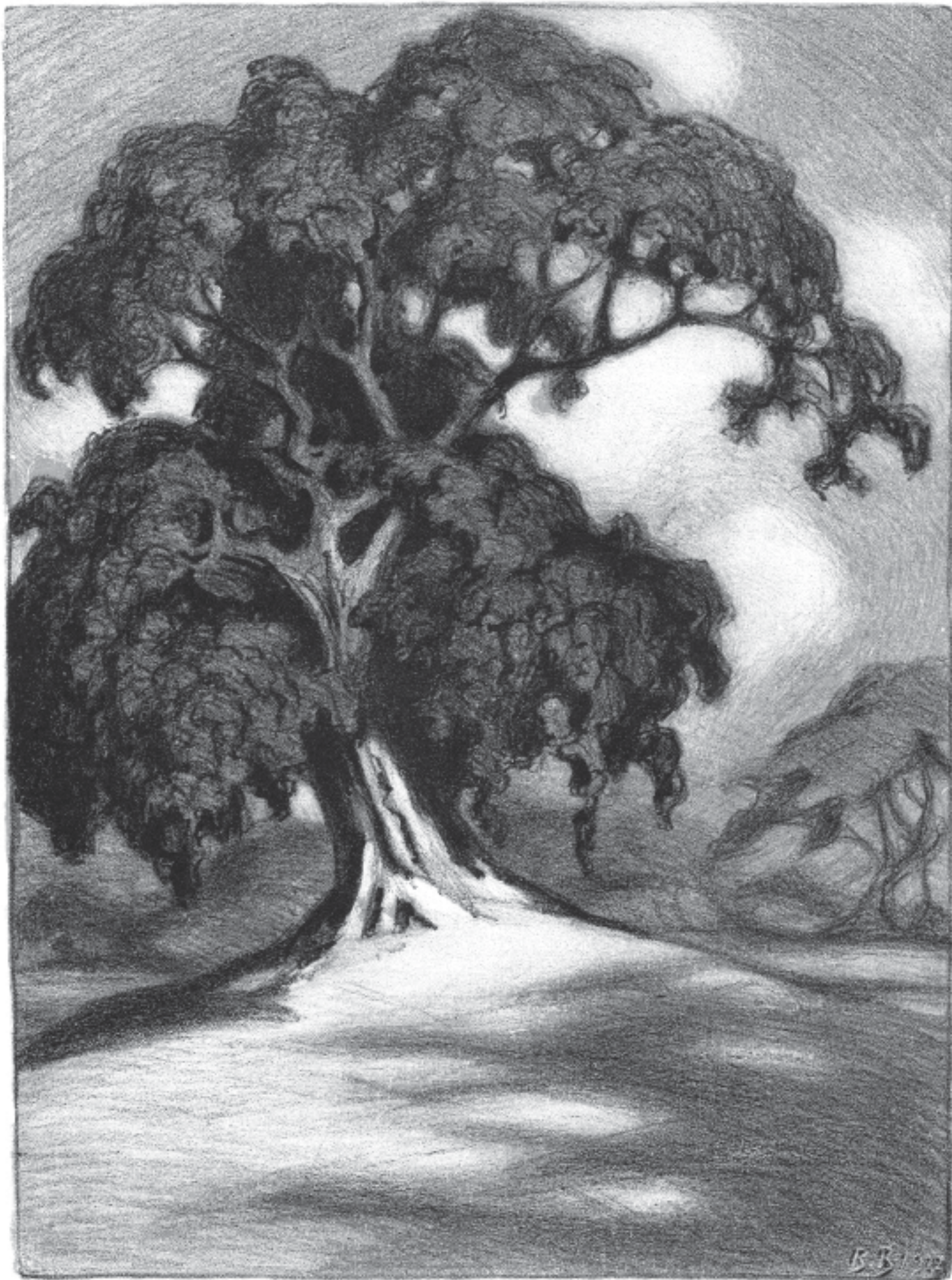

Песнь Маугли, которую он пел на Скале Совета, когда плясал на шкуре Шер-Хана

Песнь о Маугли пою я, Маугли. Джунгли, внимлите делам моим.
Шер-Хан сказал, что убьет — убьет.
В сумерки у околицы хотел он Маугли, Лягушонка, убить!
Он поел и попил. Пей, Шер-Хан, пей —
Ибо когда тебе вновь пить придется? Пей и мечтай об охоте.
Я один на пастбищах. Ко мне, Серый Брат!
Ко мне, Одинокий Волк, большая добыча идет!
Приведи огромных буйволов, иссиня-черных буйволов с злыми глазами.
Гони их взад и вперед по моему слову. Ты все еще спишь, Шер-Хан?
Проснись, о, проснись! Вот я иду, а за мною буйволы!
Рама, царь буйволов, топнул ногой.
Воды Вайнгунги, скажите: куда ушел Шер-Хан?
Он не Саги, чтобы рыть норы, не Мор, Павлин, чтоб летать.
Не Манг, Нетопырь, чтоб висеть на ветвях.
Молодые стебли бамбука, скрипучие стебли, скажите, куда он бежал?
Ау! Он здесь. Ау! Он здесь. Под ногами Рамы лежит Хромой!
Вставай, Шер-Хан! Вставай и рази! Вот мясо; сломай шею быкам!
Тсс! Он спит. Не будем будить его, ибо сила его огромна.
Коршуны слетелись убедиться в этом.
Черные муравьи сползаются проверить.
В честь тигра — большое собрание.
Алла! У меня нет ткани, чтобы завернуться в нее.
Коршуны увидят мою наготу.
Мне стыдно встретиться со всем этим народом.
Ссуди мне твою шубу, Шер-Хан!
Ссуди мне твою светлую полосатую шубу,
Дабы мог я отправиться на Скалу Совета.
Клянусь Быком, выкупившим меня, я дал обещание — так, обещаньице.
Только шубы твоей не хватает мне, чтобы слово сдержать!
С ножом, с ножом, каким пользуются люди,
С охотничьим ножом нагнусь я за даром своим.

Воды Вайнгунги, Шер-Хан отдает мне свою шубу
Из любви, что питает ко мне. Тяни, Серый Брат!
Тяни, Акела! Тяжела шкура Шер-Хана.
Людская Стая разгневана.
Они бросают камни и болтают ребячий вздор.
Мой рот в крови. Давай убегу!
Ночью, душною ночью быстро бегите со мною, братья мои!
Мы покинем огни деревенские и пойдем, озаренные низкой луной.
Воды Вайнгунги, Людская Стая прогнала меня!
Я не сделал им дурного, но они боятся меня. Почему?
Волчья Стая также изгнала меня.
Джунгли закрыты для меня, и заперты сельские ворота. За что?
Рот мой изрезан, изрезан камнями сельчан,
Но легко мне на сердце, ибо в Джунгли вернулся я. Почему?
Эти два вопроса борются во мне, как змеи дерутся весною.
Вода течет из глаз моих; но я смеюсь, когда она падает. Почему?
Я — Маугли, и шкура Шер-Хана под моею пятой.
Все Джунгли знают, что я убил Шер-Хана.
Глядите, хорошенько глядите, о Волки!
Агай! Мое сердце отягчено вещами, непонятными мне...
Как Манг летает между зверьми и птицами,
Так я буду летать между деревней и Джунглями. За что?
Я пляшу на шкуре Шер-Хана, но тяжесть на сердце моем...

Набел Джунглей

Цветы и лианы, душите селенье
Густым переплетом ползучих стеблей,
Доколе останется в месте проклятом
Хоть след нечестивой породы людей.
Дождик смешается летний с черной золой очага;
Злаки на поле потопчет глупой скотины нога.
Так мы стираем навеки след ненавистный врага...

Конечно же, Вы помните, что Маугли, прибив шкуру Шер-Хана к Скале Совета, объявил оставшимся в Сионийской Стае волкам, что впредь он намерен охотиться в Джунглях в одиночку; а четверо детей Отца и Матери Волков решили охотиться вместе с Маугли. Но не так-то легко изменить сразу привычную жизнь, особенно в Джунглях.

Стая Волков разбрелась кто куда, а Маугли первым делом отправился в родную Пещеру и проспал целые сутки. Потом он рассказал Отцу Волку и Матери Волчице все, что им могло быть понятно в его приключениях среди людей; и когда он повертел в руках свой нож, на клинке которого заплескали лучи утреннего солнца — это был тот самый нож, которым Маугли освежал Шер-Хана, — волки решили, что он действительно кое-чему научился.

Вслед за тем Акеле и Серому Брату пришлось, в свой черед, рассказывать, как они помогали Маугли гнать буйволов в овраге; Балу приплелся из-под горы послушать рассказы, а Багира почесывалась от удовольствия, узнав, как искусно Маугли вел войну с врагом.

Солнце давно уже взошло, никто не помышлял о сне; Мать Волчица время от времени вскидывала голову и глубоко, с наслаждением сопела, когда ветерок доносил до нее запах тигровой шкуры, распяленной на Скале Совета.

— Но без Акелы и Серого Брата, — промолвил Маугли в заключение, — у меня ничего не получилось бы! О Мать, Мать, надо было тебе видеть синих быков, как они кидались в овраг или как ломились в ворота, когда Человечья Стая забрасывала меня камнями!

— Я рада, что не видела этого, — угрюмо ответила Мать Волчица. — Не в моих правилах спокойно смотреть, как моих детенышей гоняют взад и вперед, словно шакалов каких-нибудь. Я бы отплатила Человечьей Стае... но пощадила бы женщину, что кормила тебя молоком. Да, только ее одну я бы пощадила!

— Полно, полно, Ракша! — проговорил Отец Волк. — Наш Лягушонок вернулся, да таким мудрым, что собственному отцу впору лизать ему ноги. Что за беда, если у него на голове останется один-другой шрам? Оставь Человека в покое!

Маугли, прильнув головой к Матери Волчице, самодовольно усмехнулся и объявил, что тоже не имеет ни малейшего желания видеть, слышать или чутить Человека.

Но Акела, насторожив ухо, сказал:

— А что, если люди не оставят тебя в покое, Маленький Брат?

— Нас пятеро! — объявил Серый Брат, оглядев компанию и щелкнув зубами.

— Да и мы не отказались бы от такой охоты, — вставила Багира, слегка вильнув хвостом и взглянув на Балу. — Но почему ты вспомнил о Человеке именно сейчас, Акела?

— Вот почему, — ответил Одинокый Волк. — После того как шкуру этого желтого вора развесили на Скале, я побежал по нашему следу к деревне, сворачивал в сторону, ложился — и запутал следы на случай, если они вздумают преследовать нас. Но когда я запутал след так, что сам едва мог бы разобрать его, Нетопырь Манг мелькнул в деревьях и повис надо мною. «Слушай, — сказал он мне. — Деревня Человечьей Стаи, изгнав Человеческого Детеныша, гудит, как гнездо шершней!»

— Да, я таки бросил туда порядочный камешек! — хихикнул Маугли, который часто забавлялся тем, что бросал спелые плоды папайи — дынного дерева — в гнезда шершней, после чего бросался в ближайший пруд, спасаясь от насекомых.

— Я спросил у Манга, что он именно видел. Говорит, что Красный Цветок зацвел у деревенской околицы, а люди сидят вокруг с ружьями. Но я знаю очень хорошо, — и Акела покосился на старые шрамы, украшавшие его бока, — что люди носят с собой ружья не для забавы. В настоящую минуту, Маленький Брат, человек с ружьем ищет наш след — если уже не нашел его.

— Но зачем ему это? Люди прогнали меня — чего им еще нужно? — гневно воскликнул Маугли.

— Ты — Человек, Маленький Брат, — возразил Акела, — и не нам, вольным охотникам, объяснять тебе, что делают твои братья или зачем...

Акела едва успел отдернуть лапу, как блестящий клинок глубоко вонзился в землю. Маугли размахнулся так быстро, что человеческий глаз едва ли мог бы заметить его движение; но Акела был волк; а даже собака, состоящая в весьма отдаленном родстве с диким волком, своим предком, просыпается от самого глубокого сна, едва колесо телеги дотронется до нее, и успевает невредимой отскочить в сторону.

— В другой раз, — промолвил Маугли, спокойно вкладывая нож в ножны, — говори о Человечьей Стае и о Маугли в два приема — не в один!

— Пфф... Это острый зуб! — заметил Акела, обнюхивая след, оставленный ножом в земле. — Но ты испортил себе зрение, живя в Человечьей Стае, Маленький Брат! Пока ты размахивался, я вполне успел бы убить оленя!

Багира неожиданно вскочила на ноги, сильно вытянула шею, фыркнула и замерла всем телом. Серый Брат быстро последовал ее примеру, подавшись немного влево, чтобы поймать ветер, дувший справа, а Акела пробежал метров пятьдесят навстречу ветру и, присев на задние лапы, замер. Маугли с завистью глядел на них. Обоняние у него было острее, чем у любого человека, но он так и не мог развить в себе необычайно тонкого чутья обитателей Джунглей; а за три месяца пребывания в дымной деревне его нюх и вовсе притупился. Но он послунывал свой палец, потер им нос и выпрямился, чтобы поймать запах верхним чутьем — самым верным, хотя и наименее острым.

— Человек! — прорычал Акела, приседая на задние лапы.

— Бульдео! — проговорил Маугли, садясь на место. — Он идет по нашему следу... а вон и солнышко играет на его ружье! Смотрите!

Отблеск солнца мельком задержался на ничтожную долю секунды

на медных скобах старого мушкета; в Джунглях ничто не дает подобного отсвета, разве что когда облака быстро бегут по небу. В такой день кусочек слюды, лужица и даже глянцевитый листок сверкают как зеркало. Но этот день был безоблачен и безветрен.

— Я знал, что люди придут за тобою! — торжествующе молвил Акела. — Недаром же я был предводителем Стаи!

Четверо братьев Маугли не сказали ни слова, но поползли с горы на брюхе, сливаясь с шиповником и подлеском.

— Куда идете без приказа? — окликнул их Маугли.

— Ш... шш!.. Мы прикатим тебе его череп еще до полудня, — ответил Серый Брат.

— Назад! Назад, и ждите приказов! Человек не ест Человека! — закричал Маугли.

— А кто это недавно объявил себя волком? Кто хотел ударить меня ножом, когда я дерзнул сказать, что он — Человек? — проговорил Акела; тем временем четверо волчат с неудовольствием вернулись назад и опустились на землю.

— Так я обязан давать вам отчет в том, как мне угодно поступить? — в бешенстве проговорил Маугли.

— Вот это Человек! Это говорит Человек! — пробормотала Багира вполголоса. — Именно так говорили люди у королевских клеток в Удейпуре! Мы, жители Джунглей, знаем, что Человек — мудрейшая из тварей. Но если верить своим ушам — он глупее всех. — И, возвысив голос, пантера объявила: — Человеческий Детеныш прав — люди охотятся стаями. Убивать одного из них, не зная, что затевают другие, — плохая охота. Давайте лучше разведем, что затевают против нас этот Человек.

— Мы не пойдем, — прорычал Серый Брат. — Охоться один, Маленький Брат. Свое дело мы знаем — череп уже сейчас был бы у твоих ног...

Грудь Маугли заколыхалась, глаза его наполнились слезами, и он обвел ими друзей поочередно.

Шагнув вперед и упав на одно колено, он проговорил:

— Стало быть, я, я не знаю своего дела? Посмотрите на меня!

Волки неохотно подняли головы, норовя смотреть мимо, но он настойчиво окликал их, пока шерсть не стала у них дыбом по всему телу и дрожь не побежала по телу с головы до ног; Маугли же упорно смотрел им в глаза, не отрываясь.

— Ну, — заговорил он, — кто из нас пятерых предводитель?

— Ты нас ведешь, Маленький Брат! — ответил Серый Брат и стал лизать ноги Маугли.

— Коли так, следуйте за мною! — скомандовал Маугли, и четыре волка пошли за ним, поджав хвосты.

— Вот что значит пожить в Человечьей Стае! — молвила Багира, плетясь следом. — Теперь в Джунглях царит не один только Закон Джунглей, Балу!

Старый медведь ничего не ответил, но подумал о многом.

Маугли бесшумно пересекал Джунгли под прямым углом к следу Бульдео, пока, раздвинув молодые кусты, не увидел наконец старика с мушкетом на плече, собачьей рысцой бежавшего по двухдневному следу.

Как вы помните, Маугли покинул деревню с тяжелой ношей — с сырой шкурой Шер-Хана на плечах, Акела и Серый Брат бежали за ним, так что след был виден очень хорошо. Но вот Бульдео дошел до того места, где Акела, как вам известно, повернул назад и запутал следы. Здесь он сел, закашлялся, разворчался и стал метаться во все стороны, надеясь-таки разобрать след, — а между тем он свободно мог попасть камнем в зверей, наблюдавших за ним... Нет зверя бесшумнее волка, когда он не желает быть услышанным! И даже Маугли, которого волки считали весьма неуклюжим, двигался как тень... Они окружили старика, как стайка дельфинов окружает пароход, идущий на всех парах, и беззаботно переговаривались, ведь речь животных начинается ниже той ноты, которую может расслышать нетренированное ухо человека. (Верхней нотой является тонкий писк Манга-Нетопыря, которого многие люди совсем не в состоянии услышать. Начиная с этого звука и ведут разговор все птицы, летучие мыши и насекомые.)

— Это лучше всякой охоты, — проговорил Серый Брат, наблюдая, как Бульдео, то и дело нагибался, таращил глаза и отдувался. — Он похож на свинью, заблудившуюся в Джунглях у реки. Что он говорит? — Бульдео яростно бормотал что-то себе под нос.

Маугли перевел:

— Он говорит, что, верно, целые стаи волков плясали вокруг меня. Он говорит, что в своей жизни не видел такого следа! Он говорит, что он устал.

— Он сядет отдыхать прежде, чем найдет след, — холодно заметила Багира, забегая за древесный ствол. — Ну и что теперь делает эта тощая тварь?

— Он не то ест, не то выдувает дым из рта. Люди постоянно балуют своими ртами! — ответил Маугли, а безмолвные следопыты смотрели, как старик набил свою трубку, зажег и запыхтел.

Они хорошо запомнили запах табака, чтобы узнать Бульдео, в случае надобности, в самую темную ночь.

На тропинку высыпала небольшая группа угольщиков. Само собой, они остановились поболтать с Бульдео, слава которого как охотника простиралась по меньшей мере на двадцать миль окрест. Усевшись вокруг него, они закурили трубки; Багира и прочие звери подошли ближе и наблюдали за людьми, пока Бульдео от начала до конца рассказывал угольщикам историю о Маугли-оборотне со множеством прикрас и выдумок. Он рассказал, как он сам убил Шер-Хана, как Маугли превратился в волка и дрался с ним до самого вечера, потом опять обернулся мальчиком и заколдовал ружье Бульдео, так что пуля будто бы обошла Маугли, в которого он точно целился, и убила одного из буйволов Бульдео. Рассказал, что деревня послала его, как храбрейшего охотника в горах Сионийских, убить этого «сына сатаны». Сельчане схватили Мессуу и ее мужа — это, без сомнения, отец и мать оборотня, — заперли их в собственной хижине и скоро будут пытать. Их заставят сознаться в том, что они — колдун и ведьма, а потом сожгут на костре.

— Когда это будет? — спросили угольщики, которым очень захотелось присутствовать при этой церемонии.

Бульдео объявил, что до его возвращения пленников не тронут; деревня желает, чтобы он прежде убил мальчика из Джунглей. После этого они разделяются с Мессуей и ее мужем и поделят между собой их землю и буйволов. У мужа Мессуи, надо заметить, отменные буйволы! По мнению Бульдео, убивать колдунов — богоугодное дело, а люди, дающие приют волчьим выкормышам из Джунглей, разумеется, опаснейшие колдуны!

— Ну а если об этом узнают англичане? — возражали угольщики. — Англичане, как рассказывают, сумасшедшие люди: они не дают честным селянам спокойно убивать ведьм!

— Что же, — ответил Бульдео, — наш старшина донесет, что Мессуа и ее муж умерли от укуса змеи. Это заранее условлено, и остается только одно — убить волчонка-оборотня. Не встречали ли вы здесь такой твари?

Угольщики стали опасливо озираться кругом и мысленно возблагодарили небо за то, что им не случилось его встретить; но они не сомневались, что такой храбрец, как Бульдео, скорее любого другого найдет его!

Солнце пошло на закат, и угольщикам пришлось в голову сходить в деревню Бульдео и поглядеть на злую ведьму. Бульдео объявил, что хоть он и обязан убить оборотня, но не позволит себе пустить невооруженных людей по Джунглям, где каждую минуту может показаться волк-оборотень! Он проводит их, и если появится сын колдуна — ого! он им покажет, как справляется с колдунами лучший охотник в горах Сионийских! Брамин снабдил его амулетом против этой твари.

— Что он говорит? Что он говорит? — поминутно спрашивали волки; и Маугли переводил им слова Бульдео, пока не дошел до рассказа о ведьме, которого он и сам не понял хорошенько. Он просто объяснил волкам, что мужчину и женщину, которые хорошо обходились с ним, заперли в западню.

— Разве люди ловят людей? — удивился Серый Брат.

— Так он говорит. Я не совсем хорошо понимаю его слова. Они все обзумели! Не понимаю, какое отношение Мессуа и ее муж имеют ко мне, чтобы их запирали в западню, и к чему весь этот разговор о Красном Цветке.

Надо узнать, в чем дело! Во всяком случае, до прихода Бульдео они ничего не сделают Мессуе, и стало быть... — Маугли в раздумье барабанил пальцами по рукоятке ножа, между тем как Бульдео и угольщики храбро выступали гуськом по тропинке.

— Я бегу к Человечьей Стае! — промолвил наконец Маугли.

— А как быть с этими? — заметил Серый Брат, устремив голодный взгляд на коричневые спины угольщиков.

— Отпугни их своим пением! — улыбнувшись, проговорил Маугли. — Я не хочу, чтобы они были у ворот деревни до темноты. Сумеешь ли ты задержать их?

Серый Брат презрительно оскалил свои белые зубы.

— Мы заставим их кружиться, как козу на привязи, если я верно понимаю натуру Человека!

— Это-то мне и нужно. Ты спой им песню, чтобы они не чувствовали себя одинокими в лесу; нет надобности, чтобы песня эта была нежная... И ты ступай с ними, Багира, помоги им петь! Когда же ночь падет — встречайте меня у деревни; Серый Брат знает это место.

— Нелегкая это работа — прокладывать следы Человеческому Детенышу! Когда же я спать пойду? — проговорила Багира, зевнув, хотя глаза ее светились удовольствием при мысли о предстоящей забаве. — Чтобы мне — да петь голым людям? А впрочем, попробуем...

Пантера понурила голову, чтобы пустить звук по земле, и издала долгий, протяжный возглас «Доброй охоты!» — полуночный вопль в разгар полудня, звук, достаточно жуткий для начала. Клич загремел, побежал по лесу, поднялся, упал и замер в диком тягучем стоне. Углубляясь в лес, Маугли слушал и невольно улыбался. Он видел, как угольщики столпились в кучку, а ствол ружья Бульдео затрясся, как банановый лист, беспорядочно заматавшись во все стороны.

Затем Серый Брат испустил клич оленьей охоты — я-ла-хи! я-ла-ха! — с которым волчья стая обычно гонит нильгау, огромных синих антилоп. Клич, казалось, исходил изо всех точек горизонта, все приближаясь, приближаясь, он наконец резко оборвался пронзительным взвизгом. Отозвались остальные трое волков — и Маугли готов был поклясться, что воет вся Стая! Весь этот концерт завершился великолепной утренней песней Джунглей со всеми коленцами и руладами, на какие способен горластый волк.

Вот вольный перевод этой песни — вообразите же, как должна она звучать, нарушая послеполуденное безмолвие Джунглей!

В полночный час в пыли равнин
Едва ль заметна тень —
Она, как ночь, сейчас черна,
А в сердце — светлый день.
В тиши утра скала и куст —
Один веселый звон...
Кричи же: «Отдых добрый всем,
Кто Джунглей чтит Закон!»

С восходом солнца — время спать,
То помнит каждый зверь.
Притихнув, в глушь родных берлог
Скользят они теперь.
Воле, сгибаясь под ярмом,
Влекут тяжелый плуг...
Алеет в полосах заря,
Дымит кострами луг.

Скорей в берлоги! — Солнце шлет
Лучи наперерез!
Качаясь, шепчется бамбук,
И шевелится лес.
Мигают сонные глаза,
На них ночная тень,
И утки плещутся, крича:
«Для Человека — День!»

На шкурах высохла роса...
Иль стерлась по пути?
Где были лужи, там теперь
И капли не найти.
Следы так четки и ясны
Под солнечным лучом,
И зычен клич: «Встречайте сны,
Кто Джунглей чтит Закон!»

Но никакими словами невозможно описать ни того впечатления, которое производила эта песнь на всех, кто ее слышал, ни того презрения, которым наполнили каждое ее слово четыре волка, когда услышали, с какой поспешностью люди бросились карабкаться на деревья, как трещали под их тяжестью сучья, а Бульдео бормотал свои заклинания и заговоры.

После этого волки легли и уснули; как все, кому приходится жить собственным трудом, звери привыкли к правильному образу жизни: ни одно живое создание не может хорошо работать, не выспавшись.

Между тем Маугли бежал, отмахивая по девять миль в час, и радовался тому, что месяцы заточения среди людей не убавили ему силы. Одно у него было на уме — освободить Мессуу и ее мужа из западни, какова бы она ни была; он питал враждебное отвращение к любым ловушкам. И он дал себе слово расквитаться после этого со всей деревней.

Сгушались сумерки, когда он завидел памятное ему пастбище и даковое дерево, где Серый Брат дожидался его в то утро, когда он убил Шер-Хана. Как ни ярился Маугли на все племя человеческое, но что-то подкатилось ему к горлу и стеснило дыхание, когда показались деревенские крыши.

Он заметил, что сельчане вернулись с поля раньше обыкновенного и вместо того, чтобы заняться вечерней стряпней, собрались толпой под общественным деревом, тараторили и кричали.

— Людям обязательно нужно подстраивать ловушки своим, иначе они не могут успокоиться... — проворчал про себя Маугли. — Две ночи тому назад это был Маугли — мне кажется, с той ночи прошло много дождей! — нынче это Мессуа и ее муж, завтра и через много ночей снова придет черед Маугли...

Крадясь вдоль наружной ограды, он добрался до хижины Мессуи и заглянул в окно. Мессуа лежала с заткнутым ртом, связанная по рукам и ногам. Она стонала, тяжело дыша; муж ее был привязан к размалеванной кровати. Дверь хижины, выходящая на улицу, была накрепко заперта, и три или четыре человека сидели, прислонясь к ней спиной.

Маугли отлично знал повадки сельчан. Он рассудил, что пока они едят, болтают и курят, они ничего не предпримут, но как только наедятся, станут опасны. Бульдео скоро придет, и если волки хорошо справились

со своей задачей, то у старика будет в запасе презанятная басня. Маугли влез в окно; нагнувшись над мужчиной и женщиной, он разрезал ремни, связывавшие их, вытащил кляпы из их ртов и стал оглядываться вокруг, ища молока.

Мессуа почти обезумела от страха и боли (ее били и забрасывали камнями все утро), и Маугли едва успел зажать ей ладонью рот, чтобы она не вскрикнула. Муж ее был ошеломлен и взбешен; он немедленно сел и стал вычищать пыль и всякую дрянь из своей растрепанной бороды.

— Я знала, я знала, что он вернется! — воскликнула, наконец, Мессуа. — Теперь я знаю, что он — мой сын!.. — И она прижала Маугли к своему сердцу.

До этой минуты Маугли был спокоен; теперь он начал дрожать всем телом, и это сильно изумило его.

— Зачем эти ремни? За что тебя связали? — спросил он через некоторое время.

— Хотят казнить нас за то, что мы приняли тебя как своего сына, за что же еще? — грубо проговорил мужчина. — Смотри, я весь в крови!

Мессуа молчала, но Маугли глядел на ее раны и так и заскрежетал зубами, увидя на ней кровь.

— Чьих рук это дело? — спросил он. — Я отплачу!

— Это дело всей деревни. Я был чересчур богат. У меня слишком много скота. Поэтому мы с ней и «колдуны»... и потому, что дали тебе приют!

— Я не понимаю. Пусть расскажет Мессуа!

— Я давала тебе молока, Нату; неужели ты не помнишь? — робко проговорила Мессуа. — Все эти напасти за то, что ты — мой сын, которого унес тигр, за то, что я люблю тебя всем сердцем... Они говорят, что я твоя мать — мать дьявола и потому достойна смерти.

— А что такое дьявол? — промолвил Маугли. — Смерть я уже видел.

Мужчина мрачно посмотрел исподлобья, Мессуа же засмеялась.

— Смотри, — обратилась она к мужу, — ведь я знала, я говорила, что он не колдун. Он мой сын, он мой сын!

— Сын или колдун, нам от этого не легче, — ответил мужчина. — Мы все равно обречены на смерть!

— Вон дорога через Джунгли! — и Маугли показал в окошко. — Руки и ноги ваши свободны — ступайте!

— Мы не знаем Джунглей так... так, как ты их знаешь, — начала Мессуа. — Не думаю, чтобы я была в силах много пройти...

— А люди погонятся за нами и приволокут назад, — добавил супруг.

— Гм... — уронил Маугли, щекоча ладонь кончиком ножа. — Я не хотел бы причинять вреда кому бы то ни было в этой деревне — пока. Не думаю, что они смогут останавливать тебя! Скоро им придется думать о другом. Ага! — Он поднял голову и прислушался к крикам и топоту, доносившимся с улицы. — Стало быть, Бульдео вернулся-таки!

— Его послали нынче утром убить тебя! — воскликнула Мессуа. — Разве ты встретил его?

— Да, мы... я встретил его. У него есть что порассказать; а мы, покуда он будет рассказывать, успеем многое сделать. Но я хочу раньше узнать, что они затевают. Подумайте, куда вам лучше пойти, и скажите мне, когда я вернусь!

Маугли выскочил из окна, опять пробежал вдоль наружной ограды и приблизился к толпе, собравшейся вокруг дерева «пипул» — священной смоковницы. Бульдео лежал на земле, кашлял и охал, а прочие засыпали его вопросами. Волосы старика рассыпались по плечам, ноги и руки были ободраны от лазанья по деревьям, он еле мог говорить, но понимал всю значительность своего положения. Время от времени он ронял какое-нибудь замечание насчет «дьяволов», «поющих чертей» и «колдовских чар». Толпа предвкушала грядущие повествования. Наконец он потребовал воды.

— Ба, — промолвил Маугли, — болтай, болтай, говори, говори! Люди — кровные братья Бандар-Логов. Теперь ему понадобилось мыть рот водой; а то ему надо пускать дым; и только проделав все это, он начнет рассказывать свою повесть! Да, и умные же создания эти люди — они не оставят никого стеречь Мессуу, пока Бульдео будет пичкать их рассказами. Однако я делаюсь таким же ленивым, как они!

Маугли встряхнулся и стал красться назад к хижине. Уже у окна он почувствовал, как кто-то лизнул его ногу.

— Мать! — воскликнул он, еще даже не оглянувшись, ведь этот язык он знал очень хорошо! — Что ты здесь делаешь?

— Я услышала пение моих детей по лесам и последовала за тем, кого люблю больше всех. Лягушонок, я хочу взглянуть на женщину, которая кормила тебя молоком! — проговорила Мать Волчица, мокрая от росы.

— Они ее связали и собираются умертвить. Я разрезал ее путы, и она уйдет со своим мужем в Джунгли.

— Я буду сопровождать их. Я стара, но еще не беззуба! — Мать Волчица встала на дыбы и заглянула через окно во мрак хижины.

Через минуту она бесшумно опустилась и промолвила:

— Я первая кормила тебя молоком; но правду сказала Багира: Человек в конце концов уходит к Человеку...

— Может быть, — проговорил Маугли с явным неудовольствием на лице, — но в эту ночь я очень далек от этого пути. Подожди здесь; но смотри, чтоб она тебя не заметила!

— Ты меня никогда не боялся, Лягушонок! — проговорила Мать Волчица, прячась в высокую траву и припадая к земле.

— Ну, — весело вымолвил Маугли, бросаясь в хижину, — они все уселись вокруг Бульдео, который рассказывает небылицы! Когда он кончит рассказ, они хотят придти сюда с Красным... с огнем, сжечь вас обоих. Что скажешь?

— Я говорила с мужем, — отвечала Мессуа. — Канхивара в тридцати милях отсюда — в Канхиваре мы можем найти англичан.

— А какой они Стаи? — спросил Маугли.

— Не знаю, они белые. Говорят, они управляют всей страной и не позволяют людям жечь или бить друг друга без свидетелей. Если мы доберемся туда за ночь, мы спасены; в противном случае мы погибли.

— Вы спасены; ни один человек не выйдет нынче за ограду! Но что это он делает?

Муж Мессуи, присев на корточки, рылся в земле в углу хижины.

— Там у него припрятано немного денег, — промолвила Мессуа, — ничего другого мы не можем с собой взять.

— А, да, это штука, которая переходит из рук в руки, но не делается теплее... Неужели она нужна и в других местах? — удивился Маугли.

Мужчина мрачно уставился на него.

— Он дурак, а не дьявол! — пробормотал он. — На деньги я могу купить лошадь! Мы слишком измучены, чтобы идти далеко пешком, а деревня через час погонится за нами.

— Я говорю: они не погонятся, если я этого захочу. Но о лошади ты кстати подумал, ибо Мессуа без сил.

Мужчина встал и увязал остаток своих рупий в пояс. Маугли помог Мессуе выбраться через окно, и холодный ночной воздух освежил ее. Но Джунгли при свете звезд казались мрачными и страшными.

— Вы знаете дорогу в Канхивару? — шепнул Маугли. Те кивнули. — Помните же, не надо бояться, и нет надобности идти быстро. Только, может быть, впереди и позади вас в Джунглях послышится легкое пение...

— Неужели ты думаешь, мы рискнули бы выйти ночью в Джунгли, если бы нам не грозил костер? Лучше погибнуть от зверя, чем от людей! — промолвил муж Мессуи, а Мессуа поглядела на Маугли и улыбнулась.

— Я говорю, — продолжал Маугли тоном, каким Балу в сотый раз повторял Закон Джунглей невнимательному щенку, — я говорю, что ни один зуб в Джунглях не обнажится против вас; ни одна нога в Джунглях не поднимется на вас. Ни человек, ни зверь не остановят вас, пока вы не завидите Канхивару. За вами присмотрят! — Маугли быстро повернулся к Мессуе и промолвил: — Он не верит мне; но ведь ты веришь?

— О, верю, мой сын; человек ли ты, дух или волк из Джунглей — я верю!

— Он испугается, заслышав пение моих братьев; но ты поймешь. Ступай же и не торопись, ибо в этом нет надобности. Ворота крепко заперты!

Мессуа с плачем упала к ногам Маугли, но он тотчас поднял ее, задрожав всем телом.

Она повисла у него на шее, называла его самыми ласковыми именами, какие могла придумать, а муж ее с завистью глядел на поля и говорил:

— Если мы доберемся до Канхивары, я все расскажу англичанам и затею такой процесс против брамина, старого Бульдео и прочих, что разорю всю деревню дотла! Они вдвое заплатят мне за мои невозделанные поля и голодных буйволов. Я добьюсь правосудия!

Маугли засмеялся.

— Не знаю, что такое правосудие... Но приди сюда в следующий дождливый сезон и увидишь, что останется!

Они направились к Джунглям; Мать Волчица выскочила из своей засады.

— Следуй за ними, — проговорил Маугли, — и смотри, чтобы все Джунгли знали, что эти двое неприкосновенны! Подай голос и кликни Багиру.

Долгий протяжный вой поднялся и упал.

Маугли видел, как муж Мессуи споткнулся и дернулся, едва ли не собираясь бежать обратно в хижину.

— Идите вперед! — весело крикнул Маугли. — Я сказал вам, что вы услышите пение! Оно будет сопровождать вас до Канхивары. Это пение — Милость Джунглей.

Мессуа уговорила мужа двинуться вперед. Когда тьма поглотила их и Мать Волчицу, Багира выросла чуть не из-под ног Маугли, дрожа от восторга, охватывающего жителей Джунглей по ночам.

— Мне стыдно за твоих Братьев! — проговорила она, мурлыча.

— Но разве они плохо спели для Бульдео, Багира? — спросил Маугли.

— Слишком хорошо! Слишком хорошо! Они заставили даже меня забыть мою гордость! Клянусь Сломанным Замком, освободившим меня, я пела на все Джунгли, как зверь, ухаживающий весной за самкой. Слышал ли ты нас?

— У меня была другая дичь. Спроси Бульдео, понравилась ли ему песня! Но где же Четверо? Я желаю, чтобы никто из Человечьей Стаи не вышел за околицу в эту ночь!

— Зачем же тебе Четверо? — проговорила Багира, переступая ногами, сверкая глазами и мурлыча громче обыкновенного. — Я придержу их, Маленький Брат! Не будет ли бойни в конце концов? Это пение и вид людей, взбирающихся на деревья, вконец взбудоражили меня. Кто такой Человек, чтобы мы заботились о нем — о голом, буром землекопе, безволосом и беззубом, поедающем землю? Я следовала за ним весь день — и в полдень, в ярком солнечном свете. Я гнала его, как волки гоняют оленя. Я — Багира, Багира, Багира! Как я играю со своей тенью, так я играла с этими людьми! — Огромная пантера подпрыгнула, как котенок, взметнувшийся за листком, перекувырнулась, разя направо и налево воздух, свистевший под ее ударами, бесшумно опустилась на землю и опять запрыгала, полумурлыча, полуурча, как пар, kloчущий в котле. — Я — Багира, я — в Джунглях! Теперь ночь, и вся сила моя при мне! Кто удержит мой удар? Человеческий Детеныш, одним ударом моей лапы я могу сплющить твою голову, как лягушку в летний день!

— Ну что же — рази! — проговорил Маугли на языке деревни, не на языке Джунглей; услышав человеческую речь, Багира остановилась, откинулась назад на задних лапах и затрепетала, держа голову на уровне головы Маугли. Маугли продолжал пристально смотреть в зеленые, как берилл, глаза пантеры, как глядел в глаза мятежным волчатам, — и вот в зеленых глазах зажегся красный огонек, похожий на свет маяка, удаленный на двадцать миль; наконец глаза опустились, а с ними и громадная голова, все ниже и ниже, и шершавый красный язык оцарапал ступню Маугли.

— Сестра, сестра, сестра! — прошептал мальчик, легко и нежно поглаживая пантеру по спине и шее. — Успокойся, успокойся; в этом виновата ночь, это не твоя вина!

— Эти ночные запахи! — с раскаянием промолвила Багира. — Этот воздух зовет — громко зовет меня. Но откуда ты это знаешь?

Разумеется, воздух вокруг индийской деревни полон всевозможных запахов и опьяняет животных, которые чуть ли не мыслят обонянием, опьяняет не меньше, чем музыка или вино — человека.

Еще несколько минут Маугли успокаивал пантеру, и она легла перед ним, как котенок, поджав лапы под грудь и полужакрыв глаза.

— Ты словно от Джунглей — и не от Джунглей! — проговорила она наконец. — А я только черная пантера. Но я люблю тебя, Маленький Брат!

— Долго же они ведут разговоры под деревом! — заметил Маугли, пропустив мимо ушей последнюю фразу. — Бульдео рассказал много сказок. Теперь они пожелают сюда, чтобы вытащить женщину с ее мужем из западни и бросить их в Красный Цветок. Они найдут западню пустою. Ха-ха!

— Послушай, — проговорила Багира, — лихорадка в моей крови улеглась. Пусть они застанут в хижине меня! Едва ли кто из них выйдет из дому после того, как увидит меня! Мне не впервой бывать в клетке; не думаю, чтобы они стали вязать меня веревками!

— Будь же осторожна! — засмеялся Маугли; он стал почти так же беспечен, как пантера, которая тем временем скользнула в хижину.

— Па! — запыхтела Багира. — Местечко кишмя кишит Человеком; но здесь точно такая постель, на какой я леживала в королевских клетках в Удейпуре. — И Маугли услышал, как кровать затрещала под тяжестью огромного зверя. — Клянусь Сломанным Замком, освободившим меня, им покажется, что они поймали крупную дичь! Посиди возле меня, Маленький Брат, мы вместе пожелаем им доброй охоты!

— Нет, у меня другое на уме. Человечья Стая не должна знать о моем участии в этом деле. Охоться сама, я не хочу видеть их!

— Пусть так, — промолвила Багира. — Вот они идут!

Заседание под фиговым деревом становилось все более шумным — голоса слышны были на другом конце деревни. Оно разрешилось дикими завываниями, и вся толпа мужчин и женщин пустилась бежать по улице, размахивая бамбуковыми палицами, серпами и ножами. Бульдео и брамин опередили всех, а толпа следовала за ними и вопила:

— Давайте колдуна и ведьму! Посмотрим, не заставят ли их признаться раскаленные монеты! Жгите хижину, мы им покажем, как давать приют оборотням! Нет, побьем их сперва! Факелов, побольше факелов! Бульдео, накали ружейный ствол!

С отпиранием дверей произошла небольшая заминка. Щеколда не поддавалась, но толпа сорвала ее прочь, и свет факелов запрыгал по комнате, где, растянувшись на постели во всю длину, лежала Багира — черная, как могила, и страшная, как демон. С полминуты царило жуткое молчание — и передние ряды толпы разом рванулись, попятились прочь от порога. В эту самую минуту Багира подняла голову и зевнула — зевнула обдуманно, тщательно и вызывающе, как зевала, когда хотела оскорбить равного себе. Пасть медленно раскрылась; красный язык извивался;

нижняя челюсть все больше опускалась, раскрывая знойную глотку; гигантские клыки обнажились до самых десен и сомкнулись со звоном и лязгом, словно захлопнулся сундук со стальным замком. Через минуту улица опустела. Багира выпрыгнула в окно и бросилась к Маугли, а сельчане с воем и криками бурным потоком неслись и кружились в паническом страхе, спеша добраться до своих хижин.

— Они не шевельнутся до рассвета, — спокойно промолвила Багира. — Что дальше?

Казалось, деревню сковало оцепенение послеобеденного сна; но, прислушавшись, Багира и Маугли услышали стук тяжелых ящиков с зерном, которые сельчане тащили по глиняным полам, чтобы приставить к дверям. Багира сказала правду: деревня не шевельнется до утра. Маугли сел и задумался, и лицо его все более омрачалось.

— Что же это я сделала? — проговорила наконец льстиво Багира.

— Ничего, кроме хорошего. Теперь стереги их до света, я посплю! — Маугли кинулся в лес, упал на землю и спал весь следующий день и ночь.

Когда он проснулся, то увидел возле себя Багиру, а у своих ног только что убитого оленя. Багира с любопытством наблюдала, как Маугли работал ножом, освеживая добычу.

Он поел, напился и сел, опершись подбородком на руки.

— Мужчина и женщина благополучно дошли до Канхивары, — доложила Багира. — Твоя Мать передала весточку с коршуном Чилем. Еще до полуночи, в ту же ночь, в которую ты их освободил, они нашли лошадь и быстро доехали. Разве это не хорошо?

— Хорошо! — воскликнул Маугли.

— А твоя Человечья Стая, что осталась в деревне, не шевельнулась, пока утреннее солнце не поднялось высоко. Они съели свою еду и проворно убежали в свои логовища.

— Они тебя видели?

— Весьма возможно. Я каталась в пыли у ворот на рассвете; а может быть, и напевала про себя. Ну, Маленький Брат, теперь нам здесь нечего делать. Пойдем охотиться со мной и с Балу! Он отыскал новые ульи, которые хочет показать тебе. И все мы тоскуем по тебе и хотим, чтобы все было как прежде! Убери, пожалуйста, этот взгляд, от которого даже меня берет оторопь... Мужчину и женщину теперь уже не бросят в Красный Цветок, и в Джунглях все благополучно. Не так ли? Забудем о Человечьей Стае!

— Она будет забыта... очень скоро. Не знаешь ли ты, где пасется Хати сегодня ночью?

— Где ему вздумается. Кто может отвечать за Молчаливого? Но зачем ты спрашиваешь? Разве Хати может сделать что-либо, чего не могли бы сделать мы?

— Передай ему и его трем сыновьям, чтобы пришли сюда ко мне.

— Ну, право же, Маленький Брат... Неприлично обращаться к Хати со словами «ступай-приходи!» Вспомни, ведь он Владыка Джунглей, и до того, как Человечья Стая изменила выражение твоего лица, он учил тебя Главным Словам Джунглей.

— Это все равно. Теперь у меня тоже есть для него Главное Слово. Попроси его прийти к Маугли-Лягушонку, а если он не послушается сразу, прикажи явиться во имя Разорения Полей Бхуртпора.

— Разорения Полей Бхуртпора! — повторила Багира два или три раза для

пущей верности. — Я иду! Хати может самое большое рассердиться, а я готова отдать охоту целого месяца, чтобы услышать Главное Слово, которому бы подчинился Молчаливый!

И она ушла, оставив Маугли, который яростно колот своим ножом землю. Маугли не видел Человеческой крови во всю свою жизнь до того момента, как заметил и — что для него было важнее — почуял носом кровь Мессуи на ремнях, опутывавших ее. Мессуа была с ним ласкова, и, насколько он понимал любовь, он любил Мессуу так же сильно, как ненавидел прочих людей. Но как глубоко он ни ненавидел их, их речь, их жестокость и трусость, он ни за что на свете не решился бы лишить человека жизни и опять почувствовать страшный запах крови! У Маугли родился более простой, но и более радикальный план; и он усмехнулся, вспомнив, что именно одна из баек старого Бульдео, которые тот плел под фиговым деревом по вечерам, навела его на эту мысль.

— Да, это вправду было Главное Слово! — прошептала над его ухом Багира. — Они паслись у реки — и послушались меня, как какие-нибудь воны. Смотри, вон они идут!

Хати и его три сына шли, по своему обыкновению, молча. Речная тина еще не обсохла на их боках, и Хати задумчиво жевал зеленый стебель молодой смоковницы, которую зацепил по дороге бивнями. Но каждая складка его огромного тела говорила Багире, хорошо понимавшей такие дела, что теперь уже не владыка Джунглей идет к Человеческому Детенышу, но тот, кто боится, идет к тому, кто не боится ничего. Три сына Хати, переваливаясь, плелись вслед за своим отцом.

Маугли едва приподнял голову, когда Хати приветствовал его кличем: «Доброй охоты!» Слону долго пришлось стоять, покачиваться и переминаться с ноги на ногу, пока Маугли заговорил. И когда он раскрыл рот, то обратился к Багире, а не к слонам.

— Я расскажу сказку, что слышал от охотника, за которым вы нынче охотились, — промолвил Маугли. — Она касается старого и умного слона, который попал в ловушку; острый кол, врытый в яму, прорезал его, начиная от пятки до самого верха плеча, оставив белый шрам!

Маугли вытянул руку, и когда Хати повернулся, луна осветила длинный белый рубец на его сером боку, словно выжженный раскаленным докрасна бичом.

— Люди пришли, чтобы вытащить его из западни, — продолжал Маугли, — но слон был силен. Он порвал канаты и убежал залечивать рану. А потом он вернулся — полный ярости, ночью, к полям этих охотников. Помнится, у него было три сына. Все это произошло много-много дождей тому назад и очень далеко отсюда — среди полей Бхуртпора. Что случилось с этими полями к следующей жатве, Хати?

— Жатву снял я и мои три сына, — промолвил Хати.

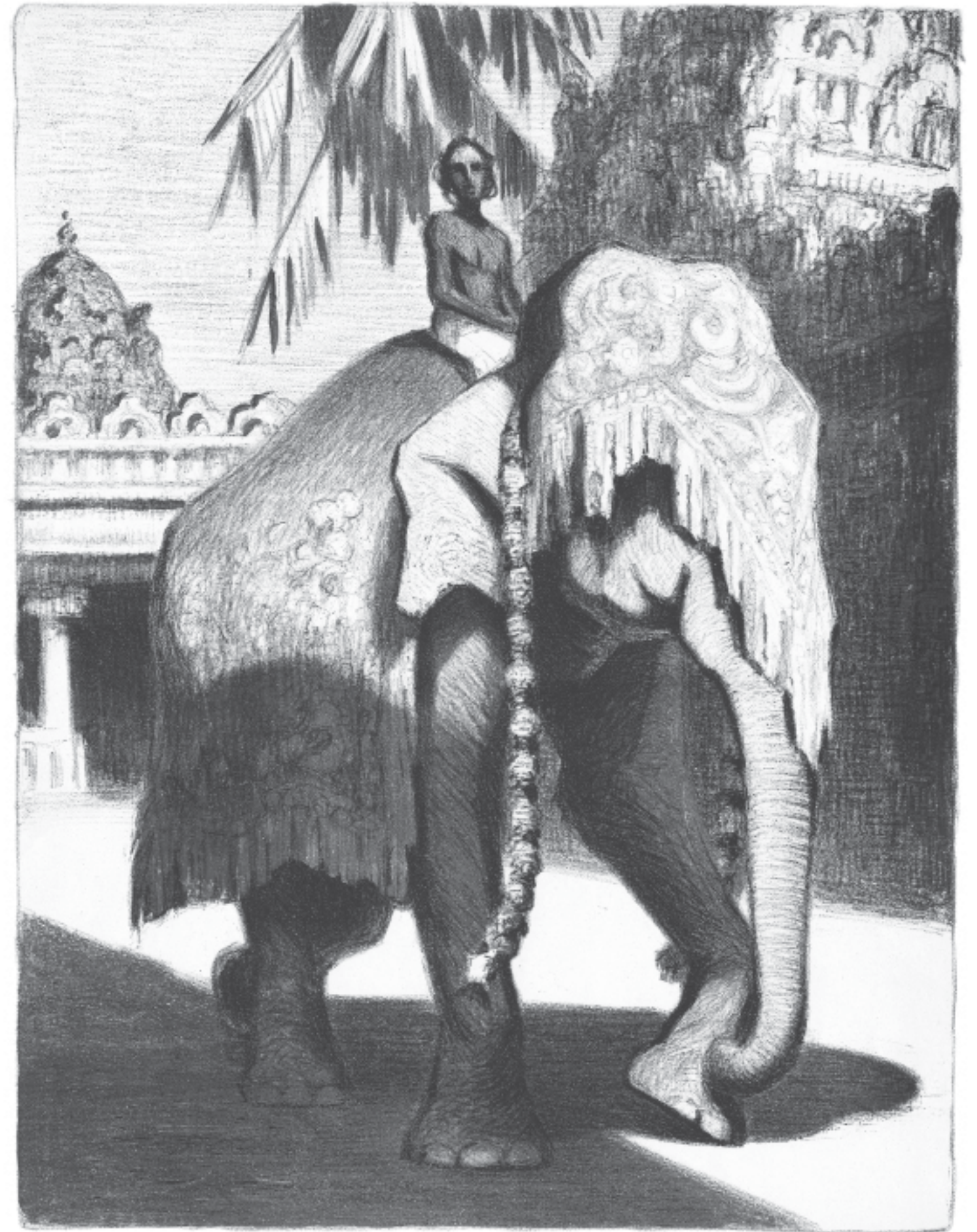
— А кто же пахал после жатвы? — сказал Маугли.

— Никто не пахал, — ответил Хати.

— А что случилось с людьми, которые питались зелеными злаками? — спросил Маугли.

— Они ушли.

— А с хижинами, в которых люди спали? — продолжал Маугли.

— Мы разнесли кровли в клочья, а Джунгли засосали стены, — промолвил Хати.

— А еще что было? — допрашивал Маугли.

— Джунгли заняли столько места, сколько я могу пройти в две ночи с востока на запад и в три ночи с севера на юг. Мы напустили Джунгли на пять деревень; теперь в этих деревнях, на этих землях, нивах и пастбищах нет ни одного человека, который кормился бы от плодов земли. Вот какой разгром Бхуртпорских полей учинил я с моими тремя сыновьями; но скажи мне, Человеческий Детеныш, как ты об этом узнал? — спросил Хати в свою очередь.

— Мне сказал об этом человек; и теперь я вижу, что даже Бульдео порой говорит правду. Это было хорошо сделано, о Хати с белым шрамом! Но во второй раз это будет сделано лучше — по той причине, что вами будет руководить Человек. Ты ведь знаешь деревню Человечьей Стаи, изгнавшей меня? Это ленивые, безмозглые, жестокие люди; они вечно играют своими ртами и убивают слабейших — не для еды, но потехи ради! Наевшись досыта, они начинают бросать людей своей же породы в Красный Цветок. Я достаточно насмотрелся на них. Негоже им жить здесь, я их ненавижу!

— Ну что ж, убей их! — вымолвил младший из сыновей Хати. Подхватив пучок травы, он похлопал им о передние ноги и бросил прочь, а красные глазки его воровато забегали по сторонам.

— На что мне белые кости? — в бешенстве воскликнул Маугли. — Разве я волчий щенок, чтобы играть на солнце окровавленной головой? Я убил Шер-Хана, и шкура его гниет на Скале Совета, но... но я не знаю, куда девался Шер-Хан, и на душе у меня пусто! Я теперь возьмусь за то, что могу увидеть и осязать. Поведи Джунгли на эту деревню, о Хати!

Багира содрогнулась и опустилась на землю. Она могла бы, коли на то пошло, быстро промчаться по деревенской улице, разя толпу направо и налево, или убить человека за плугом в сумерках; но эта затея — сознательно стереть с лица земли целую деревню — устрасила даже ее. Теперь она поняла, для чего Маугли посылал за Хати. Только старый и опытный слон мог задумать и провести такую войну!

— Пусть они убегут, как бежали люди с полей Бхуртпора, пока в бороздах не застоится дождевая вода, и шум их веретен не сменится шумом дождя, бьющего в толстые листья, пока Багира и я не обречем себе логовища в доме брамина и олени не устроят водопоя у пруда за храмом. Напусти Джунгли, о Хати!

— Но... но ведь мы не ссорились с ними. Только в припадке бешеной злобы, от невыносимой боли мы способны ворваться в места, где спят люди! — с сомнением говорил Хати, покачиваясь.

— Разве вы одни питаетесь травой в Джунглях? Гони своих родичей. Пусть этим делом займутся олени, вепри и антилопы! Вы и носу не кажите, пока поля не оголятся. Натрави Джунгли, Хати!

— А убийства не будет? Мои клыки были красны от крови при разгроме Бхуртпорских полей, и я не хотел бы еще раз услышать этот запах...

— И я этого не хочу. Я не хочу, чтобы их кости лежали на нашей чистой земле! Пусть они ищут себе нового логовища. Они не должны оставаться здесь! Я видел и обонял кровь женщины, кормившей меня, — женщины,

которую они хотели умертвить из-за меня! Только запах свежей травы у их порогов сможет заглушить для меня этот запах. Он жжет мне рот! Напусти Джунгли, Хати!

— О! — промолвил Хати. — Так жег мою кожу рубец от кольев, когда мы смотрели, как их деревни проваливаются в весеннюю заросль! Теперь я понимаю. Твоя война — наша война! Мы нашьем Джунгли!

Маугли не успел перевести дух — он трясся всем телом от гнева и ярости, — как место, где стояли слоны, уже опустело. Багира с ужасом смотрела на него.

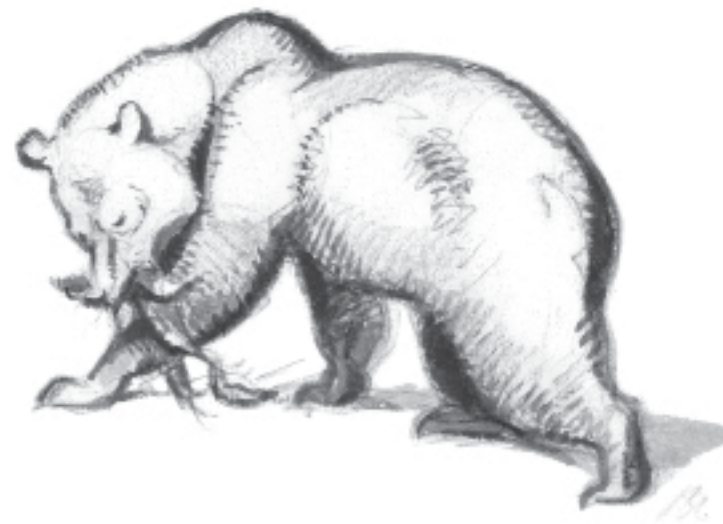
— Клянусь Сломанным Замком, освободившим меня! — промолвила наконец черная пантера. — Неужели это то самое голое существо, за которое я заступилась в Стае в дни, когда все было молодо? Владыка Джунглей, в час, когда уйдет моя сила, замолви за меня словечко! Замолви за Балу, за всех нас — мы все щенки перед тобой! Мы как сухие ветки под ногой! Мы — оленята, отбившиеся от своей матери-лани!

Сравнение Багиры с заблудившимся олененком так поразило Маугли, что он захохотал, поперхнулся, всхлипнул, опять засмеялся и наконец бросился в пруд, чтобы успокоиться. Долго он плавал и нырял при свете луны, как лягушка, тезка его.

А Хати и трое его сыновей уже развернулись на все четыре стороны света и бесшумно шли по долинам. Два дня подряд на протяжении добрых шестидесяти миль они безостановочно шли по Джунглям; каждый их шаг, каждое движение хоботов тотчас же отмечались и давали тему для разговоров Мангу и Чилию, Обезьяньему Племени и всем птицам. Затем они начали пастись и спокойно паслись с целую неделю. Хати и его сыновья похожи на Каа, Каменного Питона, — они не торопятся без нужды.

К концу недели кто-то — неизвестно кто — пустил по Джунглям слух, что в такой-то и такой-то долине корм и вода отменно хороши. Свиньи, готовые, как известно, отправиться хоть на край света за хорошим обедом, первые двинулись отрядами, толкаясь и ссорясь. За ними пошли олени и маленькие лисы, питающиеся падалью и умирающими животными; с оленями двинулись плотные, коренастые антилопы-нильгау, а за ними потянулись с болот дикие буйволы.

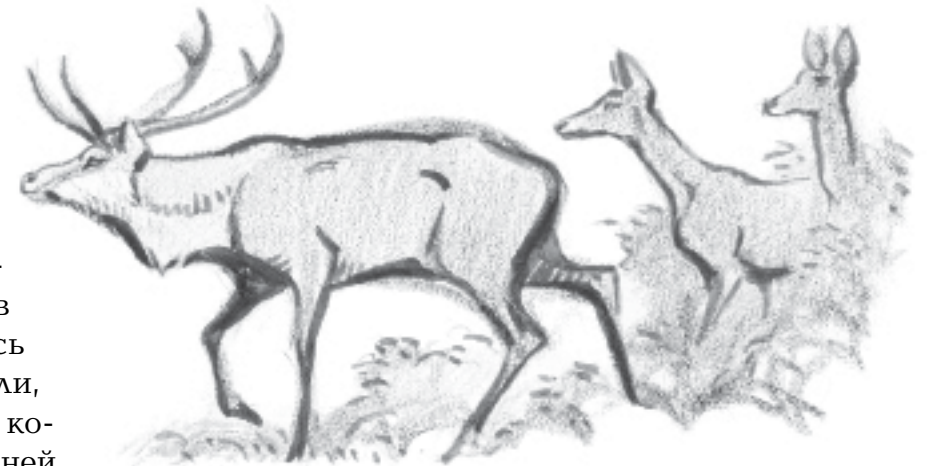
Малейшего пустяка достаточно было, чтобы испугать беспорядочно разбившиеся стада, которые паслись, резвились, пили воду и опять паслись; но едва начиналась тревога, кто-нибудь внезапно появлялся и успокаивал животных. То дикобраз Саги с полным ворохом вестей насчет «хороших пастбищ совсем недалеко отсюда»; то Манг, нетопырь, с веселым криком спускавшийся на лужайку в знак того, что она никем не занята; или Балу, набрав полный рот кореньев, пробирался мимо дрогнувших рядов и то пугал их, то грубыми шутками возвращал на правильный путь. Очень многие животные пугались, убегали и возвращались к привычным местам обитания; но большинство продолжали двигаться вперед.

К концу третьей недели олени, кабаны и нильгау паслись по кругу радиусом в восемь или десять миль, а плотоядные звери бродили по краям его. В центре этого круга находилась деревня, а вокруг деревни зрели хлеба. В хлебах же сидели люди на так называемых «мачанах» — помостах вроде голубятен, сплетенных из хвороста и укрепленных на четырех столбах; туземцы сооружают их для отпугивания птиц и других похитителей хлеба. Теперь оленей уже не приходилось уговаривать: хищники напирали на них и заставляли двигаться вперед, то есть внутрь круга.

В темную ночь Хати и его трое сыновей выбрались из Джунглей, подломили хоботом столбы мачанов, и те упали, как переломленная ветка цветущей омелы. Люди, упавшие вместе с мачанами, услышали над собою глухой громopodobный храп слонов. Авангард смятенной армии оленей метнулся вперед, наводнив деревенские пастбища и распаханые поля; за ними пошли

свиньи с острыми копытцами, и чего не успели истоптать олени, то испортили свиньи. Время от времени волки устраивали тревогу среди стад, и те начинали метаться во все стороны, топча молодой ячмень и разрушая края оросительных каналов. До рассвета в одном месте круга образовалась брешь. Хищные звери отступили, открыв свободный путь на юг, по которому и устремились стада оленей. Олени же посмелее залегли в чаще, чтобы закончить свое пиршество ночью.

Но дело уже было сделано. Утром, выйдя на поля, сельчане убедились, что урожай погиб. Стало быть, им грозит смерть, если они тотчас же не уйдут в другое место; из года в год привыкли они жить в таком же близком соседстве с голодной смертью, как и с Джунглями. Когда буйволов погнали на пастбища, голодные животные нашли лишь вытоптанные оленями пастбища. Буйволы побрели в Джунгли и смешались со своими дикими родичами; а в сумерках три или четыре лошади, принадлежавшие деревне, были найдены в стойлах с прокушенными черепами. Только Багира могла это сделать; только Багира могла дерзко вытащить последнюю тушу на самую середину улицы!

Крестьяне не решились разводить огонь на полях в эту ночь, и Хати со своими тремя сыновьями отправился заканчивать дело разрушения; а где жатву собирает Хати, там опасно показываться! Сельчане решили питаться запасами зерна до дождей, а там наняться в услужение до будущего года; но пока торговец зерном тешил себя мыслью о своих полных закромах и о ценах, которые он будет брать за хлеб, острые бивни Хати срезали угол мазанки и разнесли вдребезги огромный, плетенный из лозы, обмазанный коровьим пометом закром, где хранилось драгоценное зерно.

Когда обнаружилась эта последняя беда, на сцену выступил жрец. Он тщетно молился своим богам. «Надо полагать, — говорил он, — деревня, сама того не зная, оскорбила какое-нибудь божество Джунглей, ибо нет никакого сомнения, что Джунгли восстали на человека». Послали за старейшиной одного из соседних племен бродячих гондов, исконных хозяев

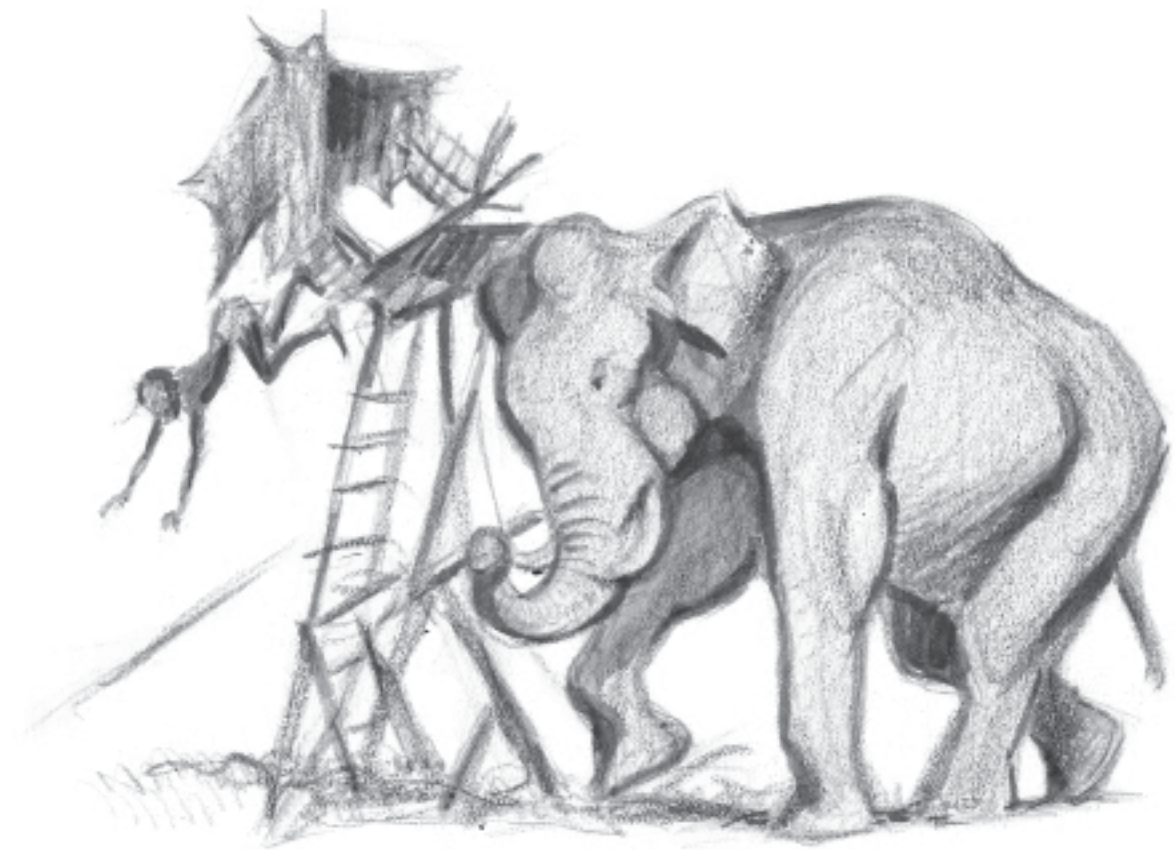

этой земли — маленьких, умных и черных как уголь охотников, живущих в чаще Джунглей и принадлежащих к древнейшей в Индии расе. Посланцы приветствовали гонда чем могли; гонда стал на одну ногу, взял в руку лук, а две или три отравленных стрелы воткнул в свой хохол и бросил не то испуганный, не то презрительный взгляд на смятенных туземцев и на их разоренные поля. Они хотят знать, не разгневались ли на них его боги, древние боги, и какая жертва может их умиловать? Гонда ничего не ответил, но поднял с земли «карелу» — лозу, приносящую горькую тыкву, — и оплел ею храмовую дверь перед глазастым красным индийским идолом. Затем он вытянул свою руку по направлению к дороге на Канхивару и отправился в свои Джунгли, откуда наблюдал движение жителей. Он знал, что когда Джунгли тронутся, то разве лишь белые люди могут надеяться заставить их свернуть в сторону.

Спрашивать было не о чем. Дикой тыквой зарастет место, где сельчане поклоняются своему богу, и чем скорее они уберутся, тем лучше!

Но не так-то легко снять деревню с насиженного места. Люди оставались в ней, пока хватало летних кормов, потом пробовали собирать орехи в Джунглях; но всюду их стерегли тени с горящими глазами. Тени вырастали перед ними даже в полдень, и когда люди в испуге убегали за свои стены, то на стволах деревьев, мимо которых они прошли, уже через пять минут кора оказывалась срезанной и содранной ударом могучей когтистой лапы. Чем дольше люди сидели в своей деревне, тем смелее становились дикие твари, с ревом носившиеся по пастбищам у Вайнгунги. У сельчан не хватало

смелости чинить и замазывать задние стены опустелых хлевов, выходившие на Джунгли; дикие кабаны притапывали обломки, лианы с узловатыми корнями тянулись следом и обнимали своими цепкими щупальцами завоеванную землю, а после лиан выростала жесткая сорная трава. Первыми убежали холостяки и далеко разнесли весть об обреченной деревне. «Кто может противостоять Джунглям или богам Джунглей, когда даже деревенская Кобра оставила свою нору на площадке под пипулом?»

Деревня постепенно утрачивала всякую связь с внешним миром, по мере того как торные тропы зарастали и становились все уже. Хати и его сыновья перестали пугать людей по ночам трубными звуками; им уже не было надобности ходить сюда. Колосья на полях и зерно в земле погибли безвозвратно. Окружавшие деревню земли все меньше походили на возделанные поля, и настало время отдаться на милость англичан в Канхиваре.

По свойственной туземцам беспечности они откладывали свой уход со дня на день, пока не полили первые дожди. Нечиненные крыши пропускали потоки воды, на пастбищах вода стояла по щиколотку, и после летнего зноя зелень буйно, с шуршанием выбивалась из-под земли. Только тогда все они — мужчины, женщины и дети — вышли утром под проливным дождем и у ворот обернулись бросить последний, прощальный взгляд на свои дома.

И когда последняя нагруженная своим скарбом семья вышла за околицу, за стенами послышался треск падающих балок и камышовых крыш. На мгновение мелькнул черный змеистый блестящий хобот, потрясавший пучком гнилого камыша. Он исчез, послышался новый треск, сопровождаемый визгом. Хати срывал с домов крыши, как человек срывает водяные лилии, и отскочившая балка убила его. Только этого и не хватало, чтобы развернуть всю его силу, — дикий слон в ярости больше всех других животных склонен к разрушению. Он лягнул ногами глинобитную стену, тут

же искрошившуюся в пыль и превратившуюся в желтую грязь под потоками дождя. Он вертелся и трубил, носился по узким улицам, напирал на хижины справа и слева, потрясая обветшавшие двери и круша карнизы; следом за ним бежали и неистовствовали трое его сыновей, как они неистовствовали, громя Бхуртпорские поля.

— Джунгли засосут эти скорлупки, — раздался спокойный голос в грохоте разрушения. — Нужно повалить наружные стены.

И Маугли, по голым плечам и рукам которого бежала вода, соскочил со стены, шатавшейся, как усталый буйвол.

— Всеу свое время! — задыхаясь, промолвил Хати. — Но в Бхуртпоре мои клыки купались в крови. К наружной стене, дети! Головой, разом — ну?

Слоны разом ударили. Наружная стена выпятилась, треснула и повалилась, и сельчане, окаменев от ужаса, увидели в зияющей трещине рассви-репевшие, выпачканные в глине головы разрушителей. Лишившись крова и пропитания, пустились они бежать по долине, а их деревня в реве и грохоте таяла позади.

Спустя месяц на ее месте возвышался изрытый ямами холм, покрытый нежной зеленой молодой травой; а к концу дождей Джунгли буйно шумели на том месте, где всего полгода назад ходил плуг...

Угроза. Песнь Маугли сельчанам

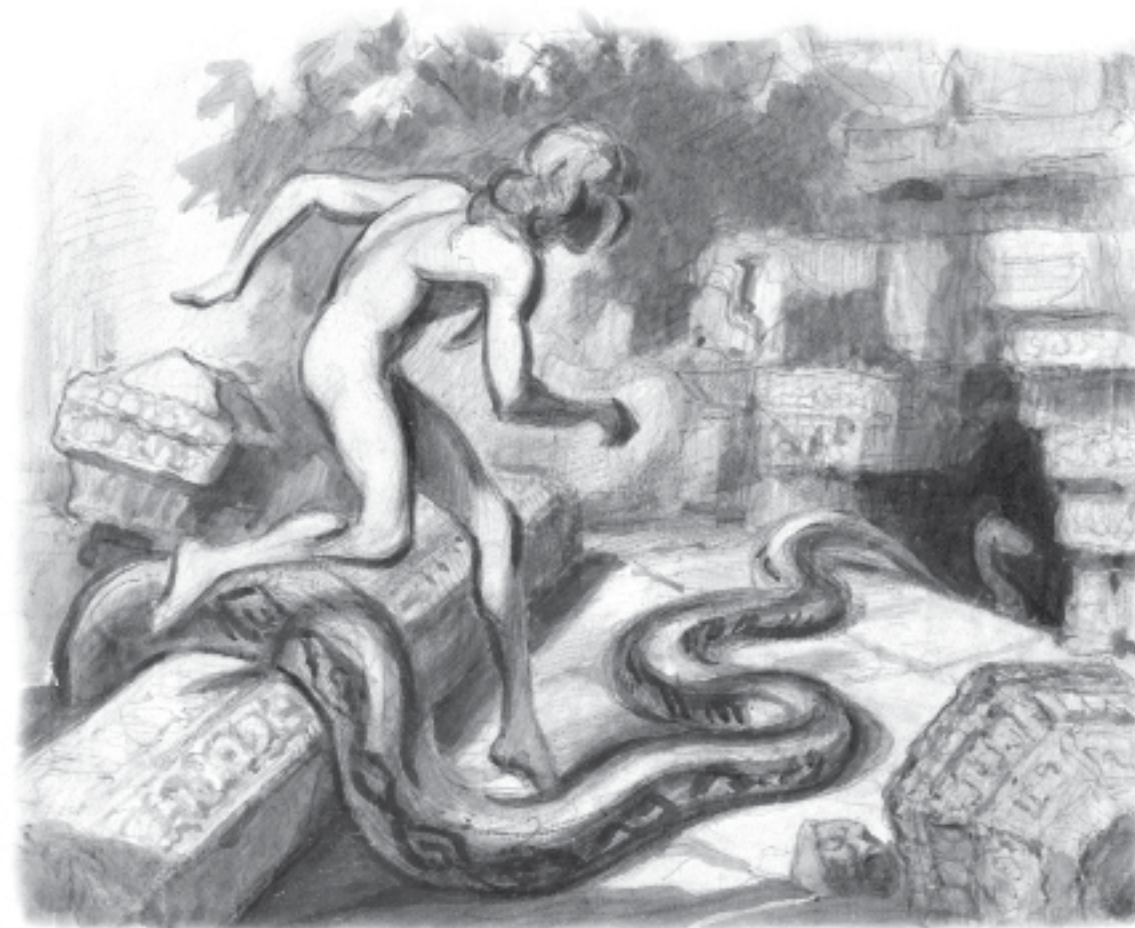
Напущу я на вас неотвязные лозы,
И род нечестивый ваш Джунгли сметут.
Кровля обрушится,
Балки падут
И карелою, горькой карелой
Дворы зарастут!

У ваших околиц зверье будет петь,
У притолок хижин — вампиры висеть.
Змея сядет стражем
У ваших ворот
И горше полыни карела
Свой вырастит плод!

Бойцов вам не видеть: незримы, как дух,
Они поразят ваш испуганный слух.
И волк будет лютый
У вас в пастухах,
И горькое семя карелы —
Лежать в бороздах!

И вырву я жатву у вас из-под рук,
И плевел вам выращу, горький как лук.
Олень будет пахарь
Несеяных нив,
И горек вам будет карелы
Зеленый налив!

Я цепкие лозы на вас натравил,
Незримые Джунгли в селенье пустил.
Деревья восстанут
И кровли падут.
И горькие стебли карелы
Пустырь оплетут!

Королевский анк

Четверо было на свете и есть ненасытных от века:

Пасть Шакала, Коршуна зоб, лапа Мартышки и глаз Человека.

Поговорка Джунглей

Каа, огромный Каменный Питон, менял кожу, пожалуй, уже в двухсотый раз за свою жизнь. Маугли, никогда не забывавший, что он обязан Каа спасением своей жизни во время ночного похода в Холодные Пещеры, о котором вы, вероятно, помните, отправился поздравлять его. Во время линьки змеи бывают угрюмы и не в духе, пока новая кожа не заиграет всеми красками. Каа уже не подтрунивал над Маугли, а обращался с ним, подобно всем лесным жителям, как с Владыкой Джунглей и рассказывал ему все новости, какими только мог располагать питон его размеров. А все то, чего Каа не знал о Средних, как их называли, Джунглях — о жизни тварей, ютящихся на земле или под землей, под камнями, в коре и пнях, — легко было бы записать на самой крохотной его чешуйке.

В этот вечер Маугли сидел возле Каа, ощупывая пятнистую рваную старую кожу, лежавшую в узлах и в завитушках совершенно так, как Каа оставил ее. Каа осторожно обвил своими кольцами широкие нагие плечи Маугли, и мальчик покоился как бы в живом кресле.

— Цела, вплоть до глазных чешуек! — проговорил вполголоса Маугли, играя старой кожей. — Не странно ли видеть покров своей головы у собственных ног?

— Да у меня ведь нет ног, — сказал Каа, — и раз это обычай всего моего племени, мне это не кажется странным. Разве тебе не противна старая жесткая кожа на теле?

— Когда у меня появляется такое ощущение, я отправляюсь купаться, Плоскоголовый! Но, правда, в очень сильную жару я жалею, что не могу без боли снять кожу и побегать без нее.

— А я и купаюсь, и кожу снимаю! Ну, как тебе нравится мой новый наряд?

Маугли пробежал рукою по ромбическим клеткам огромной спины Каа.

— У черепахи покров тверже, но не такой нарядный, — проговорил он. — Лягушка, моя тетка, нарядней, но покров ее мягок. Твой же покров одно загляденье — он похож на пеструю чашечку лилии!

— Его надо омыть. Новая кожа не блестит всеми красками до первого купания. Пойдем купаться!

— Я понесу тебя, — проговорил Маугли и со смехом начал поднимать среднюю часть тела Каа в самом толстом месте его брюха. С таким же успехом он мог бы пытаться поднять полуметровую водопроводную магистральную трубу. Каа неподвижно лежал на том же месте, слегка пыхтя от удовольствия. Потом начались их обычные вечерние игры: мальчик в цвете своих огромных сил и питон в блестящей новой коже выпрямились друг перед другом, чтобы побороться, взаимно испытать зоркость глаза и силу мускулов. Разумеется, Каа, захоти он только, мог раздавить дюжину таких Маугли; но он играл осторожно, не пуская в ход и десятой доли своей силы. Как только Маугли окреп настолько, что мог выдержать легкую трепку, Каа стал учить его этой игре, и она очень укрепила мышцы мальчика. Иногда Каа обвивал Маугли своими кольцами чуть не до самой шеи, а тот пытался высвободить руку и схватить змею за горло. Каа чуть-чуть поддавался, и мальчик обеими ногами пробовал стиснуть кончик змеиного хвоста, нащупывавший камень или пень. Стоя друг против друга, голова к голове, они вертелись, выжидая удобного момента, и прекрасная, как изваяние, группа превращалась в какой-то вихрь черно-желтых колец и смуглых рук и ног, то замиравший, то снова вскидывавшийся.

— Ну, ну, ну! — говорил Каа, нанося проворные удары головой, так что Маугли едва успевал повернуть руку. — Смотри, вот я трогаю тебя здесь, Маленький Брат, и здесь, и вот опять... Да что ж у тебя, руки онемели? Вот опять!

Игра неизменно завершалась прямым, мощным ударом змеиной головы, опрокидывавшим мальчика. Маугли никак не удавалось подстеречь этого молниеносного удара, а Каа уверял, что не стоит и пытаться.

— Доброй Охоты! — издал наконец клич Каа. Маугли, задыхаясь от смеха, отлетел, по обыкновению, далеко в сторону. Вскочив на ноги, Маугли последовал за Каа к любимой купальне мудрого змея — глубокому, черному как смола пруду, окруженному скалами и усеянному потемневшими древесными стволами. Бесшумно, как все обитатели Джунглей, Маугли бросился в воду и нырнул, так же беззвучно вынырнул и лег на спину; подложив руки под голову, он наблюдал, как луна поднимается над скалами, и разбивал ее отражение в воде пальцами ног. Ромбовидная голова Каа, разрезав воду, как бритва, легла на плечо Маугли. Оба они затихли, с наслаждением нежась в холодной воде.

— Ах, как хорошо! — сонно проговорил наконец Маугли. — Я помню, что в Человечьей Стае они в этот час ложились на твердые куски дерева внутри какой-то глиняной ловушки и, закрыв все отверстия, натягивали на голову грязные ткани и выпускали гнусные песни своими носами. Куда лучше в Джунглях!

Кобра торопливо скользнула по камню, напилась, пожелала им Доброй Охоты и уползла прочь.

— Ш-ш! — промолвил Каа, словно внезапно вспомнил что-то. — Значит, Джунгли дают тебе все, чего ты ни пожелаешь, Маленький Брат?

— Не все, — со смехом ответил Маугли, — иначе каждый месяц я мог бы убивать по новому могучему Шер-Хану! Теперь я сумел бы убить его собственными руками, без помощи буйволов. Кроме того, мне хотелось бы, чтобы солнце сияло в разгар дождей, а дожди заслоняли солнце в летний зной; затем, когда я бываю голоден, у меня появляется желание убить козу; но не успею я убить козу, как мне делается жалко, что это не олень, убью оленя — жалею, почему не антилопа-нильгау. Но ведь это со всеми нами бывает!..

— А других желаний у тебя нет? — настаивал змей.

— Чего же мне еще желать? Со мной Джунгли и милость Джунглей! Неужели есть еще что-нибудь заманчивое между Восходом и Закатом солнца?

— Кобра как-то говорила... — начал Каа.

— Какая Кобра? Та, что сейчас уползла, и слова не промолвила! Она охотилась.

— То была другая Кобра.

— Зачем ты имеешь дело с Ядовитым Племенем? Я предоставляю им идти своей дорогой. В передних зубах своих они носят Смерть, и это нехорошо — ведь они так малорослы. Но с кем же это из Клобуков ты разговаривал?

Каа медленно перевалился в воде с боку на бок, как пароход в бурном море.

— Три или четыре луны тому назад, — промолвил Каа, — я охотился в Холодных Пещерах. Ты не забыл этого места? Тварь, за которой я охотился, с криком побежала мимо прудов в дом, который я однажды разворотил ради тебя, и скрылась под землей.

— Но ведь Племя Холодных Пещер не живет в норах? — Маугли понял, что Каа имеет в виду Обезьянье Племя.

— Эта тварь там не жила, но пыталась спастись от смерти, — ответил Каа, пошевелив языком. — Она убежала в нору, которая тянулась далеко. Я последовал за ней и, убив, заснул. Проснувшись, я двинулся дальше.

— Под землей?

— Вот именно. В конце концов я наткнулся на Белый Клобук — Белую Кобру, которая рассказала мне непонятные вещи и показала много предметов, каких я в жизни не видывал.

— Новая дичь? Что же, добрая была охота? — и Маугли быстро повернулся.

— Это была не дичь, и я обломал бы об нее все свои зубы; но Белая Кобра сказала мне, что Человек — а она говорила с полным знанием этого Племени — отдал бы жизнь свою, чтобы только поглядеть на эти вещи.

— Посмотрим! — проговорил Маугли. — Помнится мне, что и я был Человеком.

— Полегче, полегче! Поспешность убила Желтого Змея, поевшего солнца! Мы с ней беседовали под землей, и я говорил о тебе, назвав тебя Человеком. И сказала мне Белая Кобра (она стара, как сами Джунгли): «Давно уж я не видела Человека. Пусть он придет — и он увидит все эти вещи, за последнюю из которых готовы умереть толпы людей!»

— Наверное, это новая дичь. И Ядовитое Племя не рассказывает нам никогда, где есть эта дичь? Негостеприимный же они народ.

— Это не дичь, это... это... Я не могу объяснить, что это такое!

— Пойдем туда! Я не видал Белых Клобуков и хотел бы взглянуть на прочие вещи. Что, они убили их?

— Они все неживые. Она называет себя стражем этих вещей.

— Ага, как волк, рычащий над мясом, которое он унес в свое логово! Пойдем!

Маугли подплыл к берегу, покатался в траве, чтобы обсохнуть, и приятели отправились к Холодным Пещерам, к брошенному городу, о котором вы уже читали. Теперь Маугли уже не боялся Обезьяньего Племени, зато Обезьяний Народ трепетал при одном имени Маугли. Впрочем, обезьяны рассеялись по всем Джунглям, и в Холодных Пещерах было пустынно и тихо в эту ночь. Каа добрался до развалин царского павильона, скользнул вниз по мусору и по обвалившейся лестнице, ведущей под землю из центра павильона.

Маугли издал змеинный клич: «Мы одной крови, вы и я!» — и последовал за змеем на четвереньках. Они долго ползли по отлогому спуску, который извивался и поворачивал не раз, пока не добрались до места, где корень огромного дерева расколол крепкий камень стены. Они пролезли в брешь

и очутились в большом подземелье — куполообразная крыша его также была вся покрыта трещинами от проросших древесных корней, — слабо освещенном полосками света, падавшего сверху.

— Славная пещера, — промолвил Маугли, поднимаясь на ноги, — но немного далеко для ежедневных посещений! Но что же я ничего не вижу?

— Разве я — ничего? — раздался голос в центре подземелья. Маугли увидел белый предмет, который зашевелился, и перед ним встала огромнейшая Кобра, каких он и не видывал в жизни, — змея почти в два с половиной метра длиной, побелевшая от постоянного пребывания в темноте. Кожа ее приобрела цвет старой слоновой кости, и даже очковые знаки на раскинутом клобуке змеи стали бледно-желтыми. Глаза змеи рдели как рубины.

— Доброй Охоты! — вежливо промолвил Маугли, никогда не оставлявший свои манеры, как свой нож, а с ним он никогда не расставался.

— Что слышно в городе? — спросила Белая Кобра, не ответив на приветствие. — Что случилось с большим укрепленным городом — городом ста слонов, двадцати тысяч лошадей и несчетного множества скота, с городом Царя Двадцати Царей? Я здесь глохну — давно уж я не слыхала военных барабанов!

— Над нашей головой Джунгли, и из слонов я знаю только Хати и его трех сыновей. Багира перебила всех лошадей в деревне... А что такое «царь»?

— Ведь я рассказывал тебе, — вполголоса обратился Каа к Кobre, — я рассказывал тебе четыре луны тому назад, что города твоего не существует.

— Город, огромный город в лесу, ворота которого охраняются царскими башнями, никогда не может исчезнуть! Его построили еще до того, как отец моего отца вылупился из яйца, и он будет существовать, когда сыны моих

сынов побелеют так же, как я. Саладхи, сын Чандрабинджи, сына Виеджи, сына Иегассури, построил его в дни Баппа-Равал. А вы — чей скот?

— Потерянный след! Я не понимаю ее речи, — промолвил Маугли, обращаясь к Каа.

— Да, и я не понимаю. Она очень стара! Прародительница Кобр, здесь только Джунгли, какие существовали извечно!

— Но кто же он, — промолвила Белая Кобра, — что сидит передо мною — бесстрашный, не знающий имени царя и ведущий речь устами человека? Кто он, с ножом и змеиной речью?

— Меня зовут Маугли, — был ответ, — я из Джунглей. Волки — мой народ, а Каа — мой брат. Прародительница Кобр, кто ты?

— Я — страж царской сокровищницы. Куррун-раджа построил этот свод надо мною в те дни, когда кожа моя была темная, чтобы я предавала смерти всех, приходящих сюда воровать. Они опустили сюда сокровища, и я слышала песни браминов, владык моих.

«Гм!.. — проговорил про себя Маугли. — Я уже имел дело с одним брамином в Человечьей Стае и кое-что знаю об этом... обязательно стрясется какая-нибудь беда!»

— За время моей стражи камень пять раз поднимали, но только для того, чтобы бросить еще сокровищ — ни разу для того, чтобы взять. На свете нет других подобных богатств — здесь сокровища сотни царей! Но в последний раз камень приподнимали давно, очень давно, и я думаю, что город мой забыл меня.

— Города нет! Взгляни, вон корни огромных деревьев, раздирающих камни. Люди и деревья не растут вместе! — настаивал Каа.

— Дважды и трижды люди пробирались сюда, — гневно ответила Кобра, — но они не произносили ни слова, пока я их не нащупывала во мраке, и тогда они лишь испускали недолгие крики. А вы, Змей и Человек, являетесь сюда с ложью на устах и хотите уверить меня, что моего города не существует и страже моей пришел конец! Люди мало меняются с годами, а я не меняюсь никогда! Пока не поднимут камня и не придут брамины с песнями, столь хорошо мне знакомыми, и не напоят меня теплым молоком, и не вынесут меня на свет, я — я и никто другой! — буду стражем царских сокровищ! Город погиб, говорите вы? В таком случае нагнитесь, возьмите, что вам понравится! Земля не знает сокровищ, подобных этим. Человек со змеиным языком, если ты сумеешь уйти живым тем путем, каким пришел сюда, цари будут служить тебе!

— Опять потерял след! — хладнокровно заметил Маугли. — Неужели сюда мог забраться шакал и искушать великую Белую Кобру? Она, наверное, помешалась! Мать Кобр, я не вижу здесь ничего, что можно было бы взять!

— Клянусь богами Солнца и Луны, мальчик болен смертельным безумием, — прошептала Кобра. — Прежде чем глаза твои закроются, я окажу тебе эту милость. Смотри же и узри то, чего не видел ни один человек!

— Плохо бывает в Джунглях тому, кто дерзает «оказывать милость» Маугли, — процедил сквозь зубы мальчик. — Впрочем, темнота сбивает с толку, как видно. Если тебе угодно — я погляжу!

Прищурив глаза, Маугли оглядел подвал и наконец поднял с полу горсть каких-то вещиц, ярко блеснувших.

— Ого! — проговорил он. — Это вроде той ерунды, которой играют в Человечьей Стае; только эта желтая, а та была бурая!

Он бросил золотые монеты и пошел дальше. Пол подземелья на пять или шесть футов высоты был покрыт золотыми и серебряными монетами, высыпавшимися из мешков, в которых они первоначально хранились; за долгий ряд лет металл осел и уплотнился, как песок во время отлива. Среди всего этого, как обломки крушения в песке, торчали слоновые седла-беседки чеканного серебра, обитые пластинками листового золота и украшенные карбункулами и бирюзой. Тут были и паланкины для царских жен, отделанные серебром и эмалью, с поручнями из нефрита и янтарными кольцами для занавесей; золотые подсвечники, увешанные изумрудами, которые покачивались и звенели; полутораметровые статуи забытых богов из серебра, с драгоценными камнями вместо глаз; стальные кольчуги с золотой насечкой, обрамленные почерневшим мелким жемчугом; шлемы, украшенные бисером и увенчанные рубинами цвета голубиной крови; ножны для мечей с алмазными рукоятками, кинжалы и охотничьи ножи; золотые жертвенные чаши, ковши, переносные алтари такой формы, какой давно нигде на свете не встретишь; нефритовые чаши и браслеты; кадила, гребни, кувшины для духов, хны и сурьмы — все чеканного золота; кольца для носа, головные повязки, перстни и пояса без счета; кушаки шириною в семь пальцев с квадратными алмазами и рубинами; деревянные сундуки тройной железной оковки: дерево их распалось прахом, обнажив груды неограниченных сапфиров, опалов, топазов, рубинов, алмазов, изумрудов и гранатов.

Белая Кобра была права! Никакие деньги не оплатили бы стоимости этих сокровищ, накопившихся за многие века войны, грабежа, торговли и поборов. Одним монетам не было цены, не говоря обо всех драгоценных камнях; одного золота и серебра здесь было сложено на добрых двести-триста тонн веса. Самый бедный туземный князек в Индии имеет сокровищницу, которую непрерывно обогащает; изредка владыка из «просвещенных» отправляет сорок-пятьдесят телег с серебром для обмена на правительственные ценные бумаги; но большинство все же хранят при себе свои сокровища и никому о них не рассказывают.

Маугли, разумеется, не понимал значения этих вещей. Ножи заинтересовали его в первую минуту, но они показались ему хуже его собственного, и он побросал их. Наконец он нашел любопытный предмет; он лежал перед слоновьим седлом-беседкой, до половины тонувшим в монетах: полуметровый «анк» — специально заточенная палка, которой погоняли слонов, похожая на небольшой лодочный багор. На конце его горел круглый рубин, а двадцать сантиметров рукоятки были густо усажены бирюзой — и очень удобно оказалось сжимать ее рукой. Еще ниже шел ободок из нефрита с цветочным узором — листья были изумрудные, а цветами служили рубины, втиснутые в холодный зеленый камень.

Остальная часть ручки вся была из чистой слоновой кости, а кончик — острое и крюк — был сделан из стали, украшен золотой инкрустацией с изображением охоты на слона. Эти картинки привлекли Маугли, который понял, что они имеют какое-то отношение к его приятелю Хати.

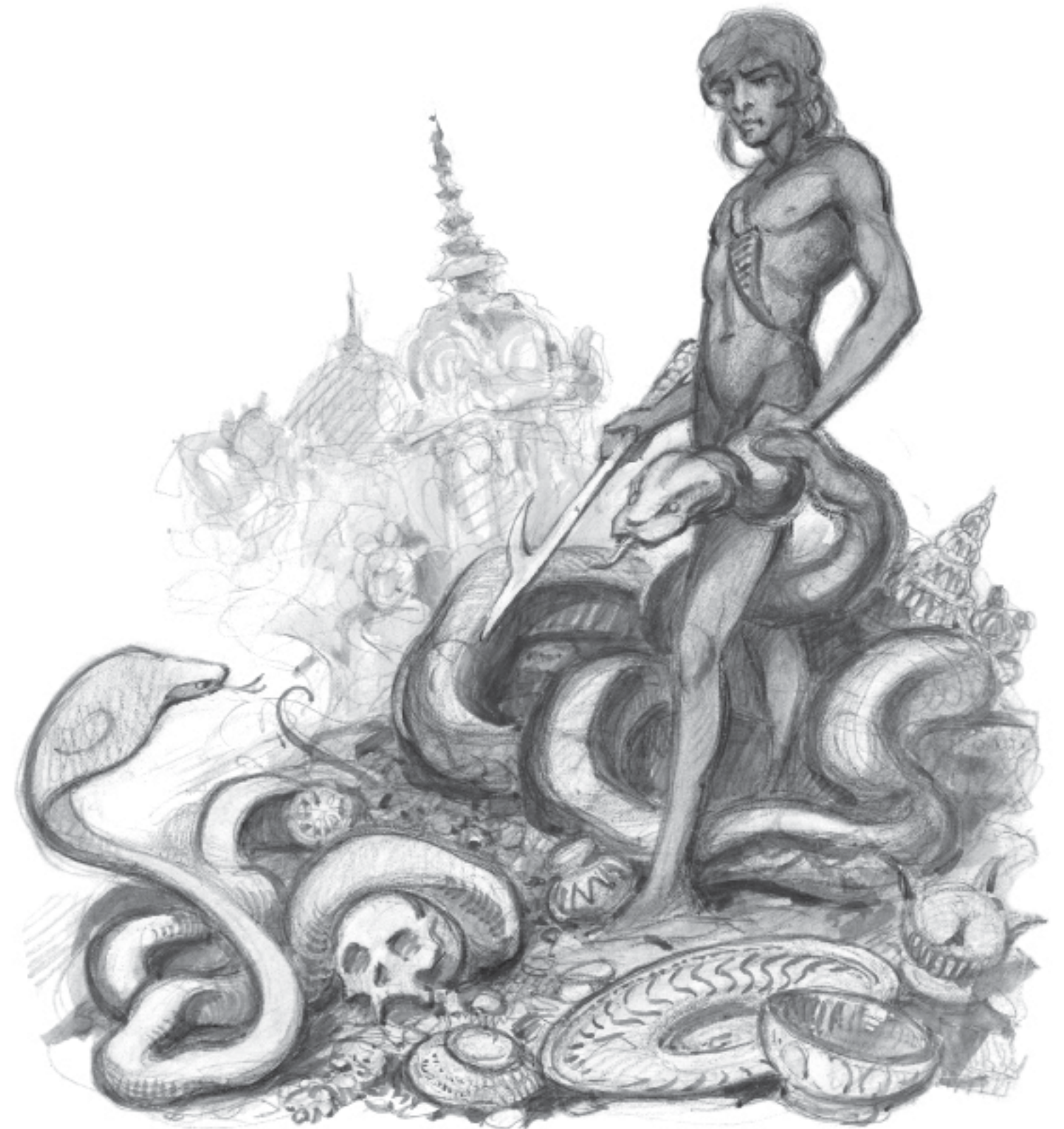
Белая Кобра следовала за ним по пятам.

— Неужели не стоит умереть ради того, чтоб увидеть это? — спрашивала она. — Не оказала ли я тебе великой милости?

— Я не понимаю, — отвечал Маугли, — все эти вещи тверды и холодны, и есть их нельзя. Но вот эту штуку, — и он поднял анк, — я хочу взять с собой и поглядеть на нее при солнце. Ты говоришь, что все это принадлежит тебе. Не отдашь ли ты ее мне? А я зато принесу тебе лягушек.

Белая Кобра тряслась в злобном восторге.

— Конечно, отдам! — промолвила она. — Все, что здесь находится, я тебе отдаю, пока ты не вздумаешь уйти.

— Но я ухожу! Здесь темно и холодно, и я хочу взять эту остроконечную штуку в Джунгли.

— Взгляни себе под ноги. Что ты там видишь?

Маугли поднял что-то белое и гладкое.

— Это кость человеческого черепа, — спокойно проговорил он, — а вот еще две!

— Они приходили сюда за сокровищами много лет тому назад. Я поговорила с ними в темноте — и они успокоились...

— На что мне так называемые сокровища? Отдашь мне анк — так будет Добрая Охота; а если нет, все же будет Добрая Охота! Я не дерусь с Ядовитым Племенем и, кроме того, знаю Главное Слово твоего племени.

— Здесь только одно Главное Слово — мое!

Каа кинулся вперед, засверкав глазами.

— Кто просил меня привести Человека? — спросил он.

— Конечно, я, — прошамкала Старая Кобра, — я давно уже не видела Человека, а этот Человек говорит нашим языком.

— Но у нас не было речи об убийстве! Как могу я показаться в Джунгли и сказать, что я повел его на смерть? — говорил Каа.

— Я еще ничего не говорю об убийстве. А если ты хочешь уйти, то вот тебе дыра в стене! Ты потише, жирный убийца обезьян! Мне стоит только прикоснуться к твоей шее, и Джунгли больше тебя не увидят. Ни один человек, приходивший сюда, не ушел отсюда живым. Я — страж сокровищ царского города!

— Но говорят тебе, белый червь мрака, что теперь нет ни царя, ни города! Над нами сплошные Джунгли! — шипел Каа.

— Зато остаются сокровища. Но мы это уладим! Погоди немного, Каа, и полюбуйся, как мальчик бежит! Здесь довольно простора для хорошей игры. Жизнь — хорошая вещь! Побегай взад и вперед и позабавься, мальчик!

Маугли тихонько положил свою руку на голову Каа.

— До сих пор эта белая тварь имела дело с людьми из Человечьей Стаи, она меня не знает, — прошептал он. — Ей захотелось охоты — я ей покажу ее!

Маугли держал анк вниз острием. Он быстро метнул анк — и острие впилось в тело змеи, за кlobуком, пригвоздив ее к полу. Каа всей своей тяжестью навалился на извивающееся тело Кобры, парализовав ее от кlobука до кончика хвоста.

Красные глаза Кобры горели, а пятнадцать свободных сантиметров головы яростно металась вправо и влево.

— Убивай! — проговорил Каа, когда рука Маугли коснулась ножа.

— Нет, — ответил Маугли, вытаскивая нож, — я убиваю только для еды. Но посмотри, Каа!

Он схватил змею за кlobук, насильно раскрыл ей пасть лезвием ножа и показал страшные ядовитые клыки верхней челюсти: черные и сморщенные, они глубоко сидели в десне. Белая Кобра «пережила» свой яд, как это бывает со змеями.

— Тхуу!.. Высохла! Как гнилой пень, — проговорил Маугли. И, приказав Каа слезть с Кобры, он выдернул анк, освободив змею.

— Царским сокровищам нужен новый страж, — мрачно проговорил он. — Тхуу, ты нехорошо поступила! Побегай взад и вперед и позабавься, Тхуу!

— Мне стыдно. Убей меня! — прошипела Белая Кобра.

— Тут что-то много говорится об убийстве. Мы уходим... Я беру остроконечную штуку с собою, Тхуу, ибо я сражался и победил тебя!

— Смотри, как бы эта штука не убила тебя под конец. Это Смерть! Помни, это Смерть! Эта штука способна погубить всех жителей моего города. Недолго будешь ты ею владеть, Человек Джунглей, как и тот, кто отнимет ее у тебя! Люди будут убивать, убивать, убивать друг друга из-за этой штуки! Моя сила высохла, но анк сделает мое дело. Это Смерть! Смерть!

Маугли выбрался через дыру в коридоре и, обернувшись, увидел, что Белая Кобра яростно разит своими безвредными клыками глупые рожи золотых идолов, лежащих на полу, и шипит: «Это Смерть!..»

Они с облегчением выбрались на дневной свет, и когда очутились в своих Джунглях, Маугли стал рассматривать анк, сверкавший в утреннем свете; он восхищался им, словно нашел новый невиданный цветок.

— Это будет поярче глаз Багиры! — довольно говорил он, поворачивая рубин. — Я покажу ей эту штуку; но что подразумевала Кобра, когда говорила о смерти?

— Не знаю; я жалею, что она не отведала твоего ножа. В этих Холодных Пещерах и вверху, и внизу всегда ждет беда! Но я проголодался. Не поохотишься ли ты со мной нынче? — спросил Каа.

— Нет. Багира должна повидать эту штуку. Добрай Охоты!

Маугли побежал прочь, размахивая огромным анком и время от времени останавливаясь полюбоваться им; наконец он пришел в ту часть Джунглей, где жила Багира, которую он застал у водопоя после трудной охоты.

Маугли рассказал пантере все свои приключения от начала до конца; Багира слушала, время от времени обнюхивая анк. Когда Маугли дошел до последних слов Кобры, Багира одобрительно замурлыкала.

— Значит, Белая Кобра сказала правду? — быстро спросил Маугли.

— Я родилась в царских клетках в Удейпуре и, кажется, знаю людей. Очень многие из них готовы совершить три убийства в ночь ради такого красного камня!

— Но от камня эта штука становится лишь тяжелей. Мой блестящий ножик куда лучше, и смотри, ведь красный камень несъедобен! Из-за чего же им совершать убийства?

— Иди проспись, Маугли! Ты жил среди людей, а между тем...

— Уже вспомнил! Люди убивают не потому, что охотятся. Они убивают от безделья и для потехи. Проспись ты, Багира! Для какой цели сделана эта остроконечная штука?

Багира полуоткрыла глаза — ее сильно клонило ко сну, — и в них блеснул злобный огонек.

— Люди сделали эту штуку для того, чтобы втыкать в голову сынов Хати, чтобы кровь лилась! Я это видела на улицах Удейпура перед нашими клетками. Эта штука отведала крови очень многих Хати!

— Зачем они втыкают ее в головы слонов?

— Чтобы научить их Человеческому Закону. Не имея когтей и зубов, люди мастерят эти штуки и делают дела еще хуже!

— Вечно кровь, когда я приближаюсь хотя бы к вещам, сделанным Человечьей Стаей! — с негодованием вымолвил Маугли. Он немножко устал держать тяжелый анк. — Знай я это, никогда не взял бы этой штуки! Тогда я видел кровь Мессуи на ремнях, а теперь вижу кровь Хати! Я больше не хочу к ней прикасаться! Смотри!

Анк, сверкая огнями, полетел и вонзился острием в землю в тридцати метрах от них между деревьями.

— Теперь мои руки очистились от Смерти, — промолвил Маугли, растирая руки свежей сырой землей. — Кобра говорила, что Смерть будет следовать за мною. Но она старая, белая, безумная тварь!

— Белое или серое, смерть или жизнь — я иду спать, Маленький Брат! Я не могу охотиться всю ночь, а потом завывать весь день, как делают иные!..

Багира отправилась в свое охотничье логово мили за две в сторону, а Маугли забрался на удобное дерево, связал узлом три или четыре лианы и через мгновение уже спал, качаясь в гамаке на высоте пятнадцати метров. Хотя у Маугли не было прямого отворачивания к яркому дневному свету, он, следуя привычкам своих друзей, оставался в нем как можно меньше.

Когда он проснулся от громкого щебета обитателей лесных деревьев, уже были сумерки; ему пригрезилась нарядные камешки, какие он видел в пещере.

— Взгляну, по крайней мере, еще раз на эту штуку! — решил он и соскользнул по лианам на землю; Багира была уже под деревом; Маугли слышал ее пыхтение в полумраке.

— Где эта остроконечная штука? — крикнул Маугли.

— Ее забрал Человек. Вот его след!

— Посмотрим-ка, правду ли сказала Кобра! Если остроконечная штука — Смерть, то этот человек умрет. Последуем за ним!

— Поохотимся сперва, — сказала Багира. — На пустой желудок глаза плохо видят. Люди двигаются медленно; в Джунглях сыро, и следы хорошо отпечатались.

Они затравили первую же подвернувшуюся дичь, но только через три часа почувствовали себя сытыми, напились и пошли по следу. Обитатели Джунглей знают, что наспех обедать не годится.

— Неужели ты думаешь, что остроконечная штука повернется в руке человека и умертвит его? — спрашивал Маугли.

— Это мы увидим, — ответила Багира, не поднимая головы. — След — одноногий (она хотела сказать, что он принадлежит одному человеку), и от тяжести этой штуки пятки его глубоко вдавились в землю.

— Ха! Это так же ясно, как летняя молния! — ответил Маугли, и оба быстрой дробной рысью побежали по квадратам лунного света, наблюдая следы пары голых ног.

— Теперь он быстро бежит, — заметил Маугли, — пальцы растопырены. — Они вышли на сырую поляну. — Но почему след здесь сворачивает?

— Погоди, — проговорила Багира и бросилась вперед одним великолепным скачком. Когда след делается неразборчив, его нужно перепрыгнуть, чтобы не запутать собственными следами.

Коснувшись земли, она обернулась и крикнула Маугли:

— Здесь другой след встречается с первым! У этого второго следа нога маленькая, а носки повернуты внутрь!

Маугли подбежал и пригляделся.

— Это нога охотника-гонда, — проговорил он. — Смотри! Вот он тащил свой лук по траве! Так вот почему первый след так быстро свернул в сторону: Большеногий прятался от Мелкононогого!..

— Верно, — промолвила Багира. — Ну а теперь, чтобы не спутать следов, возьмем каждый по одному следу. Я буду Большеногий, а ты, Маленький Брат, будешь гонд, Мелконогий!

Багира кинулась назад, к первому следу, а Маугли нагнулся над обыкновенным следом малорослого дикаря лесов, обращающего носки внутрь при ходьбе.

— Итак, — говорила Багира, шаг за шагом идя по следам, — я, Большеногий, здесь сворачиваю в сторону. Теперь я прячусь за камнем и стою смирно, не смея шевельнуть ногой. Прокричи свой след, Маленький Брат!

— А я, Мелконогий, подхожу к камню, — говорил Маугли, идя по своему следу. — Теперь я сажусь под камнем, опираюсь на правую руку и кладу свой лук между ног. Я жду долго — здесь моя нога глубоко вдавилась...

— И я тоже, — говорила Багира, прячась за камнями. — Я жду, опершись концом остроконечной штуки на камень. Она соскальзывает — вот на камне царапина. Расскажи свой след, Маленький Брат!

— Здесь обломились одна-две ветки и большой сук, — говорил Маугли вполголоса. — Но что же мне теперь сказать? А, теперь ясно! Я, Мелконогий, ухожу прочь с шумом и топотом, так что Большеногий слышит меня...

Маугли шаг за шагом удалялся от камня меж деревьев и возвысил голос, подойдя к небольшому водопаду:

— Я ухожу... далеко... туда... где... шум... падающей... воды... покрывает... мой... шум; и... здесь... я... жду. Какой у тебя след, Багира-Большеногий?

Пантера бросалась во все стороны, стараясь выяснить, куда направляется след Большеного от скалы, и наконец крикнула:

— Я показываюсь из-за камня на коленях, таща с собой остроконечную штуку. Не заметив никого, я пускаюсь бежать. Я, Большеногий, бегу быстро. След ясен. Пусть каждый бежит по своему следу. Я бегу!

Багира кинулась по ясно обозначенному следу, а Маугли пошел по следам гонда. На некоторое время в Джунглях воцарилась тишина.

— Где ты, Мелконогий? — кричала Багира. Голос Маугли раздался в пятидесяти шагах.

— Уф! — проговорила пантера, глухо кашлянув. — Теперь следы бегут рядом, постепенно сближаясь...

Так они пробежали еще с полмили, сохраняя между собой почти неизменное расстояние, пока Маугли, не столь низко припадавший головой к земле, не крикнул:

— Они встретились — Доброй Охоты! Тут Мелконогий опирался о камень, там — Большеногий!

Меньше чем в десяти шагах, на куче мелких камней, они увидели тело местного селянина; тонкая оперенная гондская стрела пронизывала его грудь насквозь.

— Как видно, Кобра не такая уж безумная тварь, Маленький Брат! — тихо проговорила Багира. — Вот по меньшей мере одна смерть!

— Следуй дальше. Но где же слоновий кровопийца — красноглазый шип?

— Может быть, он у Мелкононогого. Теперь опять след пошел одноногий!

След легкого на вес человека, быстро бегущего с ощутимой тяжестью на левом плече, шел по длинной узкой полосе сухой травы, где каждый отпечаток был для зоркого глаза наших следопытов словно выжжен раскаленным железом.

Оба молчали, пока след не привел к золе погасшего костра, притаившегося в канаве.

— Опять! — проговорила Багира, застыв на месте, как каменное изваяние. Сморщенное тело маленького гонда лежало ногами в золе. Багира вопросительно взглянула на Маугли.

— Это сделано бамбуковой палицей, — проговорил мальчик, бросив взгляд на мертвое тело. — Я сам прибежал к таким палицам, когда стерег буйволов на службе у Человечьей Стаи. Праматерь Кобр — как я теперь жалею, что издевался над ней! Она, видно, хорошо знает эту породу! Да и мне пора бы лучше знать ее. Но не говорил ли я, что люди убивают потехи ради?..

— Нет, они совершили убийство ради красных и синих камешков, — отвечала Багира. — Не забывай: я жила в царских клетках в Удейпуре!

— Раз, два, три, четыре следа! — говорил Маугли, наклонясь над пеплом. — Четыре следа людей с подкованными ногами. В обуви они ходят не так быстро, как гонды. Но что дурного сделал им маленький лесной житель? Смотри, они беседовали впятером перед тем, как он был убит! Багира, уйдем назад! У меня болит сердце! Оно прыгает во мне, как гнездо иволги на конце ветки!

— Плохой же ты охотник, если бросаешь дичь на полдороге! Идем, — проговорила пантера. — Эти восемь подкованных ног недалеко ушли.

В течение часа они не проронили ни слова, молча идя по следу четырех человек в обуви. День был в разгаре. Солнце жарко пекло, и Багира объявила:

— Я чую дым!

— Люди всегда больше склонны есть, чем бежать, — ответил Маугли, шныряя среди низких колючих кустов молодых Джунглей, которые они

исследовали. Багира, бежавшая слева от Маугли, испустила горловой, не поддающийся описанию крик.

— Вот один из них кончил еду! — проговорила она. Как небрежно кинутая куча пестрых одежд, лежал он под кустом, а вокруг была рассыпана мука.

— Это опять-таки сделано бамбуком! — проговорил Маугли. — Смотри, вот эту белую пыль едят люди! Они отняли пищу у того человека, который нес ее, а его самого отдали в добычу Коршуну Чилю.

— Это уже третий! — вставила Багира.

— Я пойду с молодыми жирными лягушками к Матери Кобр и накормлю ее! — говорил Маугли про себя. — Слоновий кровопийца — сама Смерть! Но я все еще не понимаю, в чем дело...

— Идем! — торопила Багира.

Они не прошли и полумили, как услышали ворона Ко, распевавшего погребальную песню на вершине тамариска, под сенью которого лежали три трупа. Полупогасший огонь курился под железным листом, на котором лежал почернелый и обгоревший каравай незаквашенного хлеба. У костра, сверкая в лучах солнца, лежал бирюзово-рубиновый анк.

— Быстро действует эта штука! Здесь всему конец, — промолвила Багира. — Но как эти умерли, Маугли? На них нет и следа царапин!

Житель Джунглей на опыте знает ядовитые растения и ягоды так же хорошо, как иной врач. Маугли понюхал дым, поднимавшийся от костра, отломил кусочек почернелого хлеба, отведал его и выплюнул.

— Яблоко Смерти! — прокашлял он. — Первый, наверное, положил его в пищу для этих, умертвив предварительно гонда.

— В самом деле, славная охота! Убийства следуют одно за другим! — говорила Багира.

«Яблоком Смерти» в Джунглях называют дурман, или датуру, яд, встречающийся по всей Индии.

— Ну что же теперь? — вкрадчиво проговорила пантера. — Неужели и нам с тобой убить друг друга из-за этого красноглазого убийцы?

— Разве он умеет говорить? — шепотом спросил Маугли. — Неужели я оскорбил его, когда бросил прочь? Между нами-то ничего не произойдет, ибо нам не нужно то, чего желают люди. Но если эту штуку оставить здесь, она наверняка будет губить людей одного за другим без передышки — вот как орехи падают в бурю! Я не люблю людей, но у меня нет и желания, чтобы они умирали по шестеро в ночь!

— Что за беда? Ведь они только люди! Они убивали друг друга и были очень довольны, — говорила Багира. — Этот первый, маленький лесной житель, здорово поохотился!

— Щенки они, вот что! А щенок готов утопиться, чтобы укусить отражение луны в воде. Во всем я виноват! — говорил Маугли, словно опомнившись. — Никогда я теперь не буду приносить в Джунгли непонятных вещей, будь они даже прекраснее цветов! А это, — и Маугли осторожно поднял анк, — пойдет обратно к Матери Кобр! Но прежде поспим; только не здесь. Надо сперва похоронить эту штуку, иначе она убежит и убьет еще шестерых. Вырой мне яму под этим деревом!

— Но ведь я говорю тебе, Маленький Брат, — ворчала Багира, направляясь в указанное место, — что это не вина кровопийцы. Все дело в людях!

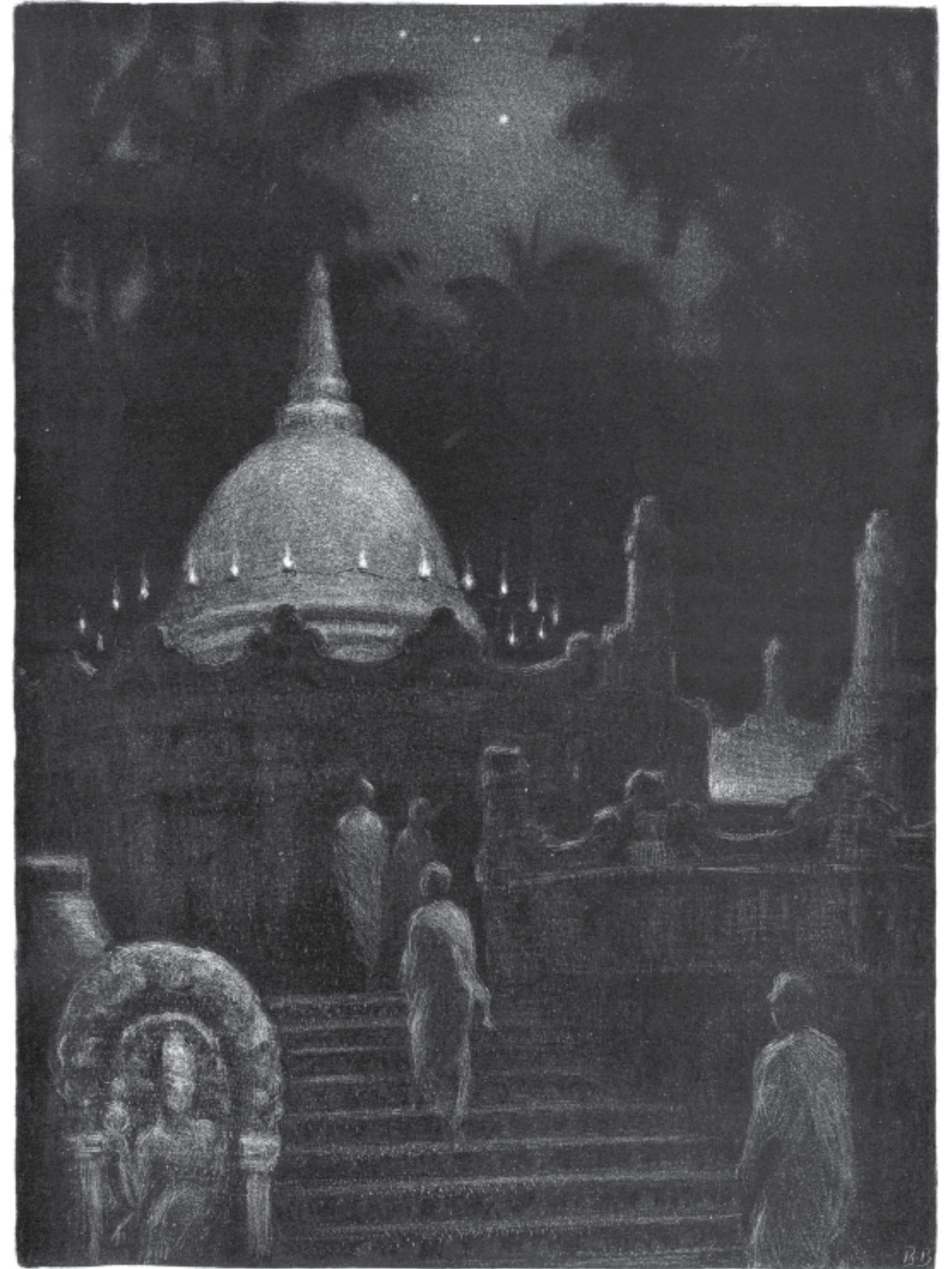
— Все равно, — ответил Маугли. — Колай яму поглубже. Когда мы выспимся, я отнесу эту штуку обратно.

Две недели спустя, когда Белая Кобра, опозоренная, ограбленная и одинокая, горевала во мраке подвала, бирюзовый анк вылетел из отверстия стены и шлепнулся на груды золотых монет.

— Мать Кобр, — промолвил Маугли (он благоразумно оставался за стеной), — заведи себе в помощь молодую и сильную Кобру из твоего племени; пусть она поможет тебе стеречь царские сокровища, дабы ни один человек не ушел отсюда живым!

— Ага-га! Значит, эта штука вернулась? Я ведь сказала, что это Смерть! Но как ты уцелел? — пробормотала Старая Кобра, любовно обвиваясь вокруг рукоятки анка.

— Клянусь Быком, выкупившим меня, я не знаю... Эта штука совершила шесть убийств в одну ночь! Больше не выпускай ее отсюда!..

Песнь маленького охотника

Видишь? Мор-Павлин трепещет, и в тревоге Обезьяны,
Плавно Коршун Чиль кружится на расширенных крылах,
Но неясные мелькают в полумраке Джунглей тени...
Это Страх к тебе крадется, это Страх!

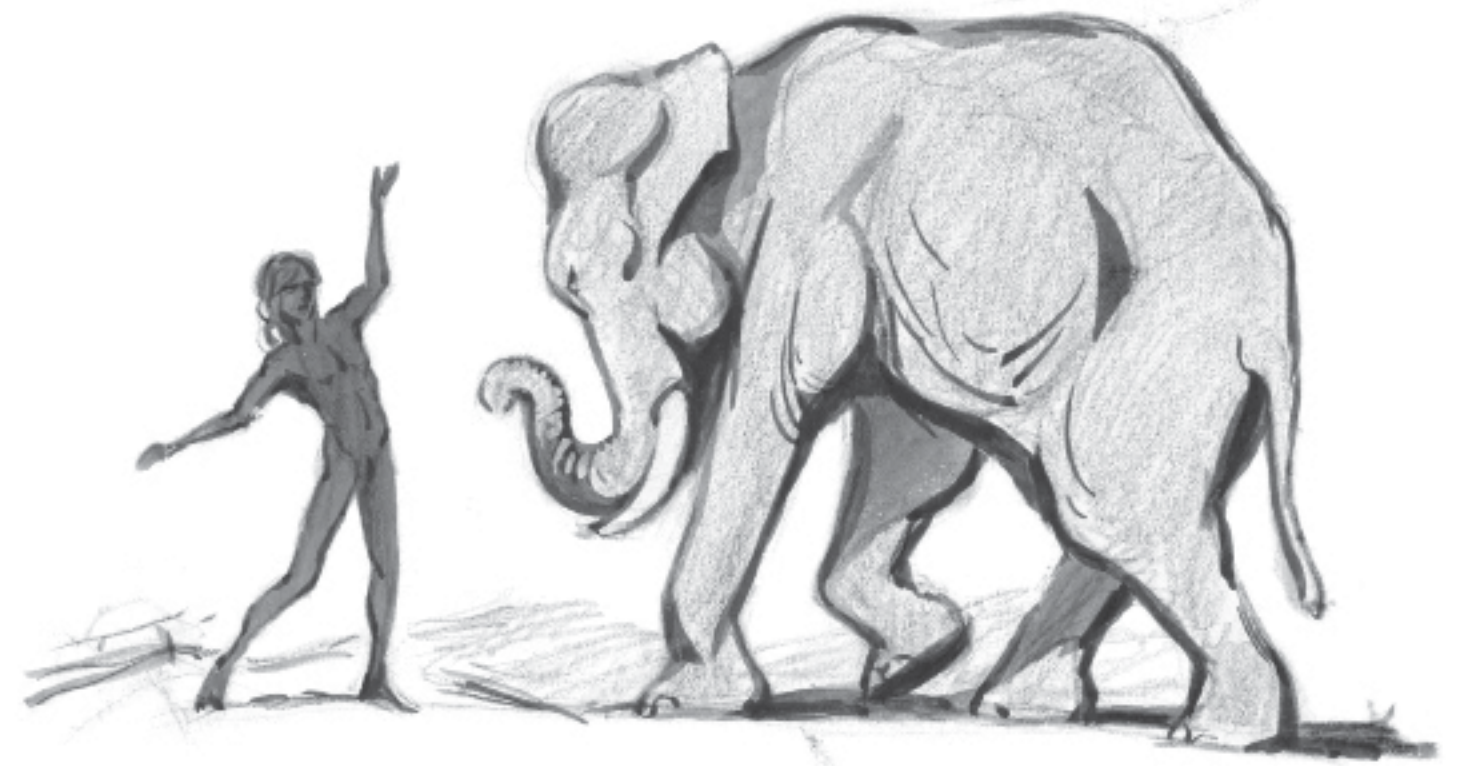
По прогалине скользнуло как бы смутное виденье,
И пронесся гулкий шепот в притаившихся кустах;
А на лбу вспотевшем капли, и дрожат твои колени...
Это Страх подкрался ближе, это Страх!

Месяц, вставши над горою, серебрит седые скалы,
И, хвосты поджавши, звери тихо прячутся в лесах.
Вслед тебе несутся вздохи, и листок крошится вялый...
Это Страх вокруг клубится, это Страх!

На колено! Лук натянут! И спускай проворно стрелы,
В тьму коварную направь ты своего копья размах.
Но рука бессильно виснет, но душа оцепенела...
Это Страх в тебя вселился, это Страх!

А когда в сиянье молний буря валит ствол и колос
И разверзшиеся хляби слепо хлещут в небесах,
Громовой удар и скрежет покрывает жуткий голос:
Это Страх кричит из Джунглей, это Страх!

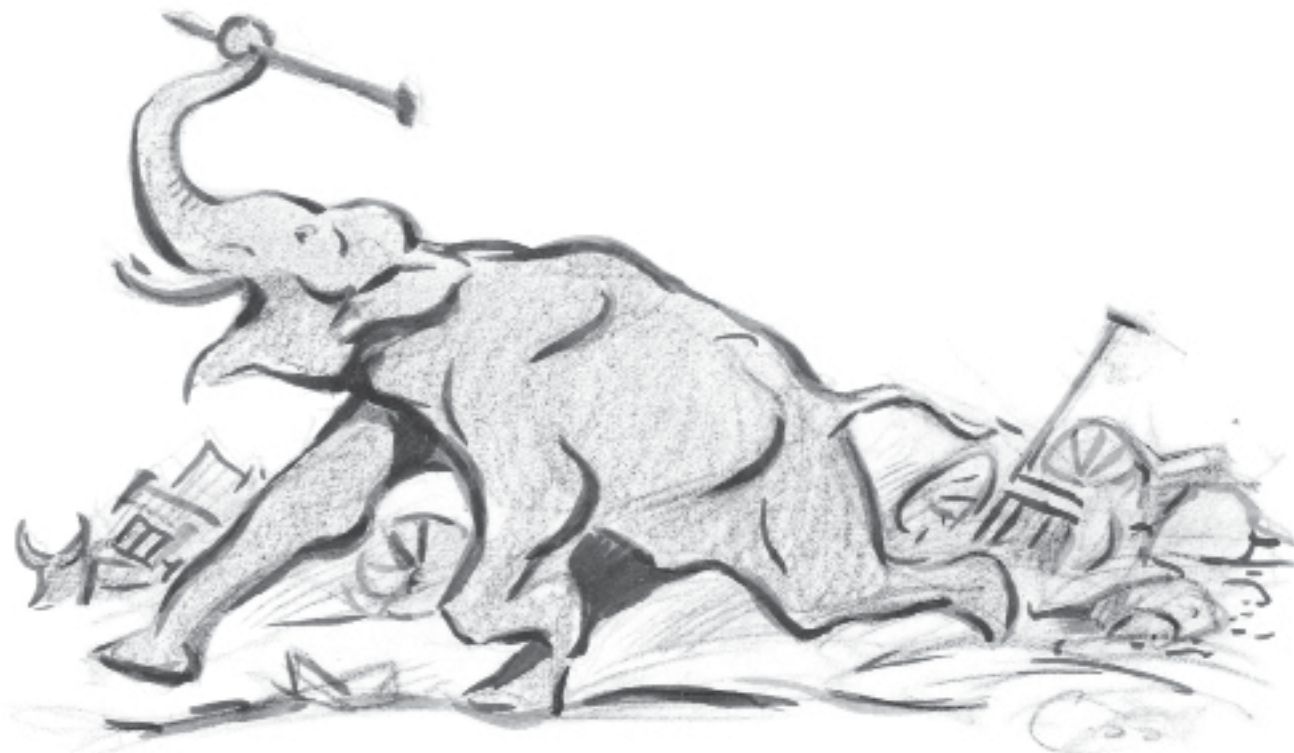
Валуны как щепки пляшут в волнах бурного потока,
Пятна молний непрерывные дрожат на лепестках...
В горле сушь, и сердце бедное колотится жестоко...
Это Страх вцепился в горло, это Страх!

Красные собаки

За наши белые ночи — за ночи быстрого бега;
За зоркие, бодрые очи, за прелесть ночного набега;
За предрассветные запахи и за алмазные росы;
За берлоги уютные и за родные утесы;
За голос кормилицы-матки и за щенков молодых;
За безмятежность игр и упражнений дневных —
Жизнь не страшится отдать волчья зубастая рать.

После того как деревня, в которой жил Маугли, заросла Джунглями, для него началась очень приятная жизнь. Он упивался сознанием, что расквитался как следует; все обитатели Джунглей были теперь его друзьями, ибо все Джунгли боялись его. О том, что он видел, слышал и делал, скитаясь от одного племени к другому со своими четырьмя спутниками — или без них, — можно было бы рассказать много-много повестей, столь же длинных, как эта. Так, вам не придется узнать, как он встретил, а затем спасся от Бешеного Слона из Мандлы, убившего одиннадцать пар быков, которые везли одиннадцать телег с серебряными деньгами в государственное казначейство Индии, и разбросал блестящие монеты — рупии — по пыльной дороге; как он целую долгую ночь дрался с крокодилом Джакалой в Болотах Севера и сломал наконец свой свежевальный нож о спинные чешуйки чудовища; как он нашел новый длинный нож, висевший на шее человека, убитого диким кабаном, и как он выследил этого вепря и убил его в виде честного возмездия за нож; как во время Великого Голода он оказался на пути мчащихся вперед стад оленей и чуть не был растоптан насмерть; как он спас молчаливого слона Хати, едва не угодившего в западню с острым колом

на дне ямы; как он сам, Маугли, попался однажды в искусно замаскированную ловушку для леопардов, из которой его вызволил Хати, разнесший в щепы толстые деревянные брусья западни; как он доил диких буйволиц на болоте, как он... Но если рассказывать, так уж по одной истории за один раз.

Отец Волк и Мать Волчица скончались; Маугли подкатил большой валун ко входу пещеры и спел над родителями Песнь Смерти; Балу состарился и стал малоподвижен; даже Багира, жилы которой были как сталь, а мускулы как железо, казалась уже не такой проворной в бою.

Акела из серого сделался молочно-белым — просто от старости; ребра торчали у него, и ходил он как деревянный, и Маугли охотился за него. Зато молодые волки, дети рассеянной Сионийской Стаи, благоденствовали и умножались в числе. Когда набралось десятка с четыре пятилеток, своихвольных, громкоголосых и крепконогих, Акела сказал им, что следовало бы собраться воедино и соблюдать Закон, живя под начальством одного вожака, как подобает Свободному Племеню.

Маугли не участвовал в этом деле, потому что, как он сам выразился, он отведал кислых плодов и уже знал дерево, на котором они растут; но когда Фао, сын Фаоны (отец его был Серым Следопытом во дни предводительства Акелы), добился начальства над Стаей согласно Закону Джунглей и когда старый клич и старые песни опять зазвучали под звездами, Маугли стал приходить на Скалу Совета по старой памяти. Когда он хотел говорить, Стая всегда выслушивала его до конца, и он сидел рядом с Акелой на Скале, выше Фао. Это были славные дни охоты и приятно-го сна. Никто не смел врываться в Джунгли, принадлежавшие Племеню Маугли, как называли эту Стаю; а молодые волки жирели и крепили, и на смотрины волчицы приносили множество детенышей. Маугли всегда присутствовал на смотринах, он еще помнил ту ночь, когда Отец Волк и Мать Волчица принесли смуглого голого ребенка в Стаю. Протяжный клич «Глядите, хорошенько глядите, о Волки!» заставлял его сердце трепетать и теперь. Иначе лучше бы он скитался вместе со своими четырьмя братьями по дальним Джунглям, ощупывая, отведывая, осматривая и обнюхивая незнакомые предметы, попадавшиеся на пути.

Однажды в сумерки, когда он не торопясь шел к Акеле с половиной оленьей туши, а его четыре брата следовали за ним, весело кувыркаясь и прыгая по дороге, он услышал крик, какого не слыхивал с печальной памяти дней Шер-Хана. Это был крик, называемый в Джунглях «физл»; — мерзкий пронзительный визг, который издает шакал, когда охотится по следам тигра, или когда начинается большая грызня. Представьте себе смесь злобы, торжества, страха, отчаяния и наглой издевки — вот таков и был этот физл, который поднялся, задрожал и упал над водами Вайнгунги. Четверо волков ошетинились и зарычали. Рука Маугли потянулась к ножу, кровь ударила ему в лицо, он нахмурился и замер, превратившись в каменное изваяние.

— Никакой Полосатый не посмел бы охотиться здесь! — сказал он наконец.

— Это не крик Предвестника, — заметил Серый Брат. — Это вопль великого боя. Слушай!

Опять раздался крик, похожий не то на рыдание, не то на хихиканье, словно у шакала были мягкие человеческие уста. Маугли, глубоко переведя дух, побежал к Скале Совета, обгоняя спешивших туда волков Стаи. Фао и Акела сидели на Скале, а внизу в сильном возбуждении бежали остальные. Матери и детеныши быстро мчались в свои логовища, потому что, когда по Джунглям раздается физл, слабосильным животным не следует оставаться на воле.

В темноте слышался только рокот Вайнгунги да шум вечернего ветра в вершинах деревьев; вдруг из-за реки донесся голос волка. Это был волк не из Стаи, ибо Стая вся собралась у Скалы. Послышался протяжный отчаянный лай.

— Дикие Собаки! — говорил голос. — Дикие Собаки — Дхоли! Дхоли! Дхоли!

Через несколько минут послышался топот усталых лап по камням; худощавый окровавленный волк с пораненной передней лапой и белой от пены мордой бросился в круг и, задыхаясь, лег у ног Маугли.

— Доброй Охоты! Из чьей ты стаи? — важно спросил Фао.

— Доброй Охоты! Я — Вонтолла! — был ответ. Он хотел сказать, что он — Отделившийся Волк, одиноко сражающийся за себя, за свою подругу и своих детенышей. «Вонтолла» значит «отщепенец», живущий вне Стаи. Он задыхался и шатался от усталости.

— Кто наступает? — спросил Фао, ибо это обычный вопрос после фиэла.

— Дикие Собаки, Дикие Собаки — Дхоли — из Деккана, рыжие собаки-убийцы! Они прибежали на север с юга и говорят, что опустошили весь Деккан и убили всех по дороге. Когда эта луна была еще молода, со мной было четверо — моя подруга и трое щенков. Она учила щенков охотиться в траве равнин, подстерегая в засаде оленей, как делаем мы все, жители открытых пространств. В полночь я еще слышал их голоса на тропе, а на рассвете я нашел их окоченевшими в траве. Четверо, Свободный Народ, четверо было нас в это новолуние! Я стал отыскивать мое Право Крови — и нашел Дхолей.

— Сколько их? — спросил Маугли. Стая глухо рычала.

— Не знаю. Трое из них больше не будут убивать; но в конце концов они загнали меня, как оленя. На трех ногах бежал я от них! Смотри, о Свободный Народ!

Он поднял свою искалеченную переднюю ногу, на которой запеклась черная кровь. На боках у него виднелись следы жестоких укусов, шея вся была изгрызена.

— Подкрепись! — промолвил Акела, подвигая мясо, которое Маугли принес ему; Вонтолла жадно накинулся на еду.

— Это будет нелишне! — проговорил он, когда утолил первый голод. — Дай мне немножко собраться с силами, Свободное Племя, и я тоже буду убивать! Опустело мое логово, которое было полно, когда луна была молода, и кровавый долг не весь еще заплачен!

Фао, услышав, как кости трещат на зубах гостя, одобрительно фыркнул.

— Нам понадобятся эти челюсти, — промолвил он. — А что, идут с Дикими Собаками щенки?

— Нет, нет! Сплошь взрослые рыжие охотники своего племени, коренастые и сильные!

Это значило, что Дикие Собаки Декканского плоскогорья движутся с войной, а волки хорошо знали, что даже тигр уступает Диким Собакам свою добычу. Они движутся прямо по Джунглям и все, что встретят на своем пути, разносят в клочья. Хотя они вдвое меньше и глупее волков, они очень сильны и многочисленны. Дикие Собаки не называют себя стаей, пока не струдятся сотней; у волков же четыре десятка — уже изрядная стая. В своих странствиях Маугли доходил до границы высоких травянистых холмов низового Деккана и не раз видел этих собак спящими либо играющими в лощинах, где они устраивают себе логово. Он ненавидел и презирал их за то, что они пахнут не так, как Свободное Племя, за то, что они не живут в пещерах, а главное, за то, что у них растет шерсть между пальцами, тогда как ноги у него и его друзей были чисты. Но он знал со слов Хати, как страшна и опасна стая Дхолей. Сам Хати сворачивает с их пути, и пока их всех не перебьют или пока дичь не исчезнет, они неуклонно движутся вперед, все истребляя на своем пути.

Акела тоже имел понятие о Диких Собаках и спокойно сказал Маугли:

— Лучше умереть всей Стаей, чем без вождя и в одиночку. Это будет добрая охота и... последняя для меня. Но ты, как Человек, проживешь много дней и ночей, Маленький Брат! Ступай к северу и заляг там, и если останется какой-нибудь волк в живых после Дхолей, он принесет тебе известие о сражении.

— А! — серьезно проговорил Маугли. — Неужели мне уйти в болота ловить рыбок и спать на дереве, просить помощи у Бандар-Логов да есть орехи, в то время как Стая будет сражаться внизу?

— Это будет битва насмерть, — промолвил Акела. — Ты же никогда не встречал Дхолей — Красных Убийц. Даже Полосатый...

— Аоуа, аоуа! — шаловливо проговорил Маугли. — Я убил одну полосатую обезьяну и знаю наверняка, что Шер-Хан отдал бы собственную подругу на обед Диким Собакам, едва почуял бы приближение их стаи. Слушай же теперь! Был у меня Волк Отец, и была Волчица Мать, и был еще старый-старый серый волк (не очень разумный; он теперь белый), заменивший мне и мать, и отца. И поэтому я... — и он возвысил голос, — я говорю, что когда придут Дикие Собаки, и если придут Дикие Собаки, то Маугли и Свободное Племя — единый народ для этой охоты! И клянусь Быком, выкупившим меня, Быком, которым Багира заплатила за меня в те дни, которых Стая теперь не помнит, — я говорю, и пусть деревья и река слушают и запомнят это, если я забуду! — я говорю, что вот этот мой нож будет зубом для Стаи — а он не тупой! Я сказал свое слово!

— Ты не знаешь Дхолей, о Человек с языком волка! — воскликнул Вонтолла. — Я хотел бы только заплатить им мой Долг крови, прежде чем они растерзают меня в клочья. Они медленно подвигаются вперед, но через двое суток моя сила вернется ко мне, и я начну выплачивать Долг крови. Вам же, Свободное Племя, мой совет: ступайте на север и поголодайте, пока Дхоли пройдут. В эту охоту не будет сна!

— Слушайте Одиночку! — усмехнувшись, воскликнул Маугли. — Свободное Племя должно пойти к северу и питаться ящерицами и крысами на берегах из опасения встретить Диких Собак? А Дхоли будут избивать нашу дичь, пока мы будем прятаться на севере и пока им не заблагорассудится вернуть нашу землю? Они — собаки и собачьи щенки, красные, желтобрюхие, лишенные логова и волосатые меж пальцев. Они мечут своих щенят по шесть и по восемь за раз, словно какой-нибудь Чикай, маленькая прыгающая крыса! Право же, нам надо бежать, Свободному Племени, и как милости просить у северных племен обедков дохлой скотины! Вы знаете поговорку: «Север — нечисть; полдень — вша». Мы — жители Джунглей! Выбирайте, выбирайте же! Это славная охота! За Стаю — за полную Стаю, за логово, за выводки; за бой в обороне и в нападении; за подругу, гонящую лань, и за малого-малого щенка в пещере — мы бой принимаем, принимаем, принимаем!

Стая ответила трескучим оглушительным лаем, прозвучавшим в ночи, как ломающийся ствол.

— Принимаем! — кричали волки.

— Оставайтесь же тут, — обратился Маугли к своим четырем братьям, — нам понадобится каждый лишний зуб. Фао и Акела пусть приготовятся к битве. Я пойду считать собак.

— Да ведь это смерть! — завопил Вонтолла, поднимаясь. — Что может поделаться этот Безволосый против Красных Собак? Даже Полосатый, как вы помните...

— Да ты в самом деле Отделившийся! — крикнул в ответ Маугли. — Но мы поговорим, когда Дикие Собаки будут перебиты. Доброй Охоты вам всем!

Он побежал во мрак, пылающий гневом, не глядя, куда ступает, и, запнувшись, растянулся во весь рост на огромных кольцах Каа: питон лежал в засаде у оленьей тропинки, ведущей к воде.

— Кссша! — сердито проговорил Каа. — Это что же за порядки — наступать на охотника и портить ночную охоту, и как раз тогда, когда дичь так хорошо идет?

— Виноват! — проговорил Маугли, вставая на ноги. — Да я ведь тебя и искал, Плоскоголовый! Но каждый раз, как мы встречаемся, ты становишься длинней и шире на целую мою руку! Никого нет в Джунглях подобного тебе, о мудрый, старый, сильный и прекрасный Каа!

— Но куда же ведет этот след? — голос Каа смягчился. — Не прошло и луны, как Человек с ножом швырял в меня камни и давал мне непочтительные клички за то, что я спал на открытом месте!

— Да, и разогнал всех травленых оленей до единого на все четыре стороны; а Маугли охотился, и этот самый Плоскоголовый был слишком глух, чтобы услышать свист и посторониться с оленьих тропок, — спокойно ответил Маугли, усаживаясь на цветистые кольца змеиного туловища.

— А теперь этот Человек является к этому Плоскоголовому с теплым льстивым словом, величая его и мудрым, и сильным, и красавцем, а этот старый Плоскоголовый верит ему и сворачивается кольцом, готовя местечко этому Человечку, метателю камней, вот этак, и... Удобно тебе? Могла ли бы Багира дать тебе такое славное ложе?

Каа, по заведенному обыкновению, устроил из своего тела для Маугли что-то вроде мягкого гамака. Мальчик нащупал в потемках упругую, как канат, шею Каа, привлек его голову к себе, положил ее себе на плечо и рассказал о последних происшествиях в Джунглях.

— Может быть, я и мудр, — проговорил наконец Каа, — но я же и глух; иначе бы я услышал фиэл. Теперь я понимаю, почему травоядные нынче так беспокойны. Сколько их, Дхолей?

— Я их еще не видал, потому что первым делом побежал к тебе. Ты старше Хати, но, о Каа, — и Маугли запрыгал в восторге, — вот будет славная охота! Мало кто из нас увидит следующую луну!

— Ты тоже принимаешь в этом участие? Помни, ведь ты — Человек; и помни, чья Стая отвергла тебя! Пусть волки займутся собаками. Ты — Человек!

— Орехи прошлого года — черная земля в нынешнем, — промолвил Маугли. — Это правда, что я — Человек. Но в эту ночь я объявил, что я — Волк. Я призвал в свидетели реку и деревья. Я — сын Свободного Племена, Каа, до той минуты, пока Дикие Собаки не исчезнут!

— Свободный Народ... — хмыкнул Каа. — Свободные воры! И ты связал себя Узлом Смерти в память мертвых волков? Недобрая это охота!

— Я дал Слово. Деревья знают, речка знает! Пока Дхоли не исчезнут, Слово мое крепко!

— Нгнннш! Это меняет все следы. Я думал взять тебя с собою в Северные Болота, но Слово — даже Слово маленького, голого, бесшерстного Человечка — остается Словом. Так вот я, Каа, говорю...

— Подумай, Плоскоголовый, хорошенько, прежде чем и тебе ввязаться в этот клубок Смерти. Мне от тебя слова не нужны, я и так знаю...

— Да будет так, — молвил Каа. — Слова я не даю. Но что ж ты думаешь сделать, когда Дикие Собаки придут?

— Они должны переплыть Вайнгунгу; я хотел встретить их с ножом на отмели со Стаей; мы можем погнать их вниз по реке и немножко охладить им глотки.

— Дхоли не сворачивают со своего пути, и глотки им не остудишь, — ответил Каа. — Когда эта охота кончится, то не будет уже ни Человечка, ни волчьих щенков, а будут только сухие кости.

— Алала! Что ж, умирать так умирать! Это все-таки отличная охота! Но мое нутро молодое, и немного я еще видел дождей. А у тебя есть лучший план, Каа?

— Я видел сотню и еще сотню дождей. Еще до того как у Хати появились молочные клыки, мой след велик был в пыли. Клянусь Первым Яйцом, я древнее многих деревьев, я видел все, что делалось в Джунглях!

— Но ведь это новая охота! — возразил Маугли. — Никогда еще Дикие Собаки не пересекали нашего следа!

— Все, что есть, уже было. Все, что будет, — не больше чем забытый год, вновь возвратившийся. Помолчи, пока я сосчитаю мои годы!

Маугли долго лежал на извивах змеиного тела, играя ножом, в то время как Каа, припав к земле неподвижной глыбой, передумывал обо всем, что он видел и что он узнал с того дня, как вылутился из яйца. Свет, казалось, погас в его глазах, и они стали как умершие опалы; время от времени он дергал головой то вправо, то влево, словно охотился во сне. Маугли спокойно дремал; он знал, что ничто так не подкрепляет перед охотой, как сон, и приучил себя засыпать в любой час дня или ночи.

Но вот Маугли почувствовал, что Каа становится крупнее и шире под его телом; огромный питон раздувался с шипением, напоминающим шорох меча, вытаскиваемого из стальных ножен.

— Я видел все мертвые времена! — проговорил наконец Каа. — И всякие деревья, и старых слонов, и скалы, которые были голы и остроконечны, пока они не обросли мхом... Ты еще жив, Человечек?

— Совсем недавно взошла луна, — сказал Маугли. — Я не понимаю...

— Шшш! Я снова Каа! Я понимаю, что прошло немного времени. Теперь мы пойдем к реке, Человечек, и я покажу тебе, что можно сделать с Дикими Собаками.

Он кинулся, прямой как стрела, к главному руслу Вайнгунги и нырнул повыше заводи, скрывавшей Скалу Мира.

— Ты не плыви сам, я быстрее плаваю. Садись ко мне на спину, Маленький Брат!

Маугли крепко обхватил шею Каа левой рукой, а правую прижал к своему телу и вытянул ноги. И Каа отдался потоку, поплыл, как он один умел плыть. Струйки рассекаемой воды бахромчатым воротником морщились вокруг шеи Маугли, ноги его колыхались в струе, взбудораженной могучим хлестом змеиного тела. Приблизительно в миле от Скалы Мира Вайнгунга суживается, выходя из ущелья мраморных скал высотой от восьмидесяти до ста футов; здесь вода вырывается с шумом мельничного колеса. Но Маугли не боялся воды. Он смотрел в ущелье и раздувал ноздри, морщась, потому что в воздухе висел кисловато-сладкий запах, очень похожий на запах муравейника в жаркий день. Инстинктивно он окунулся в воду, поднимая голову лишь для того, чтобы перевести дух; а Каа, дважды обвившись хвостом вокруг подводной скалы, поднял Маугли во впадине своих извивов.

— Это Обитель Смерти! — проговорил Маугли. — Зачем мы пришли сюда?

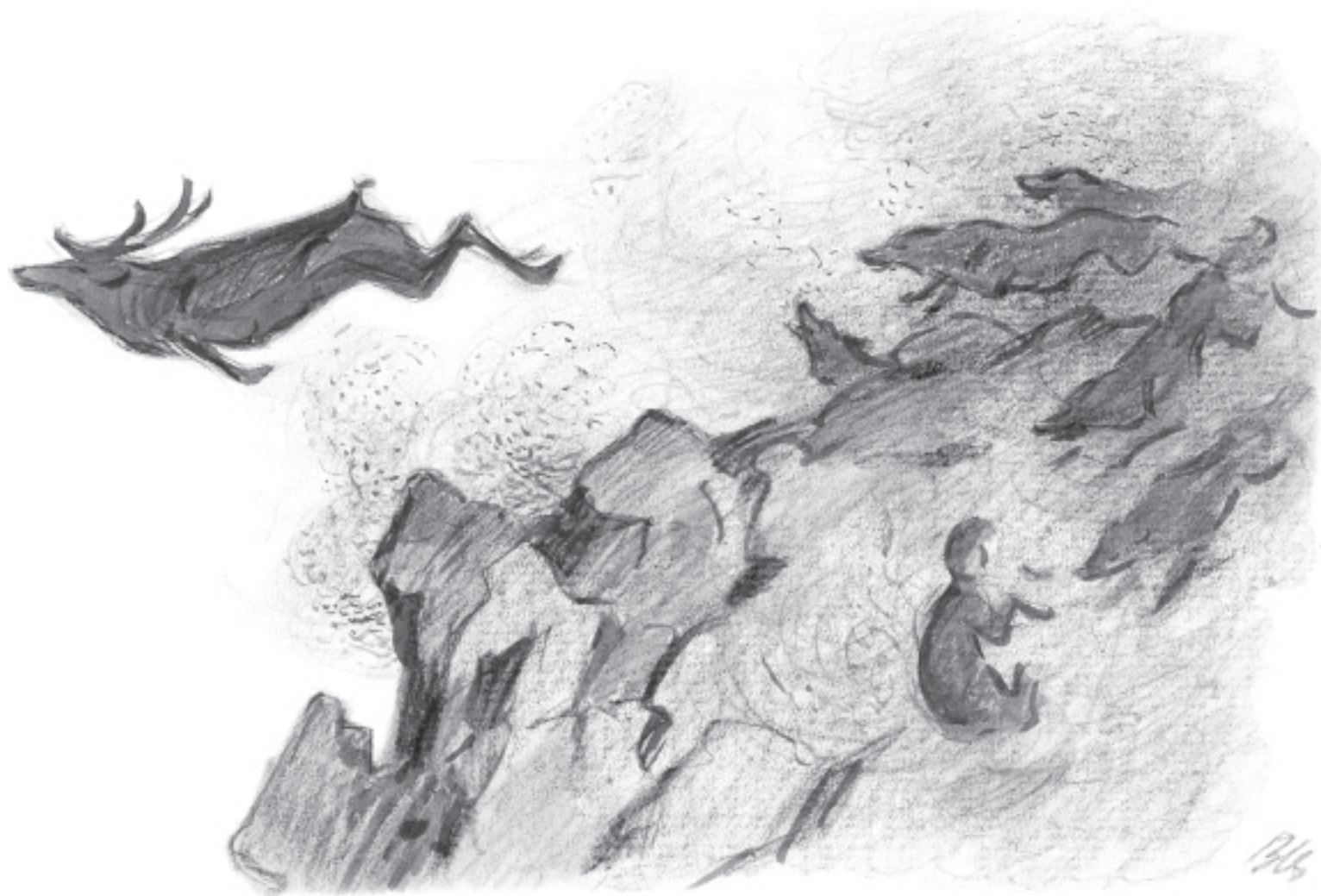
— Они спят, — отвечал Каа. — Хати не сворачивает перед Полосатым. Однако и Хати, и Полосатый оба сворачивают перед Дикими Собаками, а Дикие Собаки, говорят, не сворачивают ни перед кем. Перед кем же сворачивает Маленькое Племя Скал? Скажи мне, Владыка Джунглей, кто Владыка Джунглей?

— Вот эти! — прошептал Маугли. — Это Обитель Смерти! Уйдем!

— Нет! Хорошенько присмотрись, ибо они спят! Как и тогда, когда я был не длиннее твоей руки...

Выветрившиеся и потрескавшиеся скалы ущелья Вайнгунги с незапамятных времен служили обиталищем Маленькому Народу Скал — хлопотливым злым черным пчелам Индии; Маугли хорошо знал, что все звери обходят их ущелье по меньшей мере за полмили. Уже много столетий пчелы гнездились здесь и жили в расселинах, пачкая белый мрамор гнилым медом; глубоко и высоко строили они свои черные кельи во внутренних щелях, и ни человек, ни зверь, ни огонь, ни вода не касались их никогда. По обе стороны ущелья висели какие-то черные бархатные занавески, и Маугли, всмотревшись, невольно окунулся — это были гроздьи миллионов спящих пчел. Комья, гирлянды, какие-то куски, похожие на гнилые древесные стволы, сплошь покрывали каменную гладь; старые соты прошлых лет; новые пчелиные города в тени ущелья, огромные губчатые массы гнилья, выкатившиеся наружу и застрявшие в гуще деревьев и лиан, прилипших к скале. Не раз до Маугли доносился шорох, означавший, что отягченная медом сота срывалась и падала где-нибудь в темных галереях;

потом раздавался сердитый шум крыльев и печальное «кап-кап-кап» пропавшего меда, стекающего все ниже, перетекающего через край и падающего тонкими ленивыми струйками на ветки.

На другом берегу реки была небольшая отмель, не шире полутора метров, на ней высилась гора мусора, накопившегося за бесчисленные годы. Тут лежали дохлые пчелы, трутни, гнилые соты и крылья погибших бабочек и жуков, которые залетали сюда, соблазненные медом; теперь все это от любого прикосновения рассыпалось мельчайшей черной пылью. Одного острого запаха достаточно было, чтобы отпугнуть всякую тварь, лишенную крыльев и знающую, что представляет собой Маленькое Племя.

Каа плыл по реке вверх, пока не доплыл до песчаной отмели у устья ущелья.

— Вот добыча этого года. Смотри!

На берегу лежали скелеты двух молодых оленей и буйвола. Маугли ясно было, что ни волк, ни шакал не касались этих костей, лежавших в самой естественной позе.

— Они перешли линию, они не знали, — пробормотал Маугли, — и Маленький Народ убил их. Уйдем, пока они не проснулись!

— Они не проснутся до рассвета, — ответил Каа. — Теперь я вот что расскажу тебе: один загнанный олень много-много дождей тому назад пришел сюда с Юга, не зная Джунглей; по следам за ним гналась Стая. Ослепленный страхом, он прыгнул сверху, а разгоряченная бегом Стая кинулась за ним. Солнце стояло высоко, пчелы были очень сердиты. Многие из Стаи прыгнули в Вайнгунгу, но погибли прежде, чем долетели до воды. Те, кто не прыгал, также погибли наверху, на скалах, но олень остался в живых.

— Каким образом?

— Он прибежал первым, спасая шкуру, прыгнул прежде, чем Маленькое

Племя успело разобраться, в чем дело, и был уже в реке, когда они собрались жалить. Стая, гнавшаяся за ним, целиком погибла под тяжестью Маленького Племени, разбуженного ногами оленя.

— Так олень выжил? — медленно повторил Маугли.

— По крайней мере, он не умер тогда, хотя никто не дожидался его для оказания помощи, как старый, толстый, глухой, желтый Плоскоголовый будет дожидаться Человечка... хотя бы даже все Дхоли Деккана шли за ним по пятам! Что ты об этом думаешь?

Голова Каа лежала на мокром плече Маугли, а язык его дрожал у самого уха мальчика.

После долгого молчания Маугли прошептал:

— Это значит дергать за усы саму Смерть... Но, Каа, ты воистину мудрейший во всех Джунглях!

— Так многие говорили. Так вот, если Дхоли погонятся за тобой...

— Они наверняка погонятся. Го! Го! У меня найдутся под языком шипы, чтобы запустить им в шкуры!

— Если они погонятся за тобой в слепой ярости, то те, кто не погибнет наверху, бросятся в воду или здесь, или ниже, ибо Маленькое Племя поднимется и накроет их. Вайнгунга — голодный поток; их некому будет поддерживать, и они поплывут к отмели у Сионийской пещеры, а здесь твоя Стая встретит их и схватит за горло.

— Агай! Эоуэуа! Лучше не придумать, даже если дожди начнутся посреди засухи! Дело теперь лишь в том, чтобы побегать да попрыгать! Я покажусь Диким Собакам так, чтобы они погнались за мной по пятам.

— Ты осмотрел скалы сверху, с суши?

— Нет. Это я забыл сделать!

— Ступай и разгляди все хорошенько. Грунт гнилой и весь в ямах. Стоит тебе неловко поставить ногу, не оглядевшись, и охоте придет конец! Смотри, я оставляю тебя здесь и только ради тебя передам Стае, чтобы она знала, где надо искать Дхолей. Что касается меня, то я не состою в родстве с волками!

Уж если Каа невзлюбит кого-нибудь, так он умеет быть язвительней кого угодно в Джунглях; поспорить с ним в этом отношении могла разве что Багира. Он поплыл вниз по течению и напротив Скалы нашел Фао и Акелу, прислушивавшихся к ночным звукам.

— Шшш, собаки! — весело проговорил он. — Дхоли придут ниже по течению. Если вы не боитесь, можете убивать их на отмелях.

— Когда они придут? — спросил Фао.

— И где мой Человеческий Детеныш? — спросил Акела.

— Они придут, когда придут, — ответил Каа. — Подождите и увидите. А что касается Человеческого Детеныша, у которого ты взял слово и таким образом подверг его смертельной опасности, то твой Человеческий Детеныш со мною, и если он еще не мертвец, то не по твоей заслуге, облезлый пес! Подожди здесь Диких Собак и будь благодарен за то, что Человеческий Детеныш и я сражаемся на твоей стороне...

Каа опять кинулся в реку и остановился посреди ущелья, взглянув вверх на линию скал. На фоне звезд обрисовывалась голова Маугли; потом в воздухе что-то просвистело, тело мальчика шлепнулось в воду, и через минуту он спокойно лежал на извивах тела Каа.

— Это не место для ночных прыжков, — спокойно проговорил Маугли. — Для забавы я делал прыжки вдвое длиннее; но здесь скверное место — низкие кусты и рытвины очень глубокие, и в них полным-полно Маленького Племени. Я сложил там горку из больших камней, на той стороне, где три овражка. Когда я побегу, сброшу их ногами, и Маленький Народ сердитой тучей поднимется за мной.

— Это человеческая хитрость, — сказал Каа. — Ты очень мудр; но Маленькое Племя всегда сердито.

— Нет, в сумерках все крылья отдыхают. Я поиграю с Дхоями в сумерках, ибо они лучше всего охотятся днем. Теперь Дхоли бегут по кровавому следу Вонтоллы.

— Чиль не бросает мертвого вола, а Дикие Собаки — кровавого следа, — возразил Каа.

— В таком случае я им сделаю новый кровавый след — след их собственной крови, если удастся, и заставлю их землю есть. Ты подожди здесь, Каа, пока я прибегу с Дхоями!

— Но что, если они убьют тебя в Джунглях? Или если Маленькое Племя убьет тебя прежде, чем ты бросишься в реку?

— Когда придет завтра, мы будем охотиться для завтрашнего дня, — ответил Маугли лесной поговоркой и прибавил: — Когда я умру, наступит время пропеть Песнь Смерти. Доброй Охоты, Каа!

Мальчик отпустил шею питона и понесся вниз по ущелью, как бревно по стремнине; выгребая к далекой отмели, он добрался до тихой заводи и, выйдя из воды, громко засмеялся от удовольствия. Ничего так не любил

Маугли, как, по его собственному выражению, «дергать Смерть за усы» и заставлять Джунгли чувствовать, что он их Владыка.

С помощью Балу он не раз разорял пчелиные гнезда на отдельных деревьях и знал, что пчелы не выносят запаха дикого чеснока. Он нарвал пучок этого растения, перевязал его полоской луба и пошел по кровавому следу Вонтоллы, который бежал к югу от логовищ миль на пять; склонив голову набок, Маугли поглядывал на деревья и хихикал про себя.

— Я был Маугли-Лягушка, — говорил он про себя; — теперь я сказал, что я — Маугли-Волк. Я должен стать Маугли-Обезьяной, прежде чем сделаюсь Маугли-Оленем. И в конце концов я стану Маугли-Человеком. Го! — и он провел пальцем по семисантиметровому клинку своего ножа.

След Вонтоллы, сплошь отмеченный пятнами запекшейся крови, бежал под густыми деревьями, которые тянулись с северо-востока и постепенно редели в двух милях от Пчелиных Скал. От последнего дерева до низкого кустарника Пчелиных Скал шла открытая местность, на которой едва бы мог спрятаться даже волк. Маугли трусил под деревьями, определяя на глаз расстояние от сучка до сучка; иногда он влезал на дерево и делал пробный прыжок на другое; наконец он вышел на открытое место и тщательно исследовал его в течение часа. Потом он вернулся, подхватил след Вонтоллы на том месте, где он его бросил, и устроился на дереве с выдавшимся сучком метрах в двух от земли; повесив пучок чеснока на крепком развилке дерева, он сидел смирно, точа свой нож о подошву ноги.

Незадолго до полудня, когда солнце начало сильно припекать, Маугли услышал топот ног и почуял отвратительный запах стаи Диких Собак, которые настойчиво шли по следу Вонтоллы. Сверху собаки казались вдвое меньше волков, но Маугли знал, как крепки их лапы и челюсти.

Он подождал, пока острая гнедая морда предводителя стаи, обнюхивавшего след, поравнялась с ним, и крикнул: «Доброй Охоты!»

Зверь поднял голову, и вся стая остановилась — десятки собак с низко опущенными хвостами, широкими плечами, слабым крупом и окровавленной пастью. Дхоли, вообще говоря, весьма молчаливые звери, и притом «невоспитанные» даже с лесной точки зрения. Их было не меньше двухсот. Маугли видел, что вожаки жадно принохиваются к следу Вонтоллы и стараются увлечь стаю вперед. Этого нельзя было допустить: они пришли бы к берлогам при дневном свете, а Маугли нужно было задержать их под деревом до сумерек.

— Кто позволил вам прийти сюда? — спросил Маугли.

— Все Джунгли — наши Джунгли! — был ответ, и псы оскалили свои белые зубы.

Маугли поглядел вниз с улыбкой и в совершенстве изобразил резкую трескотню Чикая, прыгающей крысы Деккана; этим он дал понять Диким Собакам, что считает их хуже Чикая. Стая окружила дерево, и вожак свирепо залаял, обозвав Маугли «древесной обезьяной». В ответ Маугли

спустил голую ногу и стал перебирать пальцами как раз над головой вожака. Этого было более чем достаточно, чтобы привести стаю в безумную ярость. Те, у кого между пальцами растет шерсть, не любят, чтобы им об этом напоминали. Маугли подобрал свою ногу, как только вожак подпрыгнул, и тихо промолвил:

— Собака, красная собака! Убирайся назад в Деккан и жри ящериц! Ступай к своему брату, Чикаю. Собака, собака, красная, красная собака! У тебя между пальцами шерсть! — И он опять поиграл пальцами ног.

— Спускайся вниз, или мы уморим тебя голодом, Безволосая Обезьяна! — заревела Стая.

Маугли только этого и ждал. Он улегся на сук, прижавшись щекой к коре и оставив правую руку свободной, и добрых пять минут выкрикивал Дхоям, что он думал и знал о них — об их манерах, об их обычаях, об их самках и их щенках. Ядовитее и злобнее слов, какими жители Джунглей выражают свое презрение и насмешку, не существует на свете. Как Маугли говорил Каа, у него под языком было много острых колючек, и он медленно, расчетливо взвинчивал Дхолей, которые от молчания перешли к рычанию, рычание вскоре сменилось завываниями, а завывания — хриплым бешеным воем. Они старались не оставлять без ответа его издевательства, но с таким же успехом какой-нибудь щенок мог пытаться отвечать разъяренному Каа. Правую руку Маугли держал наготове, прижав ее к боку, а ногами обхватывал сук, крепко держась за него. Гнедой вожак то и дело подпрыгивал вверх, но Маугли был осторожен. Наконец, совершенно выйдя из себя, вожак подпрыгнул на два или даже на два с половиной метра от земли. Рука Маугли вытянулась, как рассерженная змея, и схватила зверя за шиворот. Сук нагнулся и затрещал; Маугли чуть не слетел наземь, но не оставил своей добычи и дюйм за дюймом подтянул вверх зверя, болтавшегося в воздухе, как дохлый шакал. Левой рукой Маугли достал свой нож и, отрезав красный пушистый хвост, бросил пса на землю. Только это и было ему нужно. Он знал, что теперь Дхоли не двинутся по следу Вонтоллы, пока не убьют Маугли или пока он не истребит их. Дхоли уселись рядами вокруг дерева, подрагивая ляжками в знак того, что не уйдут, пока не отомстят. Маугли взобрался на высокий развилок дерева, спокойно расположился там и заснул.

Через три или четыре часа он проснулся и окинул взглядом стаю — все были на месте. Дикие собаки молчали или хрипло вскрикивали и сухими, жесткими, как сталь, глазами глядели на него. Солнце стало склоняться к закату. Через полчаса Маленький Народ Скал должен был покончить свои дневные труды, а Дхоли — плохие бойцы в сумерках.

— Мне вовсе не нужны столь бдительные стражи, — сказал Маугли, встав на суку, — но я это попомню! Вы — воистину дикие собаки, на мой вкус даже чересчур, и потому я не отдам хвоста этому пожирателю ящериц. Ты, кажется, недоволен, Пес?

— Я вырву твое сердце! — взвыл вожак, кусая ствол дерева.

— Нет, ты только подумай, мудрая крыса Деккана: сколько теперь народится маленьких бесхвостых щенков с сырой красной культишкой, которой так больно в горячем песке? Ступай домой, Красный Пес, и кричи, что это сделала Обезьяна! Не хочешь? Тогда пойдем за мной, и я тебя проучу!

Маугли ловко, как обезьяна, перескочил на соседнее дерево, потом на следующее; стая следовала за ним, подняв голодные морды. Время от времени он делал вид, будто падает, и тогда собаки скучивались, спеша накинуться на добычу. Это было любопытное зрелище: мальчик с ножом, сверкавшим в лучах низкого солнца, просеивавшихся сквозь верхние сучья, и безмолвные звери, рыжий мех которых рдел как пламя. Добравшись до последнего дерева, Маугли натер себя по всему телу диким чесноком, и Дхоли презрительно завyli:

— Обезьяна с языком волка, не думаешь ли ты затуманить свой след? Мы пойдем за тобой до смерти!

— Получай хвост! — крикнул Маугли, бросая хвост наземь. Стая подалась назад, зачуяв кровь. — А теперь следуйте за мною — до смерти!..

Он соскользнул вниз по стволу и вихрем помчался к Пчелиным Скалам; Дхоли не успели даже разглядеть его хорошенько.

Собаки, взыв, кинулись за Маугли характерной припрыгивающей трусцой, не знающей передышек. Маугли знал, что они бегают не так быстро, как волки, иначе бы он не рискнул пробежать две мили у врагов на виду. Они были уверены, что догонят мальчика, а он не сомневался, что сыграет с ними задуманную шутку. Вся его забота была — не дать им остыть и свернуть в сторону прежде времени.

Он бежал ровным, упругим шагом, в пяти шагах за ним следовал бесхвостый вожак; вся стая, ослепнув и обезумев от ярости, растянулась приблизительно на четверть мили. Он поддерживал между собой и врагами расстояние по слуху, сберегая силы для последнего бега по Пчелиным Скалам.

Пчелы заснули в начале сумерек (пора цветения поздних цветов уже прошла), но как только гулко раздались первые шаги Маугли — ему почудилось, словно вся земля загудела. И он помчался так, как никогда еще не бегал в своей жизни; по пути он столкнул две-три груды камней в черные, сладко пахнущие пропасти. Послышался рев, подобный реву моря; в пещере и в воздухе потемнело, Маугли увидел вдали Вайнгунгу, а внизу плоскую ромбовидную голову змея; метнувшись вперед изо всей силы, причем бесхвостый вожак чуть не цапнул его за плечо, Маугли благополучно упал ногами вниз в реку, задыхаясь от торжества. На теле у него не было ни одного укола — запах чеснока задержал пчел на несколько секунд, которые перенесли его через скалы. Когда он поднялся, кольца могучего тела Каа подпирала его, а через края утесов падали огромные комки пчелиных роев; когда такой комок касался воды, пчелы взлетали вверх, а мертвое тело Дхоля уносилось вниз по реке. Наверху раздавались яростные короткие завывания, тонувшие в подобном прибое шуме крыльев Маленького Племени Скал.

Некоторые из Диких Собак попадали в овраги, соединявшиеся с подземными пещерами, и там дрались, задыхаясь и щелкая челюстями среди валившихся на них сот. Поднятые замертво на живой волне миллионов пчел, они вылетали наконец из какой-нибудь дыры в реку и катились по черным кучам мусора. Иные псы, подпрыгнув, попали на деревья на скалах, и пчелы обезобразили их до неузнаваемости; но главная масса собак, обезумев от укулов, бросилась в реку. А Вайнгунга, по словам Каа, была голодная река. Каа крепко держал мальчика, пока тот не отдышался.

— Нам нельзя здесь оставаться, — сказал он. — Маленькое Племя не на шутку разбушевалось!

Медленно плывя, часто ныряя и не выпуская ножа из рук, Маугли пустился вниз по реке.

— Легче, легче! — говорил Каа. — Одним зубом не убьешь сотен, если только это не зуб Кобры. Многие из Диких Собак побросались в воду, увидев, что поднялся Маленький Народ. Они остались невредимы!

— Тем больше работы осталось для моего ножа. Фай! Как неотступен Маленький Народ в преследовании! — Маугли снова нырнул. Поверхность воды была густо устлана тысячами пчел, которые сердито жужжали и жалили все, что подвертывалось.

— Молчание никогда не приносило вреда, — промолвил Каа (его чешуйки были совершенно непроницаемы для пчелиных укусов), — а пред тобой вся долгая ночь для охоты. Слышишь, как они воют?

Почти половина стаи Дхолей увидела, какую ловушку им подстроили, и круто свернула в сторону, кинувшись в воду в том месте, где ущелье расширялось среди крутых берегов. Яростные вопли и угрозы «древесной обезьяне», навлекшей позор на их голову, мешались с воем и рыком собак, ставших жертвами разъяренных полчищ пчел. На берегу их ждала смерть, и все это понимали. Дикие Собаки кинулись вдоль потока к скалам Заводи Мира, но и здесь разъяренные пчелы преследовали их и гнали в воду. Маугли расслышал голос бесхвостого вожака, который уговаривал свое племя держаться и истребить всех Сионийских волков до единого. Маугли не стал терять времени.

— В темноте, позади нас, тоже разят! — вскрикнул один пес. — Вода вся в крови.

Маугли нырнул, как выдра, потащив за собой собаку, прежде чем та успела раскрыть пасть. Когда тело выплыло, темные маслянистые пятна поплыли по Заводи Мира. Дхоли хотели свернуть в сторону, но река увлекала их дальше, а пчелы облепляли головы и шеи; боевой вызов Сионийской Стаи все громче и громче раздавался впереди, в сгущавшемся мраке. Опять Маугли нырнул — через минуту снова всплыл мертвый пес, и снова в тылу стаи поднялся рев; одни кричали, что лучше быть на берегу, другие зывали к вожаку, требуя вести их обратно в Деккан; третьи же приглашали Маугли показаться и сразиться в открытую.

— Они ходят на охоту с двумя желудками и множеством голосов, — заметил Каа. — Прочие там, внизу, с твоими братьями. Маленькое Племя отправляется назад, спать, и я тоже вернусь. Волкам я не оказываю помощи!

На берегу показался волк на трех ногах; он то подпрыгивал, то припадал к земле, то сгибал спину, словно играл со своими щенками. Это был Вонтолла, Отделившийся Волк. Он не говорил ни слова, но продолжал свою странную игру возле Дхолей. Они уж давно находились в воде и плыли по течению, намокший мех их отяжелел, пушистые хвосты волочились сзади, как губки; измученные, усталые, они тоже безмолвствовали, наблюдая за парой горящих глаз, двигавшейся вровень с ними.

— Недобрая Охота! — проговорил наконец один.

— Доброй Охоты! — проговорил Маугли, смело вырастая как из-под земли рядом с псом и вонзая ему под лопатку свой нож — и отскочил, чтобы не попасть в сомкнувшуюся в предсмертной судороге челюсть.

— Это ты, Человеческий Детеныш? — спросил Вонтолла с берега.

— Спроси у мертвых, Отделившийся, — отвечал Маугли. — Разве никого не прибило течением? Я накормил грязью этих собак; я надул их средь бела дня, их вожак лишился хвоста, но остались другие на твою долю. Куда гнать их?

— Я подожду, — ответил Вонтолла. — Передо мною еще долгая ночь, и я хорошо вижу!

Все ближе и ближе раздавался лай Сионийских волков.

— За Стаю! За всю Стаю мы принимаем бой!

Излучина реки гнала Дхолей вперед, к отмелям и бродам у Сионийских логовищ.

Тут только Дикие Собаки заметили свою ошибку. Им нужно было выйти полумилей выше и сразиться с волками на суше. Теперь уже было поздно. По всему берегу сверкали горящие глаза, и за исключением страшного физла, не умолкавшего с самого заката по всем Джунглям, не слышно было ни единого звука. Казалось, Вонтолла приглашал их выйти на берег.

— Разворачивайтесь и держите! — крикнул вожак стаи Дхолей.

Вся стая кинулась на берег, шумом и хлюпаньем взбаламутив мелкую воду; Вайнгунга вспенилась во всю ширину, крупные струи побежали вправо и влево, как волны из-под носа челна. Маугли бежал следом, рубя и кромсая Дхолей, сгрудившихся на берегу.

И вот начался долгий бой — беспорядочный шум, толкотня и сумятица, ширившаяся и вновь суживавшаяся на влажных красных песках, среди спутанных древесных корней, среди кустов и травянистых кочек. И теперь еще Дхолей было вдвое больше, чем волков.

Но волки сражались не на жизнь, а на смерть; в битве принимали участие не только крутогрудые белозубые матерые самцы, но даже рассвирепевшие лахини (волчицы) сражались за свои выводки. Случалось, что и молодой волчонок с едва отросшей первой шерстью тербил и дергал пса за бока. Волк, как известно, хватает за горло или вцепляется в бок, а Дикие Собаки предпочитают кусать снизу; пока собаки находились в воде и им для нападения приходилось поднимать голову, преимущество было на стороне волков; на суше волкам пришлось хуже; Маугли же одинаково хорошо работал ножом и в воде, и на суше.

Четверо братьев пробивались к нему на помощь. Серый Брат, присев между коленями мальчика, защищал его живот, а другие — спину и бока; или стояли над ним, когда прыжок воющего пса, наскочившего прямо на прочный клинок ножа Маугли, сбивал его с ног. Все смешалось в беспорядочной свалке. Масса сражающихся подавалась то вправо, то влево по берегу, в то же время медленно поворачиваясь вокруг своего центра. В одном месте возникал живой холмик, вздымавшийся, как водяной пузырь в водовороте, и подбрасывавший четверых-пятерых изувеченных собак, опять рвавшихся к центру; в другом месте волк в одиночку тащил на себе двух-трех псов; или же толпа выдавливала вверх годовалого щенка, убитого в самом начале сражения, а его обезумевшая мать яростно щелкала пастью, огрызаясь на все стороны; не то в самой гуще драки волк с диким псом, забыв обо всем на свете, выплясывали друг возле дружки, выбирая, куда вцепиться, пока их не увлекала волна завывающих бойцов. Раз мимо Маугли пронесся Акела — на каждом боку его висело по Дикой Собаке, а сам он сомкнул почти беззубую свою пасть на крупе третьего; прошел мимо Фао, вцепившийся зубами в горло пса, прикончить которого он предоставил волкам-однолеткам. Главный же театр войны представлял собой невообразимую кашу свалки в потемках; удары, лязганье зубами, топот, стоны, визги, храп вокруг Маугли, позади Маугли, над Маугли!

Всю ночь продолжалась эта сумятица, не прекращаясь и не ослабевая ни на минуту. Дхولي утомились и боялись уже нападать на сильных волков, но еще не решались удариться в бегство; Маугли же чувствовал, что конец

приближается, и довольствовался тем, что калечил врагов своим ножом. Однолетки осмелели; можно было перевести дух, и порой достаточно было отблеска лезвия ножа, чтобы испуганный пес бросился назад.

— Мясо уже очень близко к костям! — прошептал Серый Брат. У него лилась кровь из дюжины ран.

— Но кость еще нужно разгрызть! — отвечал Маугли. — Аю! Вот как мы расплачиваемся в Джунглях! — И красный клинок пламенем сверкнул, вонзившись в бок пса, на круп которого всей тяжестью наседали волк.

— Моя добыча! — всхрипнул волк, пыхнув сморщенными ноздрями. — Оставь его мне!

— Неужели у тебя все еще пусто в брюхе, Отшельник? — спросил Маугли.

Вонтолла был страшно истерзан, но он крепко держал собаку, которая не могла обернуться и достать врага.

— Клянусь Быком, выкупившим меня, — крикнул Маугли, засмеявшись, — это бесхвостый! — И в самом деле, это был гнедой вожак.

— Не имеет смысла убивать щенков и волчиц, — философски заметил Маугли, отирая кровь с глаз, — если не убить и хозяина логова; но мне кажется, что хозяин-то логова убьет тебя!

Другой пес прыгнул на выручку к своему вожаку, но прежде чем его зубы коснулись Вонтоллы, Маугли вонзил свой нож в его грудь, а Серый Брат доделал остальное.

— Вот как мы расплачиваемся в Джунглях! — молвил Маугли.

Вонтолла не говорил ни слова, только челюсти его все крепче смыкались на хребте врага. Дикий пес задрожал, голова его упала, он затих, а Вонтолла упал на него.

— Долг крови заплачен! — промолвил Маугли. — Спой песню, Вонтолла!

— Он больше не будет охотиться, — сказал Серый Брат, — да и Акела что-то давно молчит.

— Кость треснула! — прогремел Фао, сын Фаона. — Они уходят! Бейте, о, бейте, охотники Вольного Племени!

Собака за собакой улепетывали от темных, окровавленных песков к реке или в чащу леса, вверх или вниз по течению, смотря по тому, где путь был свободней.

— Долг! Долг! — кричал Маугли. — Платите долг! Они убили Одинокого Волка. Пусть же ни одна собака не спасется!

Схватив нож, он кинулся к реке, чтобы перерезать отступление Диким Собакам, которые вздумали бы кинуться в воду; из-под десятка мертвых тел, наваленных кучей, показались голова и передние лапы Акелы. Маугли упал на колени возле Одинокого Волка.

— Не говорил ли я тебе, что это будет мой последний бой?.. — задыхаясь, прошептал Акела. — Славная была охота. А ты, Маленький Брат?

— Я жив, убив многих...

— Вот как! Я умираю и хотел бы... хотел бы умереть возле тебя, Маленький Брат!

Маугли положил страшно исполосованную голову к себе на колени и обвил руками истерзанную шею.

— Много дней прошло со времен Шер-Хана и Человеческого Детеныша, катавшегося голым в пыли... — прокашлял Акела.

— Нет, нет, я — Волк! Я одной крови с твоим Племенем! — вскрикнул Маугли. — Я не хочу быть Человеком!

— Ты — Человек, Маленький Брат, о волчонок, взрощенный мною! Ты — Человек, иначе Стая бежала бы перед Дхоями! Я обязан тебе своей жизнью, а сейчас ты спас Стаю, как некогда я спас тебя... Разве ты забыл? Теперь все долги выплачены. Ступай к своему Племени, говорю я тебе, свет моих очей! Охота кончилась, ступай к твоему Племени!

— Я не пойду, я буду охотиться один в Джунглях! Так я сказал!

— После лета приходят дожди, а после дождей наступает весна. Ступай, пока тебя не прогнали!

— Кто прогонит меня?

— Маугли прогонит Маугли. Ступай к твоему народу. Ступай к людям!

— Когда Маугли прогонит Маугли, я пойду!

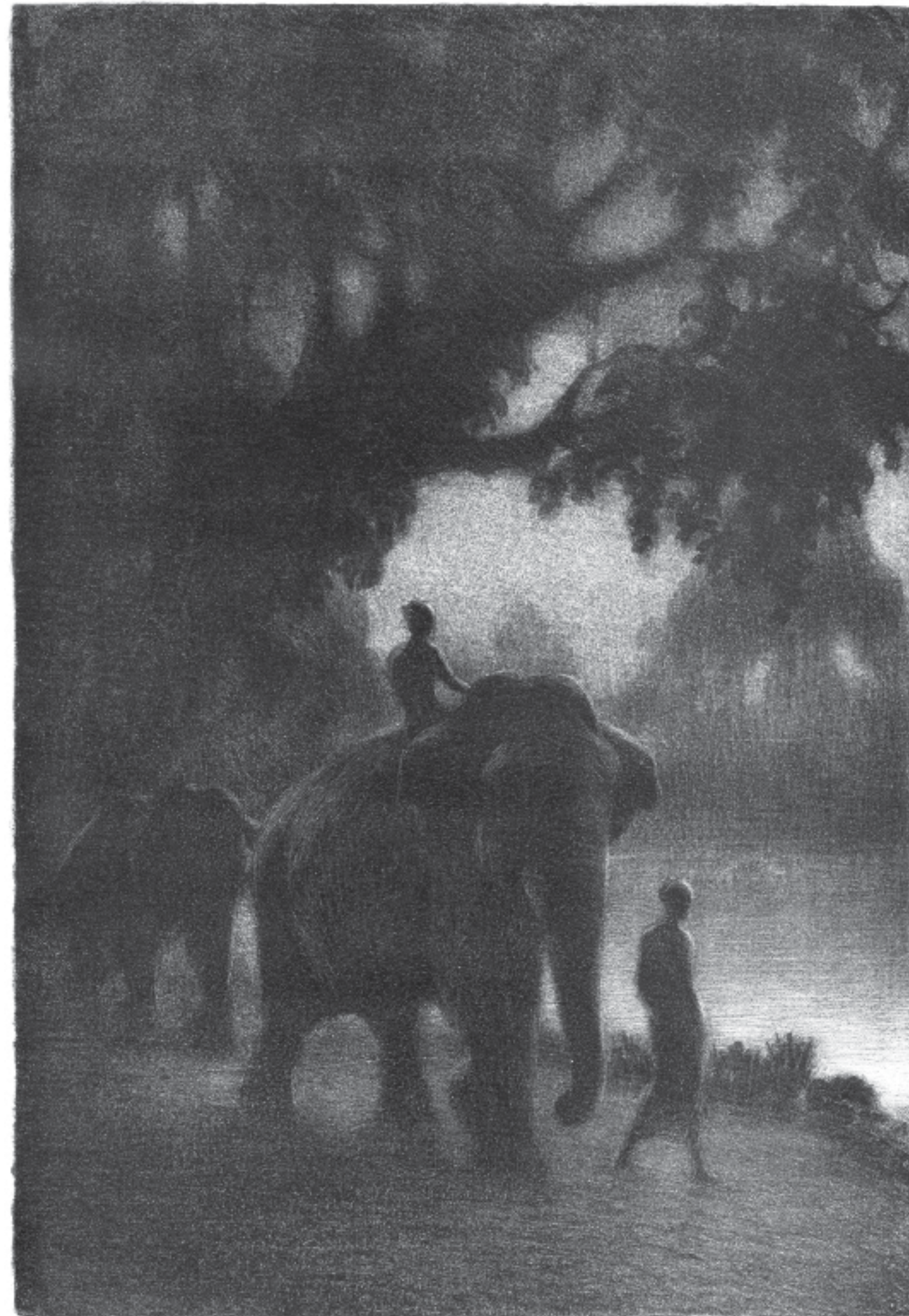
— Больше тебе здесь нечего делать, — продолжал Акела. — А теперь я поговорю с моим Племенем. Маленький Брат, можешь ты поставить меня на ноги? Ведь я тоже вождь Свободного Племени!

Маугли осторожно приподнял Акелу, нежно обвив его обеими руками. Одиноким Волк испустил глубокий вздох и затянул Смертную Песнь, которую обязан петь предводитель Стаи перед кончиной. Голос его постепенно креп, поднимался все выше и выше, пока не загремел за рекой. Выкрикнув последнее «Доброй Охоты!», Акела на мгновение отделился от Маугли и, подскочив кверху, пал навзничь на своего последнего и самого страшного врага.

Маугли сидел, уткнувшись головой в колени, и ничего не замечал, пока последнего из Диких Псов не догнали и не растерзали беспощадные волчицы. Мало-помалу крики замерли, и волки собрались, прихрамывая, считать мертвых. Пятнадцать членов Стаи и добрых полдюжины волчиц лежали мертвыми у реки, а из остальных ни один не остался без ранений. Маугли сидел до холодного рассвета; окровавленная влажная морда Фао опустилась ему на руку. Маугли отодвинулся, чтобы показать исхудалое тело Акелы.

— Доброй Охоты! — промолвил Фао, словно Акела был еще жив, и крикнул товарищам через свое обгаренное кровью плечо: — Войте, собаки! Волк скончался в эту ночь!

Но из всей стаи Дхелей в двести голов — красных собак Деккана, похвалившихся тем, что перед ними не устоит никакая живая тварь — ни один не остался в живых и не вернулся в Деккан рассказать о страшном побоище.

Песнь Чиля

Вы товарищи мне были — вы ушли во тьме ночной.
(Чиля! Ждите Чиля!)
Просвищу теперь я Джунглям, что окончен славный бой.
(Чиля! Слушайте Чиля!)
Сверху я бросал вам слово об олене на полях;
Вверх вы мне метали слово о поверженных врагах.
Кончен след — и звук последний смолк в разомкнутых устах.

Это те, кто ратным кличем стадо мирное пугал.
(Чиля! Ждите Чиля!)
Те, чей зуб, как острый бивень, вражье горло протыкал.
(Чиля! Вестники Чиля!)
Кто пути не уступил бы грозно поднятым рогам,
Кто уверенно бы крался по извилистым тропам.
Больше им врага не видеть — видно, здесь конец следам!

Все они друзья мне были, право, жаль, что полегли!
(Чиля! Вестники Чиля!)
Надо их почтить; с гостями я снижаюсь до земли...
(Чиля! Ждите Чиля!)
Бок истерзан, впалы очи и разинут красный зев.
Мертвый к мертвому склонился, гибель лютую презрев!
Здесь конец следам — и грустен погребальный наш напев...

Помещение вестны

Человек уходит к людям. Расскажи об этом в Джунглях:
Бывший братом нам уходит навсегда!
Слушай, о лесное племя, слушайте, народы Джунглей:
Вы видали, чтобы вспять текла вода?
Человек уходит к людям... Посмотри, он плачет в Джунглях!
Бывший братом нам горюет, как щенок...
Человек уходит к людям. (Как его любили Джунгли!)
Человечий след отныне нам далек...

Через год после великого боя с Дикими Собаками и после смерти Аке-лы Маугли было около семнадцати лет. Он казался старше, потому что физические нагрузки, отличная еда и купание тотчас, как ему становилось жарко или донимала скука, дали ему рост и силы не по летам. Он мог по полчаса висеть на суку, ухватившись за него одной рукой, если нужно было осмотреть древесные пути. Он мог, схватив молодого оленя за голову, на бегу остановить и повалить его. Он мог даже опрокинуть огромного синего дикого кабана, жившего в Болотах Севера. Жители Джунглей, раньше боявшиеся Маугли за его ум, теперь боялись его силы, и когда он спокойно шел по своим делам, одного брошенного шепотом слова о его приближении было достаточно, чтобы расчистить перед ним все лесные тропы. И все же взгляд его глаз всегда был мягким. Даже когда он сражался, глаза его никогда не сверкали, как глаза Багиры: в них только все нарастало

возбуждение и нарастал интерес — и этого Багира никак не могла понять. Она как-то спросила Маугли об этом, и мальчик со смехом отвечал:

— Упустив добычу, я сержусь. Поголодав два дня, я очень сержусь. Неужели тогда мои глаза не горят?

— Рот твой голоден, — отвечала Багира, — но глаза ничего не говорят. Охота, еда или плавание — ты всегда одинаков, все равно что камень в сухую или дождливую погоду.

Маугли лениво посмотрел на пантеру из-под своих длинных ресниц — и Пантера, как всегда, опустила голову. Багира знала своего владыку!

Они лежали на склоне холма, нависшего над Вайнгунгой. Белые и зеленые ленты утреннего тумана расстилались внизу. Солнце взошло, туман за клубился волнами багрянца и золота, и косые лучи полосами легли на сухую траву, на которой отдыхали Маугли с Багирой.

Это было в конце холодного сезона. Листья на деревьях увяли, и при каждом дуновении ветра слышался сухой шорох. В налетевшем вихре яростно колотился о ветку листок, подхваченный воздушной волной.

Он пробудил Багиру, которая с глухим кашлем потянула утренний воздух, опрокинулась на спину и стала бить передними лапами колеблющийся листок над своей головой.

— Год поворачивается, — проговорила она. — Джунгли идут вперед. Близится время Новых Речей. Этот лист знает! Это очень хорошо.

— Трава совсем сухая, — ответил Маугли, вырвав пучок травы. — Даже Глазок Весны (восковой красный цветок, похожий на маленькую трубу, выглядывающую из травы), даже Алый Цветок закрылся, и... Багира! Подобаает ли Черной Пантере валяться на спине и бить лапами воздух, как какая-нибудь древесная кошка?

— Аувх! — пропыхтела Багира. Видно, она думала о другом.

— Я говорю, пристойно ли Черной Пантере разевать таким манером пасть, кашлять, завывать и кататься? Вспомни, мы с тобою Владыки Джунглей!

— Да, это так; я слышу, Человеческий Детеныш... — Багира поспешно перевернулась и стряхнула пыль со своих косматых боков (она как раз линяла — сбрасывала свой зимний мех). — Без сомнения, мы — Владыки Джунглей. Кто так силен, как Маугли? Кто так мудр?

Багира так странно протянула эти слова, что Маугли обернулся посмотреть, не издевается ли над ним Черная Пантера, ведь Джунгли полны слов, звук которых говорит одно, а смысл — совсем другое.

— Я сказала, что мы, без сомнения, Владыки Джунглей, — повторила Багира. — Что ж тут дурного? Я не знала, что Человеческий Детеныш не лежит уже на земле. Что ж он, летает?

Маугли сидел, упершись локтями в колени, и глядел через долину на занявшийся день. В лесу какая-то птица хриплым, неверным голосом разучивала первые ноты своей весенней песни. Это была лишь тень тех мелодичных виртуозных рулад, которые разольются по лесу чуть позже. Багира услышала ее.

— Я говорю, что близится время Новых Речей, — пробурчала Пантера, размахивая хвостом.

— Я слышу, — ответил Маугли. — Багира, отчего ты дрожишь всем телом? Ведь солнце греет жарко.

— Я слышу Ферао, алого дятла, — ответила Багира. — Он не забыл своей песни! Надо и мне вспомнить свою. — И Пантера начала мурлыкать и напевать про себя, то и дело недовольно возвращаясь и начиная сначала.

— Да ведь никакой дичи не слышно, — лениво проговорил Маугли.

— Что это, Маленький Брат, тебе заложило оба уха? Ведь это не охотничья песнь. Я готовлю весеннюю песню — на всякий случай!

— Ах, я и забыл! Я узнаю, когда придет время Новых Речей: тогда ты и прочие убежите и оставите меня одного! — Маугли говорил с раздражением.

— Но, право же, Маленький Брат, мы не всегда...

— А я говорю — да! — проговорил Маугли с гневом. — Вы убегаете, а я, Владыка Джунглей, должен ходить один-одинешенек. Не так ли было в прошлое лето, когда я хотел набрать сахарного тростника с полей Человечьей Стаи? Я послал гонца — тебя я послал! — к Хати с приказом прийти ко мне ночью и нарвать для меня хоботом травы.

— Он пришел через две ночи, — отвечала Багира, съежившись. — Но ведь этой сладкой травы, которая тебе так нравится, он нарвал больше, чем мог бы съесть любой Человеческий Детеныш во все время Дождей!

— Он не пришел в ту ночь, когда я позвал его! Нет, он трубил, ревел и бегал по долинам в лунном свете! След его был подобен следу трех слонов, потому что он не хотел прятаться среди деревьев. Он плясал при свете луны перед домами Человечьей Стаи. Я видел его, но он не хотел подойти ко мне. А ведь я — Владыка Джунглей!

— Это было время Новых Речей, — смиренно проговорила Пантера. — Может быть, Маленький Брат, ты не окликнул его в ту пору Владычным Словом? Послушай Ферао!

Гнев Маугли, кажется, уже растаял; он откинулся назад, заложив руки под голову и закрыв глаза.

— Не знаю, да и не хочу знать, — сонно проговорил он. — Уснем, Багира. Как-то тяжело у меня внутри... Сделай мне изголовье, Багира!

Пантера улеглась со вздохом: она слышала, как Ферао упражнялся, разучивая песню к весенней поре Новых Речей.

В Джунглях времена года переходят одно в другое почти незаметно, как будто их только два — дождливое и сухое. Но под потоками дождей и облаками пыли все четыре времени года сменяются правильным порядком. Всего чудеснее индийская весна. Ей не приходится покрывать голых полей новой листвой и цветами; она только срывает с веток и гонит прочь засохшие листья и зелень, уцелевшие мягкой зимой от прошлого лета, и в загнившую прошлогоднюю почву вливает новую жизнь и свежесть. И так хорошо она делает это, что нет весны в мире прекрасней весны в Джунглях.

Наступает день, когда все Джунгли просыпаются как бы усталыми, и даже запахи лениво тянутся в душном воздухе — старые, никому не нужные. Объяснить это словами трудно, но таково ощущение. И вот приходит день, в который глаз не видит никаких перемен — а между тем все запахи новы и восхитительны, усы хищников Джунглей трепещут до самых корней, и зимняя шерсть отваливается от их боков длинными лохматыми космами. Выпадает дождик — и все деревья, и кусты, и бамбук, и мох, и растения с сочными листьями вдруг просыпаются в шумном росте, который почти что можно расслышать человеческим ухом, а под этим шумом и днем и ночью слышится глухое и глубокое гудение. Это и есть шум весны — дрожащий гул, не похожий ни на жужжание пчел, ни на журчанье льющейся воды, ни на шелест ветра в вершинах деревьев, мурлыканье разомлевшего в тепле счастливого мира.

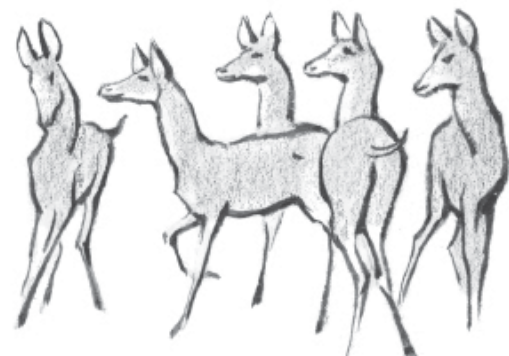
До этой весны смена времен года неизменно доставляла наслаждение Маугли. Обычно он первым замечал первый Глазок Весны в высокой траве и первую гряду весенних облаков, не похожих ни на что другое в Джунглях. Его голос слышался повсюду, в каждом уголке влажных зарослей, освещенных звездами цветов, где он либо подпевал хору больших лягушек, либо передразнивал маленьких сов, висящих вниз головою и ухающих в светлые ночи. Как и все его Племя, он в эту пору скитался: бегал ради одного удовольствия мчаться в теплом воздухе, пробегая по тридцать, сорок и пятьдесят миль от сумерек до утренней звезды, и возвращаться запыхавшись, со смехом, с гирляндами редких цветов. Четверка не следовала за ним в этих буйных скитаниях по Джунглям, но распевала песни с другими

волками. У обитателей Джунглей много дела весной, и Маугли слушал, как они хрюкают, визжат и посвистывают, каждый на свой лад. Весной у них иные голоса, чем в другое время года, и потому-то они и называют весну Порой Новых Речей.

Но в эту весну, как Маугли сказал Багире, он почувствовал, что внутри у него что-то изменилось. Как только побеги бамбука сделались пятнисто-коричневыми, он стал дожидаться утра, когда меняются запахи. Настало утро, и Мор, павлин, отливающий бирюзой, бронзой и золотом, громко прокричал об этом всему туманному лесу. Маугли раскрыл рот, чтобы также издать клич, но слова застряли у него в горле, и он испытал какое-то странное чувство, начавшееся в пальцах ног и окончившееся в самых

корнях волос, — чувство глубокого недовольства. Он даже оглядел себя с ног до головы, чтобы увериться, что не наступил на колючку.

Мор оповестил кличем о новых запахах, другие птицы подхватили клич, и со скал Вайнгунги понесся хриплый крик Багиры — нечто среднее между клекотом орла и ржанием лошади. Вверху на свежих ветках слышались визги и возня Бандар-Логов, а Маугли стоял, готовясь ответить Мору; грудь его поднимали частые вздохи — он чувствовал себя несчастным.

Он вглядывался во мрак, но видел сквозь деревья лишь насмешливых Бандар-Логов и Мора, который, распустив свой пышный хвост, выплясывал на склонах вниз.

— Запахи переменялись! — кричал Мор. — Доброй Охоты, Маленький Брат! Почему ты не отвечаешь?

— Маленький Брат, Доброй Охоты! — засвистел Коршун Чиль и спустился вниз со своей подругой. Они пролетели под самым носом Маугли, так близко, что несколько пушистых белых перышек коснулись его.

Полил легкий весенний дождик — его называют «слоновым дождем». Он прошел по Джунглям широкой, в полмили, полосой, оставил за собой сонмища мокрых кивающих листьев и растаял в двойной радуге и раскатах благодатного грома. Весенний шум прорвался на минуту, смолк, и тут все Джунгли в один голос загомонили — все, кроме Маугли.

— Я ел хорошую пищу, — говорил он себе, — пил хорошую воду. У меня не горит и не щиплет горло, как было тогда, когда я отведал корешок в синих пятнышках, съесть который меня подбила черепаха. О-о!.. Но на сердце у меня тяжело, и я без всякой причины был неприветлив с Багирой, и с прочими жителями Джунглей, и с моим племенем. Меня бросает то в жар, то в холод. Что ж! Пора пуститься в бег! Нынче ночью я пересеку горные хребты, я пробегусь к Болотам Севера и обратно. Я избаловался на легкой охоте! Со мной пойдут Четверо, ибо они зажирили, как белые черви!

Он позвал волков, но ни один из Четырех не откликнулся. Они не могли его услышать, потому что ушли далеко, распевая весенние песни — Песнь Луны и Песнь Самбгура — с прочими волками своей стаи; в весеннюю пору жители Джунглей не отличают дня от ночи. Маугли испустил резкий лающий звук, но единственным ответом ему было насмешливое «мяу» маленькой пятнистой древесной кошки, карабкавшейся по ветвям в поисках птичьих гнезд. Он так и затрясся от бешенства и наполовину обнажил нож. Потом напустил на себя важности, хотя никто не смотрел на него, и сурово зашагал вниз по склону горы, нахмутив брови и задрав нос кверху. Но ни одна душа из его племени не удостоила его хоть бы вопросом — все были слишком заняты своими делами!

«Да, — сказал себе Маугли, хотя в глубине души понимал, что неправ, — как только приходят Красные Собаки из Деккана или Красный Цветок начинает плясать среди бамбука, так все Джунгли кидаются к Маугли и давай величать его на все лады пышными кличками! А теперь, только потому, что заалел Глазок Весны, что Мору, павлину, понадобилось щеголять своими голыми ногами в каком-то танце, Джунгли сошли с ума, как Табаки... Клянусь Быком, выкупившим меня, Владыка я Джунглей или нет?»

— Молчать! Что вы тут делаете?

Парочка молодых волков Стаи выбежала на прогалину, чтобы сразиться. (Закон Джунглей запрещает драться в местах, где драку может видеть Стая.) Шерсть на их шеех встала дыбом и напряглась, как проволока; оба свирепо присели для первого прыжка.

Бросившись вперед, Маугли схватил каждого за шиворот, намереваясь опрокинуть их навзничь, как он делал это во время охотничьих игр. Но он никогда раньше не вмешивался в весеннюю драку. Теперь оба прыгнули вперед, отшвырнув его в сторону, и, не сказав ни слова, покатались по земле в отчаянной схватке.

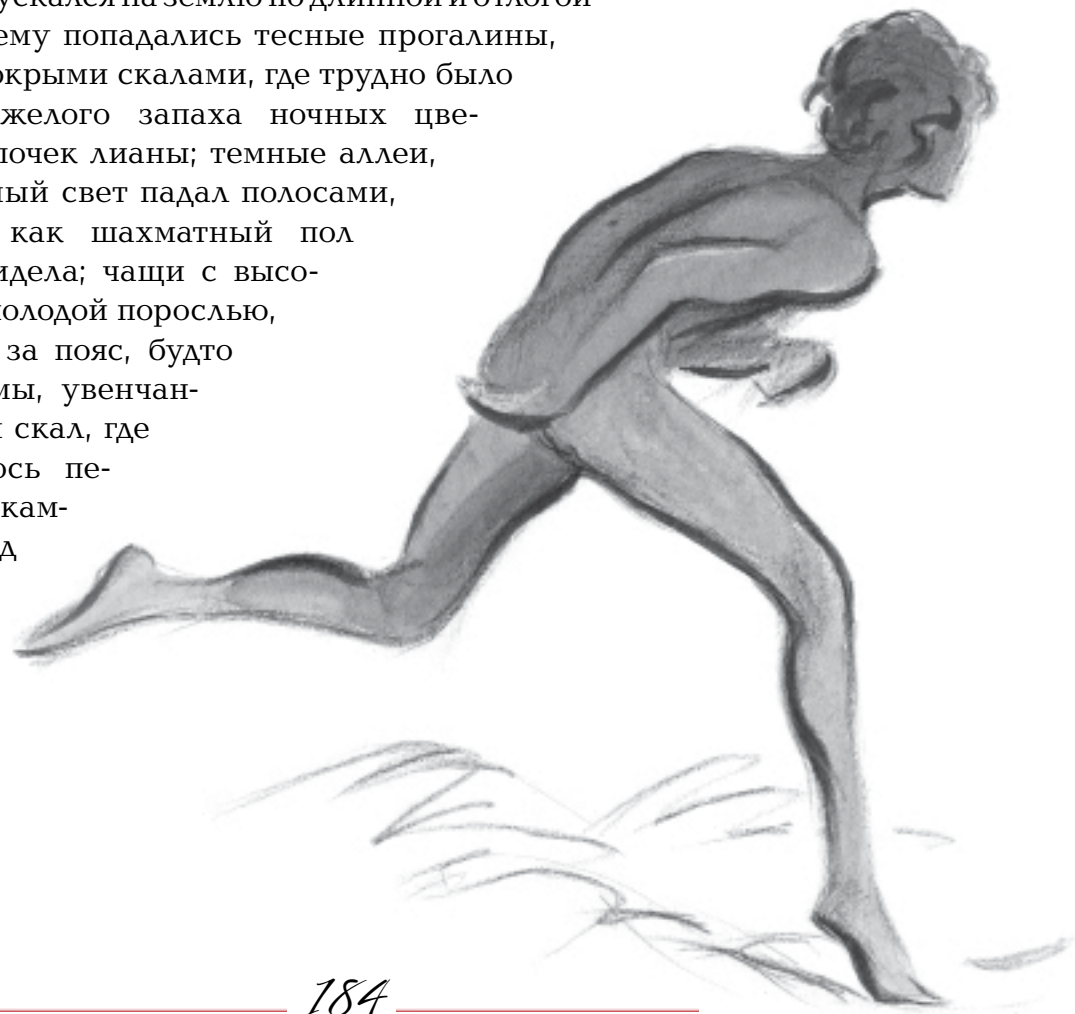
Маугли мгновенно, не успев упасть, вскочил на ноги, обнажив белые зубы и нож, готовый без всякой причины убить волков только за то, что они дрались, когда ему это не нравилось, хотя по Закону всякий волк имеет право драться. Он запрыгал вокруг волков, поджав плечи, с дрожащими руками, собираясь нанести двойной удар, как только схлынет первый жар борьбы, но вдруг почувствовал, что силы оставляют его тело, — и он уронил нож.

— Я, должно быть, наелся яду! — проговорил он наконец. — С той поры, как я разогнал Совет Красным Цветком, с той поры, как я убил Шер-Хана, никому из Стаи не удавалось свалить меня наземь. А ведь это совсем молодые охотники! Моя сила оставила меня, и я умру... О Маугли, зачем ты не убьешь их обоих?

Волки дрались, пока один не обратился в бегство. Маугли остался один на разрытой и окровавленной земле; он глядел то на свой нож, то на свои руки и ноги, и незнакомое ему до сих пор чувство глубокого недовольства заливало его, как полая вода заливают берег.

В этот вечер он ел совсем мало, чтобы не отяжелеть к весеннему бегу; и притом в одиночестве — все Джунгли либо распевали весенние песни, либо дрались. Выдалась настоящая белая ночь, как ее там называют. Все растения словно подросли на целый месяц с утра. Сучок, еще вчера покрытый желтыми листьями, так и брызнул соком, когда Маугли надломил его. Теплый мох густо завился под его ногами, края молодой травы не резали кожи, и все звуки Джунглей слились в глухой гул, напоминающий звук арфы, задетой в лунную ночь — в полную луну Новых Речей, щедро выплескивающую свое сияние на камни и пруды; оно просачивалось между стволом и лианой, просеивалось сквозь миллионы листьев. И сколь горемычным ни чувствовал себя Маугли, он громко запел в неудержимом восторге и пустился бежать. Это был не бег, а скорее какой-то полет, потому что он пустился по длинному склону, спускавшемуся к Северным Болотам через дебри главных Джунглей; упругая земля делала неслышным топот его ног. Человек, воспитанный людьми, нащупывал бы дорогу при луне и споткнулся бы не раз, но крепкие и искушенные долголетним упражнением мускулы Маугли несли его, как перышко, над землей. Попадавшееся под ноги гнилое бревно или предательски прятанный камень он обходил, даже не замедляя бега, даже не думая о препятствии. Наскучив передвижением по земле, он, как обезьяна, ухватывался за первую попавшуюся лиану и скорей взлетал, чем взбирался, до тонких сучков, где выбрал по своему вкусу древесную тропу, пока воздушная дорога ему не надоедала, и тогда он спускался на землю по длинной и отлогой дуге. На пути ему попадались тесные прогалины, окруженные мокрыми скалами, где трудно было дышать от тяжелого запаха ночных цветов и аромата почек лианы; темные аллеи, в которые лунный свет падал полосами, правильными, как шахматный пол церковного придела; чащи с высокой, по грудь, молодой порослью, хватавшей его за пояс, будто лапами; и холмы, увенчанные обломками скал, где ему приходилось перепрыгивать с камня на камень над

норами перепуганных лисичек. Издали, чуть слышно, донеслось вжиканье клыков вепря, точившего их о древесный ствол, а затем показался и сам огромный зверь — он тер и рвал красную кору, с его морды капали клочья пены, и глаза горели как угли. Маугли свернул в сторону, заслышав стук сталкивающихся рогов и шипящие храпы, и пронесся мимо пары оленей-самбгуров, которые яростно дрались, опустив головы, исполосованные кровавыми рубцами, черневшими в лунном свете. У речного брода он увидел Джакалу, крокодила, мычавшего как бык. Потом он едва не наступил на клубок переплестшихся кобр Ядовитого Племена, но прежде чем те успели выпрямиться для нападения, он уже был далеко, замелькал по блестящему щебню и опять нырнул в глубину Джунглей.

Так бежал Маугли, время от времени испуская клич или напевая про себя, и чувствовал себя самым счастливым существом в Джунглях! Вскоре запах цветов подсказал ему, что он приближается к Болотам, а Болота эти лежали намного дальше самых дальних мест его охоты.

Обыкновенный человек на третьем шаге потонул бы в трясине, но у Маугли, казалось, еще одна пара глаз была на ногах, и они легко переносили его с кочки на кочку, с одного шаткого кома земли на другой, не прося помощи у тех глаз, что смотрят на звезды. Он вышел на середину болота, спугнув стаю уток, и уселся на поросшем мхами древесном пне среди черной воды. Все болото проснулось вокруг, ибо весной у Птичьего Племена чуткий сон, и всю ночь напролет стаи птиц то прилетают то улетают, сменяя друг друга. Никто, впрочем, не обратил внимания на Маугли, который сидел в высоких камышах, напевал песни без слов и осматривал подошвы загрубелых смуглых ног, ища застрявшие колючки. Казалось, все неприятные ощущение

ния остались в его родных Джунглях, и он уже затянул было в полный голос песню, как они вдруг возвратились с удесyтеренной силой.

На этот раз Маугли охватил страх.

— И здесь то же самое! — сказал он вполголоса. — Оно преследует меня! — И он оглядел себя через плечо, чтобы увидеть, не стоит ли «оно» за ним. — Никого нет!

Болота были полны ночных шумов, но ни птица, ни зверь не заговаривали с Маугли, и чувство нестерпимого уныния продолжало расти.

— Я наелся яду! — проговорил он голосом, полным страха. — Наверное, я неосторожно наелся яду, и сила моя покидает меня. Я утpашился — я, Маугли, побоялся двух дерущихся волков! Акела или даже Фао угомонили бы, прогнали бы их, а Маугли побоялся. Это верный признак, что я наелся отравы... Но разве есть дело до меня жителям Джунглей? Они поют, завывают, дерутся и бегают стаями при свете луны, тогда как я — гай, май! — умираю в болотах от яда, которого я наелся.

И ему стало так жалко себя, что он чуть не заплакал.

— А потом, — продолжал он, — они найдут меня в черной воде... Нет, я пойду лучше в свои собственные Джунгли и умру на Скале Совета! Багира, которую я люблю, — если только она не бежит с криками по долине — может быть, посидит у моих останков, чтобы Чиль не съел меня, как он съел Акелу...

Крупная горячая слеза шлепнулась ему на колено, и Маугли даже испытал своеобразное наслаждение от сознания своей горемычности.

— Как коршун Чиль пировал над Акелой, — повторил он, — в ночь, когда я спас Стаю от Красных Собак... — На минуту он притих, думая о последних словах Одинокого Волка. — Перед смертью Акела наговорил мне много глупостей, ибо, когда мы умираем, нутро в нас меняется. Он говорил... но все-таки я сын Джунглей!

Разгоряченный воспоминанием о битве на отмелях Вайнгунги, он громко выкрикнул последние слова, и дикая буйволица, лежавшая в камышах, вскочила на ноги, прохрипев:

— Человек!

— Уф! — проговорил Миза, дикий буйвол. (Маугли слышал, как он заворачался в своей луже.) — Это не Человек, это только Безволосый Волк Сионийской Стаи. В такие ночи он бежит взад и вперед.

— Уф! — вздохнула корова, опустив голову и продолжив щипать траву. — А я думала, что это Человек.

— Нет, говорю я! О Маугли, неужели есть опасность? — промычал Миза.

— «О Маугли, неужели есть опасность?» — передразнил его Маугли. — Об одном только и думает Миза — есть ли опасность! О Маугли же, который мечется по Джунглям ночами, вы вовсе не думаете...

— Как громко он кричит! — сказала корова.

— Так кричат все, — презрительно ответил Миза, — которые, нарвав травы, не знают, как ее есть.

«Даже за меньшую дерзость, — простонал про себя Маугли, — за меньшую дерзость не дальше как в прошлые дожди я выгнал Мизу вон из его лужи и протасил через болото на травяной веревке!»

Он протянул было руку, чтобы сорвать перистую тростинку, но со вздохом отдернул ее. Миза продолжал жевать свою жвачку, высокая трава колыхалась в том месте, где паслась его буйволица.

— Не хочу умирать здесь! — гневно проговорил Маугли. — Миза, родич Джакалы и свиньи, высмеет меня! Пойдем за болото, посмотрим, что будет. Никогда еще я не бегал так — мне и жарко, и холодно в одно и то же время. Быстрее, Маугли!

Маугли не смог удержаться от искушения подкрасться по камышам к Мизе и пощекотать его острием ножа. Огромный бык вырвался из трясины с грохотом пушечного выстрела; Маугли хохотал до упаду.

— Расскажи, Миза, как однажды Безволосый Волк Сионийской Стаи пас тебя! — говорил он.

— Волк? Ты? — прохрипел бык, топая ногами. — Все Джунгли знают, что ты был пастухом ручного скота, таким же человеческим постреленком, как те, что бегают и шумят в пыли за поляной! Ты — и Джунгли! Какой бы охотник подумал подкрасться змеей и ради грязной шакалей шутки опозорить меня перед моей коровой? Ступай на твердую землю, и тогда я... я покажу тебе! — Морда у Мизы покрылась пеной; во всех Джунглях бык считается самым неуживчивым.

Он пыхтел и отдувался, а Маугли наблюдал за ним глазами, совершенно не менявшими своего выражения. Когда шум несколько стих и можно было расслышать его, Маугли спросил:

— Какая Человечья Стая живет у болота, Миза? Это для меня новые Джунгли!

— Ступай на Север! — проревел бык, разъяренный тем, что Маугли сильно кольнул его ножом. — Что за шутки голого коровьего подпaska? Ступай, расскажи тем, в деревне, у начала Болота!

— Человечья Стая не любит лесных сказок; и я не думаю, Миза, что лишняя царапина на твоей шкуре стоит того, чтобы из-за нее ссориться. Но пойду взгляну на эту деревню. Да, я пойду. Потихе! Не каждую ночь Владыка Джунглей приходит пасти тебя!

Маугли ступил на зыбкий край болота, хорошо зная, что Миза не посмеет напасть на него здесь, и со смехом побежал прочь, представляя себе, как злится буйвол.

— Не совсем еще ушла моя сила, — говорил он про себя. — Может быть, яд не дошел до костей. А вон сидит звездочка! — Он поглядел вперед сквозь пальцы, которыми закрыл себе лицо. — Клянусь Быком, который выкупил меня, это Красный Цветок — Красный Цветок, у которого я лежал, перед тем как явился первый раз в Сионийскую Стаю! Что ж, теперь, увидев его, я могу остановиться...

Болото оканчивалось широкой равниной, где мерцал огонек. Давно уже Маугли не интересовался делами людей, но в эту ночь мерцание Красного Цветка привлекло его, как некая новая игра.

— Я пойду, — сказал он себе, — погляжу, сильно ли изменилась Человечья Стая...

Забыв, что он уже ходит не по своим Джунглям, где он мог делать все, что хотел, Маугли беспечно зашагал по росистой траве и вскоре очутился перед хижиной, в которой горел огонь. Три или четыре собаки залаяли; Маугли был на краю деревни.

— Хо! — сказал Маугли, бесшумно садясь после того, как утихомирив дворняжек, испустив глухой волчий рык. — Будь что будет! Маугли,

что тебе до логовищ Человечьей Стаи? — Он потер себе рот, вспоминая, куда ударил его камень много лет тому назад, когда другая Человечья Стая изгнала его.

Дверь хижины раскрылась, из нее выглянула женщина и стала вглядываться в темноту. Заплакал ребенок, и женщина сказала: «Спи! Это шакал разбудил собак. Скоро утро».

Маугли затрясся как в лихорадке. Он хорошо знал этот голос, но, чтобы удостовериться, тихо воскликнул, сам изумляясь тому, что к нему вернулась человеческая речь:

— Мессуа! О! Мессуа!

— Кто это? — спросила женщина трепетным голосом.

— Разве ты забыла? — сказал Маугли хрипло: в горле у него пересохло.

— Ты ли это? Если это ты, каким именем я тебя называла? Скажи! — Она наполовину притворила дверь и прижала руку к груди.

— Нату! Оге Нату! — проговорил Маугли. Это было имя, которое Мессуа дала ему, когда он впервые пришел в Человечью Стаю.

— Иди же сюда, сын мой! — позвала она, и Маугли вступил в полосу света и посмотрел прямо в лицо Мессуе — женщине, которая была ласкова с ним и которую он спас от Человечьей Стаи за много лет до этого. Она постарела, волосы ее поседел, но глаза и голос не изменились. Чисто по-женски она ожидала увидеть Маугли таким, каким оставила его, и озадаченным взглядом окидывала его с ног до головы, достававшей до притоки двери.

— Сын мой, — пролепетала она и упала к его ногам. — Но это уже не сын мой! Это лесное божество Агай!

Маугли, стоявшего в красном свете керосиновой лампы, стройного, высокого и прекрасного, с черными волосами по плечам, с ножом, блестевшим на шее, и головой в венке из цветов белого жасмина, легко было принять за божество из лесной сказки. Ребенок, дремавший в постельке, вскочил и громко закричал от страха. Мессуа обернулась успокаивать его, а Маугли стоял, молча разглядывая кувшин с водой и горшки, ящики с зерном и прочие принадлежности человеческой жизни, которые он так хорошо помнил.

— Чего тебе хочется, есть или пить? — спросила Мессуа. — Здесь все твое! Мы обязаны тебе своей жизнью. Но тот ли ты, кого я называла Нату, или ты призрак Джунглей?

— Я — Нату, — отвечал Маугли. — Я увидел этот огонь и пошел сюда. Я не знал, что ты здесь.

— После того как мы пришли в Канхивару, англичане хотели оказать нам помощь против сельчан, которые хотели сжечь нас. Ты помнишь?

— Да, я не забыл.

— Но когда англичане подготовились и мы пошли в деревню к этим злым людям — деревни не оказалось на месте.

— И это я помню, — сказал Маугли, раздувая ноздри.

— Поэтому муж поступил служить на поля, и так как он был сильный человек, то мы обзавелись здесь клочком земли. Живем мы не так богато, как в прежней деревне, но нам немного нужно.

— А где же человек, копавшийся в грязи, который так боялся в ту ночь?

— Он умер вот уже год как.

— А этот? — Маугли указал на ребенка.

— Это мой сын, родившийся два Дождя тому назад. Если ты божество, подари ему милость Джунглей, чтобы он был невредим среди твоего... твоего народа, как мы были невредимы в ту ночь.

Она подняла ребенка, и тот, забыв свой страх, потянулся играть ножом, висевшим на груди у Маугли.

Маугли осторожно отвел его пальчики.

— Если ты Нату, которого унес тигр, — продолжала, всхлипывая, Мессуа, — то он твой младший брат. Дай ему благословение старшего брата!

— Гай! Май! Что я знаю о штуке, называемой «благословением»? Я ему не бог и не брат. О мать, мать, как тяжело у меня на сердце! — Он с дрожью опустил ребенка на пол.

Мессуа, хлопоча около горшков, говорила:

— Это оттого, что ты бегал по болотам всю ночь. Ты, наверное, схватил лихорадку.

Маугли усмехнулся при мысли, что в Джунглях ему может повредить что-нибудь.

— Я разведу огонь и напою тебя теплым молоком. Сними жасминный венок: запах слишком тяжел для нашего тесного помещения.

Маугли сел, закрыв лицо руками и бормоча про себя. Станные ощущения пробегали в нем, словно отравы; у него кружилась голова, его слегка тошнило. Он пил горячее молоко большими глотками, а Мессуа время от времени похлопывала его по плечу.

Она не совсем еще уверилась, точно ли это ее сын Нату той далекой поры или же волшебный житель лесов. Но радостно было ей, что он перед ней во плоти и крови.

— Сын, — проговорила она наконец, и глаза ее гордо блеснули, — говорил ли тебе кто-нибудь, что ты прекраснее всех мужчин?

— А? — спросил Маугли; он понятия не имел о таких вещах.

Мессуа тихо и счастливо засмеялась. С нее достаточно было взгляда, который он бросил на нее.

— Стало быть, я первая? Это хорошо; хотя редко случается, чтобы мать говорила своему сыну такие приятные вещи. Ты прекрасен! Я никогда еще не видала такого мужчины!

Маугли повернул голову и попытался оглядеть себя через плечи. И Мессуа засмеялась так неудержимо, что Маугли, не поняв, в чем дело, сам засмеялся с нею; а ребенок бегал около них и тоже смеялся.

— Нет, ты не смейся над своим братом! — проговорила Мессуа, поймав ребенка и поднеся его к груди. — Если ты будешь хоть наполовину так хорош собой, мы женим тебя на младшей дочери раджи, и ты будешь ездить на больших слонах!

Маугли едва ли понимал одно слово из трех в этом разговоре. После длительного бега горячее молоко начало оказывать действие. Он свернулся калачиком и через минуту крепко заснул; Мессуа откинула волосы ему на лоб и накрыла его плащом. Он проспал остаток ночи и весь следующий день, ибо инстинктом, который никогда его не покидал, он чувствовал, что здесь ему нечего опасаться. Проснулся он с прыжком, от которого затряслась вся хижина, — ему приснилась западня — и схватился за нож, готовый сразиться, озираясь кругом еще сонными глазами.

Мессуа смеялась; она поставила перед ним ужин — грубые лепешки, испеченные на дымном огне, немножко риса и квашеных тамариндов — только чтоб заморить червячка до вечерней охоты. Запах болотной росы пробудил в Маугли голод и беспокойство. Ему хотелось закончить свой весенний бег; но ребенок настойчиво хотел сидеть у него на руках, а Мессуа непременно желала расчесать его длинные иссиня-черные волосы. Она напевала при этом глупые детские песенки и то называла Маугли своим сыном, то просила его даровать немного лесной силы ребенку.

Хотя дверь хижины была заперта, Маугли слышал знакомый звук; он понял испуг Мессуи, когда огромная лапа просунулась под дверь и Серый Брат за дверью завизжал от тревоги и страха.

— Выйди и подожди! Вы не пришли, когда я вас звал! — проговорил Маугли на лесном языке, не поворачивая головы, и большая серая лапа исчезла.

— Не приводи с собой твоих... твоих слуг! — сказала Мессуа. — Я... мы всегда жили в мире с Джунглями!

— Мир и будет, — промолвил Маугли, вставая. — Вспомни ночь пути в Канхивару! И впереди, и позади тебя были десятки такого народа. Но я вижу, что даже в весеннее время жители Джунглей не всегда бывают забывчивы. Я ухожу, мать!

Мессуа смиренно отошла в сторонку: она всерьез подумала, что это лесной бог; но когда он уже взялся рукой за дверь, материнское сердце не выдержало — она обвила руками шею Маугли и так и замерла.

— Вернись! — шептала она. — Сын ты или не сын — вернись, ибо я люблю тебя! Смотри, он тоже горюет!

Ребенок заплакал, видя, что человек с блестящим ножом уходит.

— Вернись же, — говорила Мессуа. — И днем и ночью дверь всегда будет открыта для тебя!

Что-то подступило к горлу Маугли, и он с большим трудом отвечал, точно выдавливая из себя слова:

— Я приду непременно.

— А теперь, — продолжал он уже за дверью, отводя голову ласкавшегося волка, — я в обиде на тебя, Серый Брат! Почему вы не пришли все Четверо, когда я звал вас так давно?

— Так давно? Да ведь это было в прошлую ночь. Я... мы распевали в

Джунглях новые песни, ибо пришла пора Новых Речей. Разве ты не помнишь?

— Правда, правда!

— И как только песни были пропеты, — горячо продолжал Серый Брат, — я пошел по твоему следу. Я убежал от всех прочих и пришел по твоему слову. Но, о Маленький Брат, что ты делал — ел и спал с Человечьей Стаей?

— Если бы вы пришли, когда я вас звал, этого никогда не случилось бы, — сказал Маугли, ускоряя шаг.

— А теперь что будет? — спросил Серый Брат.

Маугли хотел ответить, но на тропинке показалась девушка в белом плаще. Серый Брат немедленно скрылся, а Маугли бесшумно отступил в высокую рожь. Он чуть не коснулся девушки руками, когда теплые зеленые

колосья сомкнулись перед ее лицом, и исчез, как дух. Девушка вскрикнула; ей показалось, что она увидела привидение; потом она глубоко вздохнула. Маугли раздвинул стебли руками и следил за ней, пока она не скрылась из виду.

— А теперь — я не знаю, — сказал он, вздохнув в свою очередь. — Почему вы не пришли, когда я вас звал?

— Мы следуем за тобой, — пробормотал Серый Брат, облизывая пятки Маугли. — Мы следуем за тобой, только не во время Новых Речей.

— И последуете за мной в Человечью Стаю? — прошептал Маугли.

— Не пошел ли я за тобою в ту ночь, когда наша старая Стая изгнала тебя? Кто разбудил тебя, когда ты лежал в хлебах?

— Да, но кроме этого?

— Не следовал ли я за тобой в эту ночь?

— Да, но если еще придется, и еще, и еще, Серый Брат?

Серый Брат молчал. Наконец он проворчал про себя:

— Правду сказала Черная.

— Что она сказала?

— Человек уходит к Человеку в конце концов. Еще мать, Ракша, говорила...

— Так говорил и Акела в ночь Красных Собак, — пробормотал Маугли. — Так говорил и Каа, который мудрее нас всех! Что же ты скажешь, Серый Брат?

— Они тебя однажды прогнали с бранью, они порезали твой рот камнями, они послали Бульдео убить тебя, они хотели бросить тебя в Красный Цветок. Ты, а не я сказал, что они — злая, бессмысленная Стая. Ты, а не я — я верен моему народу! — напустил на них Джунгли. Ты, а не я запел против них песню еще более жестокую, чем наша песнь против Красных Собак!

— Я спрашиваю, что ты скажешь?

Они говорили на бегу. Серый Брат трусил некоторое время, не отвечая, и наконец проговорил с расстановкой:

— Человеческий Детеныш, Владыка Джунглей, сын Ракши, мой брат по логову, хоть я и забылся на малое время весны, но твое слово — мое слово, твое логово — мое логово, твоя добыча — моя добыча и твой смертный бой — мой смертный бой! Я говорю и за трех остальных! Но что ты скажешь Джунглям?

— Это ты правильно подумал. Увидев, надо разить, а не ждать! Ступай вперед, созови всех на Скалу Совета, а я приду и расскажу, что у меня на уме. Но они могут не прийти — в пору Новых Речей они, пожалуй, забыли меня!

— А ты разве ничего не забывал? — отрезал Серый Брат через плечо, пускаясь вскачь. Маугли бежал рядом с ним, не переставая размышлять.

В другое время года все Джунгли сбежались бы к Скале Совета, но теперь звери действительно были заняты — охотой, драками и пением. Серый Брат бежал от одного к другому и выкрикивал:

— Владыка Джунглей уходит обратно к Человеку! Ступайте на Скалу Совета!

А счастливые звери только отвечали:

— Он вернется в летнюю жару. Дождь прогонит его в логовище. Беги и пой с нами, Серый Брат!

— Но Владыка Джунглей уходит обратно к Человеку! — настаивал Серый Брат.

— Аоуа! Разве пора Новых Речей стала хуже от этого? — раздавалось в ответ.

И когда Маугли, с отягченным сердцем пробираясь между столь памятных ему скал, явился на место, где его некогда ввели в Стаю, он нашел только Четверых, Балугу, почти ослепшего от старости, и тяжелого холодного Каа, который обвился вокруг осиротелого утеса Акелы.

— Итак, твой след кончается здесь, Человечек? — промолвил Каа, когда Маугли бросился наземь, упав лицом на руки. — Поплачь, поплачь... Клични твой клич: «Мы одной крови, ты и я, Человек и Змея!»

— Зачем меня не разорвали пополам Красные Псы? — простонал Маугли. — Сила ушла от меня, но это не яд. Днем и ночью я слышу двойные шаги по моему следу. Поверну голову, и мне кажется, словно кто-то спрятался от меня в тот же миг. Я забегаяю за дерево — там никого нет. Я кричу — и никто не отзывается, а мне кажется, что он слышит и прячет ответ... Я ложусь и не знаю покоя. Я бегу весенним бегом и не успокаиваюсь. Я купаюсь, и мне не делается прохладно. Красный Цветок в моем теле! Кости мои как вода. Я не знаю, что со мной!

— К чему слова? — проговорил Балуга, медленно-медленно поворачивая голову в сторону лежащего Маугли. — Акела у реки сказал, что Маугли прогонит Маугли обратно к Человечьей Стае. Я говорил это — но кто теперь слушает Балугу? Багира! Но где же Багира в эту ночь? Она тоже знает! Таков Закон!

— Еще когда мы встретились у Холодных Пещер, Человечек, я знал это, — говорил Каа, шевеля свои громадные кольца. — Человек в конце концов уходит к Человеку, хотя бы Джунгли его и не прогоняли.

Четверо смущенно смотрели друг на друга и на Маугли, готовые повиноваться.

— Итак, Джунгли не прогоняют меня? — пролепетал Маугли.

Серый Брат и остальные трое яростно зарычали:

— Покуда мы живы, никто не посмеет!..

Но Балуга прервал их:

— Я учил тебя Закону. Мой черед говорить. Хоть я и не вижу перед собой скал, зато я вижу будущее. Лягушонок, ступай своим следом! Иди в логово к твоей плоти и крови, к твоей Стае и к твоему народу, но когда понадобится тебе нога, или зуб, или глаз, или слово, быстро летящее ночью, — помни, Владыка Джунглей, что Джунгли — твои по первому зову!

— Средние Джунгли тоже твои, — добавил Каа, — я говорю не за слабых!

— Гай! Май! Братья мои! — громко вскричал Маугли, скидывая руки с рыданием. — Я не знаю, что со мной; я не хочу идти, но какая-то сила тащит меня за ноги. Как я расстанусь с этими ночами?

— Ободришь, братец! — повторил Балу. — Нет стыда в этой охоте! Когда мед съеден, мы покидаем пустой улей.

— Сбросив кожу, мы не влезает в нее больше, — добавил Каа. — Таков Закон.

— Послушай, дороже тебя для меня нет никого! — сказал Балу. — Нет такого слова, которое удержало бы тебя. Кто может спрашивать Владыку Джунглей? Я видел тебя играющим белыми камешками, когда ты был еще Лягушонком. И Багира, выкупившая тебя ценой молодого бычка, также видела тебя, от тех смотрин мы только двое остались, ибо Ракша, твоя мать по логову, умерла вместе с твоим отцом. Старая волчья стая давно перемерла. Ты знаешь, куда девался Шер-Хан; и Акела погиб в схватке с Дикими Собаками, от которых и вторая Сионийская Стая погибла бы, если бы не твоя мудрость и сила. Остались только старые кости. Не Человеческий Детеныш покидает свою Стаю, а Владыка Джунглей меняет свой след! Кто станет вопрошать Человека о его пути?

— Но Багира, но Бык, выкупивший меня? — говорил Маугли. — Я не хочу...

Слова его прервал громкий треск и рев, раздавшийся в чаще, и Багира, легкая, сильная и страшная, как всегда, прыгнула на землю.

— Вот почему я не являлась, — проговорила она, протягивая окровавленную правую лапу. — Это была долгая охота; но теперь он лежит мертвый в кустах — двухгодовалый бык, который освобождает тебя, Маленький Брат! Все долги выплачены. А что до прочего, то мое слово одинаково со словом Балу!

Она лизнула ноги Маугли.

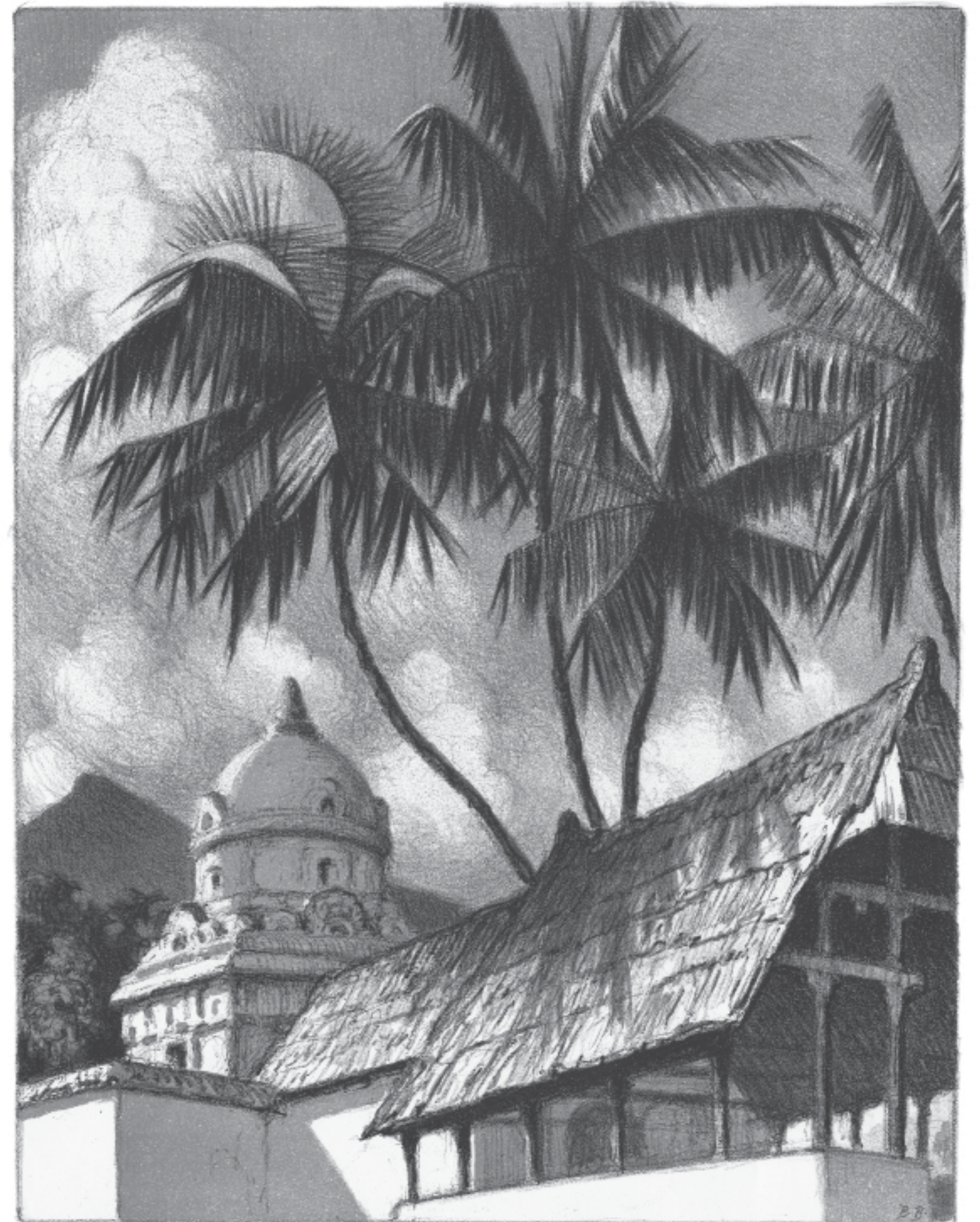
— Помни, Багира любила тебя! — крикнула она и исчезла в темноте. У подножья холма она снова испустила громкий протяжный клич: — Доброй Охоты тебе на новом следу, Владыка Джунглей! Помни, Багира любила тебя!

— Ты слышал? — спросил Балу. — Больше не о чем говорить! Уходи! Но раньше подойди ко мне. О мудрый Лягушонок, подойди ко мне!

— Тяжко сбрасывать кожу! — проговорил Каа, когда Маугли в неудержимых рыданиях положил свою голову на грудь слепого медведя, обвив руками его шею, а дряхлый Балу пытался лизать его ноги.

— Звезды побледнели, — промолвил Серый Брат, нюхая предрассветный ветер. — Где будет наше логово нынче? Отныне мы идем по новым следам.

Это последний из рассказов о Маугли.

С. Г. Займовский (1868—1950) — литературовед, переводчик, составитель словарей, юрист.

Лингвист-полиглот, С. Г. Займовский переводил с английского и других европейских языков. В его переводах вышли произведения Р. Киплинга («Маугли», «По склонам нагорья и трущобам Калькутты»), Марка Твена, Джека Лондона, сказки Г. Х. Андерсена, фантастика Г. Уэллса, Б. Бюргеля и других.

Широта интересов переводчика (астрономия, естествознание, педагогика) во многом определила направленность его деятельности. В переводах С. Г. Займовского увидели свет «Краткая история астрономии» А. Берри, «Мировые загадки» Э. Геккеля, «Материя и Энергия» Ф. Содди и т. д. Он перевел также известные книги по педагогике: «Дом ребенка» М. Монтессори (перевод с итальянского) и «Игры на полу» Г. Уэллса.

Помимо переводов художественной и научно-популярной литературы С. Г. Займовский выпустил справочник «Авторское право» (справочное пособие для издателей, авторов, переводчиков, художников, композиторов и сценических деятелей), не утративший актуальности и в настоящее время, сборник цитат «Крылатое слово» (1930г.), краткий англо-русский и русско-английский (многократно переиздавался, последнее издание — 1989г.), настольный англо-русский (изд. 1930г.) и полный англо-русский (1916г.) словари.

Издательство от имени всех читателей выражает искреннюю благодарность Н. В. Истратовой, Н. Е. Ватагину, И. А. Ерощеву, Т. А. Займовской и К. Шкатовой-Бауер и всем, кто помогал в подготовке материалов к изданию данной книги.

Оглавление

Братья Маугли.....	5
Охота Каа.....	29
Как пришел страх.....	61
Тигр-тигр.....	79
Набег Джунглей.....	101
Королевский анк.....	131
Красные собаки.....	151
Томление весны.....	177
Статья о художнике.....	202

С глубоким чувством изумления, уважения и любви смотрю я на мир животных. Отвергнуть такое отношение может лишь тот, кто не знаком с этим миром, не обращая на него внимания.
В. А. Ватагин

Василий Алексеевич Ватагин — русский художник, скульптор, анималист. Родился в Москве 20 декабря 1883 г. (1 января 1884) в семье преподавателя гимназии. Учился на естественном отделении Московского университета (1902—1907), попутно посещая студии Н. А. Мартынова (с 1899) и К. Ф. Юона (1904—1906). Будучи в Берлине в 1910 году, под руководством известного немецкого графика Капштейна освоил технику литографии. В этой технике выполнены многие его произведения, в частности альбом «Индия».

Скульптурой занимался самостоятельно (с 1909 г.). В 1903—1913 гг. путешествовал по Западной Европе; совершил поездки в Индию и на Цейлон. Испытал влияние древнеегипетской и древнеиндийской культуры. Выезжал на север России, Кавказ, Дальний Восток, в Среднюю Азию.

Был членом Московского Товарищества Художников и Общества Русских Скульпторов.

Один из лучших анималистов в русском искусстве XX в. он проявил в своих произведениях по-своему мистическую убежденность в тайной мудрости природы, наглядно раскрывающейся в фауне. Виртуозно работал в разных техниках и с любыми материалами, варьируя фактурные эффекты применительно к разным биологическим видам (Моржи, дерево, 1909; Тигр, бронза, 1925—1926; оба — в Третьяковской галерее, Москва; Кот-манул, керамика, 1957, Русский музей, Петербург). Едва ли не самыми любимыми его «героями» были обезьяны (Обезьяний шкаф, 1908—1909, частное собрание, Москва; две «головы орангов», 1927, Третьяковская галерея; все работы — дерево). Успешно выступал как график (альбом литографий «Индия», 1922) и художник книги (цикл литографий к «Маугли» Р. Киплинга, 1926).

Наряду с литературными сочинениями о животных (текстами того же Киплинга, а также Л. Н. Толстого, Дж. Лондона, Э. Сетон-Томпсона, И. С. Тургенева, В. В. Бианки) проиллюстрировал немало научных изданий. Из его «естественно-научных» вещей наиболее значительны картины, написанные в 1930—1950-х гг. для Дарвиновского и Зоологического музеев; лучшие из них представляют собой вполне самоценные художественные панно в стиле модерн. Оформил входы в Московский зоопарк (1931—1932; не сохранились, разобраны при перестройке 1980-х гг.). С 1919 г. много работал и как педагог — в Высших художественно-технических мастерских (Вхутемас) и других институтах. В 1957 г. написал и проиллюстрировал книгу «Изображение животного. Записки анималиста».

Ватагин был прекрасным педагогом, он преподавал в Москве в 1-х ГСХМ (1919 г.), во Вхутемасе (1921 г.), МВХПУ им. Строганова (1963—1969, с 1965 г. — профессор). Обаяние личности художника, его работы влекли к нему многих; большинство советских анималистов считали его своим учителем, хотя формально он им являлся далеко не всегда.

Лауреат Государственной премии СССР (1952). Народный художник России (1964), действительный член Академии Художеств.

Умер Василий Алексеевич 31 мая 1969 г., похоронен в городе Тарусе. Произведения художника находятся в экспозициях многих музеев, в том числе Третьяковской галереи и Русского музея.

«Маугли» и его авторы

Впервые книга «Маугли» вышла в свет в Москве в 1924 году. При этом сразу на русском языке и сразу с иллюстрациями В. А. Ватагина. В этих словах нет никакого парадокса. До 1924 года такой книги просто не было.

Конечно, Редьярд Киплинг имел к ней самое прямое отношение. Ведь именно он на тридцать лет раньше в своем вермонтском уединении написал первую и вторую «Книги джунглей». Но Маугли был в них хоть и основным, но не единственным героем. Были и другие, не связанные с ним сюжеты. Обе «Книги Джунглей», были феноменально популярны в те годы. Как, впрочем, и все, что писал Р. Киплинг. Недаром в 1907г., первым из английских писателей, он был удостоен Нобелевской премии по литературе.

*«Запад есть Запад, Восток есть Восток. — им не сойтись никогда
До самых последних дней Земли, до Страшного Суда!
Но ни Запада нет, ни Востока, нет ни стран, ни границ, ни рас,
Если двое сильных лицом к лицу встретятся в некий час».*

Так звучат, может быть, самые известные стихотворные строки Р. Киплинга. В них трезвый, но горький опыт человека родившегося и выросшего в британской Индии. Вместе с тем, пожалуй, именно Р. Киплинг, как мало кто другой, необычайно много сделал для распространения на Западе увлечения Востоком и, прежде всего, Индией.

Магия Р. Киплинга не оставила равнодушным и моего деда, будущего иллюстратора «Маугли», который прочел «Книги Джунглей» в ранней юности. В них он нашел не только очарование Индии, но и то, что влекло его к себе всю жизнь — любовь к животному, крайне редкое для тех лет отношение к нему как к существу, не уступающему человеку. «Мы с тобой одной крови».

Именно под впечатлением от Киплинга в 1913—14 гг., будучи уже дипломированным биологом, признанным специалистом научной иллюстрации и художником-анималистом, он едет на Цейлон и в Индию.

«Немного знакомый с мудростью йогов и чудесами индийской архитектуры и полный надежд и ожиданий, я всем существом рвался увидеть чудеса Индии» — напишет он позднее в своих воспоминаниях. Индия не обманула его. Целые дни с блокнотом и каран-

дашом он бродил по улицам индийских городов, стремясь запечатлеть как можно больше. Он настолько увлекался этим процессом, что пренебрегал общепринятым для европейцев в тропиках правилом — не появляться на солнце с двенадцати до трех дня. В результате сильнейший солнечный удар. Целых две недели он находился в прямом смысле между жизнью и смертью. Он выздоровел, но был настолько ослаблен болезнью, что вынужден был прервать поездку и вернуться в Москву.

Вместе с тем, все то, что испытал в этой поездке В. А. Ватагин, как художник и просто как человек, можно, говоря современным языком, назвать «культурным шоком». Храмы, религиозные церемонии, прежде всего ночные процессии во главе с храмовыми слонами глубоко потрясли его. настолько глубоко, что свою болезнь он даже воспринял как наказание ему, христианину, за слишком серьезное увлечение индуизмом.

А спустя десять лет появляется «Маугли».

Сначала из печати выходит серия литографий В. А. Ватагина, созданных под впечатлением поездки 1913-14 гг. Некоторые из них опубликованы в данном издании. И сразу вслед за этим он предлагает одному из многочисленных тогда частных издательств подготовить со своими иллюстрациями книгу под названием «Маугли», выделив из «Книг джунглей» в отдельную книгу рассказы о воспитаннике волчьей стаи.

Двадцатые годы были одним из бесспорных пиков в истории нашей детской книги. В эти годы в изданиях для детей пробовали себя художники не менее известные, и не менее талантливые, чем В. А. Ватагин. Но, если вспомнить, много ли из этих книг сохранилось в людской памяти, мы убедимся, что на первом месте, да еще большим отрывом окажется «Маугли». Недаром он переиздавалась десятки раз, сотнями тысяч экземпляров. Почему? Ответ не будет однозначным.

Конечно, своим успехом книга во многом обязана своему сюжету — он необычен, авантюрен, занимателен. Но этого мало. Очень большую роль в популярности «Маугли» сыграли и иллюстрации. Пожалуй, подготовленные к первому изданию рисунки стали своего рода вершиной творчества Ватагина-иллюстратора. Ну, и, наконец, просто бывают начинания со счастливой судьбой. Именно таким стал «Маугли».

Мне кажется, что В. А. Ватагин на протяжении своей долгой жизни сам искал объяснение успеху своего «Маугли». Именно поэтому он, вероятно, и пытался много раз ее улучшить. Почти к каждому новому изданию он подготавливал новые редакции рисунков. Он как бы соревновался

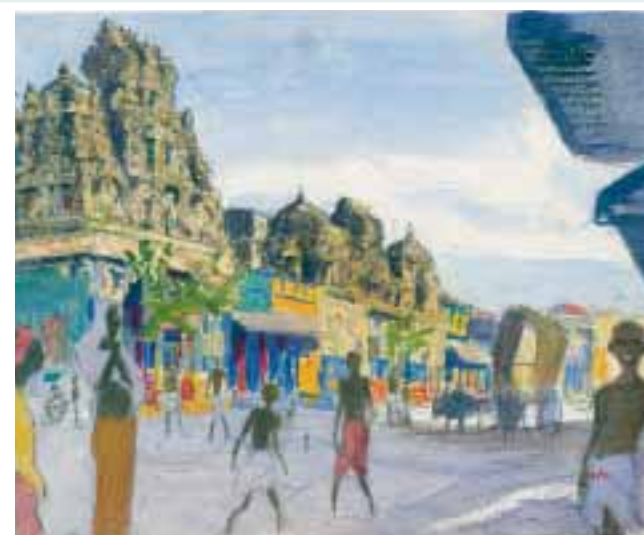
сам с собою, как когда-то, в первом «Маугли», переиначивал иллюстрации У. Г. Дрейка к изданию «Книг Джунглей» 1890-х. И все-таки под конец жизни он признал, что все эти попытки улучшить свои собственные первые иллюстрации на самом деле их только ухудшали.

Отец Р. Киплинга, Л. Киплинг, профессиональный художник, в свое время подготовил к «Книгам Джунглей» серию барельефов, фотографии которых прилагались к ним в качестве иллюстраций. В. А. Ватагин также не раз переводил в скульптуру героев своего «Маугли». Одно из первых моих воспоминаний раннего детства, когда мне было лет пять, — холод и затекшая спина — дедушка попросил меня побыть натурщиком для скульптуры «Багира и Маугли». Мне пришлось долго сидеть обнаженным в неудобной позе. Правда, вместо пантеры я прижимался к своей маме. Кстати, о Багире. Мой дед отлично знал немецкий, неплохо французский, но мало знал английский. В этой связи он не мог исправить многочисленные ошибки переводчиков. В том числе и самую заметную — Багира у Киплинга самец.

За свою почти столетнюю историю «Маугли» издавался десятки раз. Появились новые переводы, адаптированные пересказы, новые иллюстрации. Некоторые, хотя далеко не все, даже неплохие. Но для меня, разумеется, единственным возможным вариантом остается тот, что был сделан моим дедом.

Сейчас, годы спустя, подготовлена к изданию новая концепция «Маугли». При этом хочется отметить, что впервые наиболее полно были использованы все сохранившиеся в нашей семье оригиналы иллюстраций к первому, самому лучшему изданию 1924 года, давно ставшему библиографической редкостью. Пожелаем этому начинанию удачи.

В. Истратов, чрезвычайный и полномочный посол.

УДК 821.111-93 Киплинг
ББК 84(4Вел)-44
К42

Киплинг Р. Д.
К42 Маугли: повесть-сказка. — Москва: Проспект, 2011. — 208 с.
ISBN 978-5-392-01628-0

Повесть знаменитого английского писателя Р. Д. Киплинга о судьбе маленького мальчи-
ка, воспитанного волчьей стаей, о предательстве, преданности, борьбе со злом, о трудной,
но красивой и богатой приключениями жизни джунглей. Киплинг написал в послесловии:

*Что ж, ежели мой труд тебе А если вспомнишь вдруг на миг,
Понравился — так вот: Напрасно не тревожь:
Не беспокой меня в той тьме, Ты только из моих же книг
Что и тебя слетит. Всё про меня поймешь!* (Перевод В. Бетаки)

Литературно-художественное издание УДК 821.111-93 Киплинг
Киплинг Редьярд Джозеф ББК 84(4Вел)-44
МАУГЛИ
Повесть-сказка
Рисунки В. А. Ватагина

Главный редактор А. Ероцев
Литературное редактирование Ж. Канева
Реставрация рисунков И. Ероцев

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.004173.04.09 от 17.04.2009 г.

Подписано в печать 20.06.10. Формат 70х100 ¹/₈. Печать офсетная.
Печ. л. 26,0. Доп. тираж 2000 экз.

ООО «Проспект» 111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.
По всем общим вопросам обращайтесь по адресу: novajkniga@gmail.com
Отпечатано в типографии Pinguin Druck GmbH, Berlin

© Наследники В. А. Ватагина — рисунки, 1969
© Т. А. Займовская — текст, 1950
© А. Е. Ероцев, И. А. Ероцев — макет, 2010

